

ВПЕРВЫЕ.
НА РУССКОМ!

аластер рейнольдс

ФАЗА ИНГИБИТОРОВ

У Рейнольдса не бывает недостатка в великих идеях.

SF Site

Пространство Откровения

Аластер Рейнольдс
Фаза ингибиторов

«Азбука-Аттикус»

2020

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-445

Рейнольдс А. П.

Фаза ингибиторов / А. П. Рейнольдс — «Азбука-Аттикус»,
2020 — (Пространство Откровения)

ISBN 978-5-389-22111-6

Межзвездная цивилизация не пережила нашествия ингибиторов – безжалостных и невероятно терпеливых кибернетических существ, поставивших перед собой цель полностью очистить захваченное ими космическое пространство от человечества. Немногие уцелевшие люди частью укрылись на обломках своих миров, частью рассеялись по Галактике. Тридцать лет крошечная община ютилась в полых недрах безвоздушной, испещренной кратерами планеты, надеясь дожить до того дня, когда угроза минует. И вдруг следящая аппаратура сообщила, что к планете приближается корабль. Вероятность того, что он приведет врагов к убежищу, огромна. И Мигель де Рюйтер, лидер общины, отправляется навстречу, чтобы уничтожить корабль вместе со всеми, кто летит на его борту, – и, возможно, погибнуть самому. Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-445

ISBN 978-5-389-22111-6

© Рейнольдс А. П., 2020
© Азбука-Аттикус, 2020

Содержание

Фаза ингибиторов	6
Предисловие	6
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	37
Глава 5	47
Глава 6	54
Часть вторая	63
Глава 7	63
Глава 8	75
Часть третья	82
Глава 9	82
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Аластер Рейнольдс

Фаза ингибиторов. Музыка чумы

© К. П. Плешков, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

Фаза ингибиторов

Роман

Предисловие

Дорогой читатель!

Действие этого романа происходит во вселенной Пространства Откровения. Хотя он в определенной степени связан с некоторыми другими книгами и рассказами этого цикла, надеюсь, что его можно читать независимо. Вдобавок, хотя в нем имеются отсылки к предшествующим событиям и персонажам, я пытался избегать существенного раскрытия содержания других произведений. Если хотите погрузиться в эту книгу с нуля – добро пожаловать, и можете пропустить остальное.

Если же вам хочется чуть больше ориентироваться в происходящем, вот самое существенное, о чем следует знать.

Спустя пять с небольшим столетий человечество распространилось в космическом пространстве, заселив многие окрестные звездные системы. Бывали как хорошие времена, так и плохие: золотой век, фракционные войны, разрушительная эпидемия. Исследуя руины исчезнувшей чужой цивилизации, люди пробуждают давно спящую угрозу, возникшую еще в начале времен. Из тьмы появляются безжалостные кубические самовоспроизводящиеся машины – ингибиторы, которые принимаются истреблять человечество. В последующие двести лет люди и их союзники (включая обладающих коллективным разумом сочленителей и генетически модифицированных гиперсвиней), несмотря на все разногласия, объединяются и прибегают ко все более радикальным средствам в поисках оружия против ингибиторов, известных также как волки.

Все эти попытки в той или иной степени завершаются неудачей.

К концу двадцать восьмого века от человечества остается лишь несколько изолированных общин, которым приходится существовать в условиях все более ограниченных ресурсов, по-прежнему не имея представления, как отражать атаки волков.

С этого начинается «Фаза ингибиторов».

Опять-таки, если вам этого достаточно – добро пожаловать. Если желаете узнать больше подробностей о хронологии, терминологии и ключевых персонажах, загляните в конец книги, но имейте в виду, что эти примечания в определенной степени раскрывают содержание как «Фазы ингибиторов», так и других произведений.

Именно потому они и расположены в конце.

Аластер

Часть первая Солнечный Дол

Глава 1

Викторина раскрашивала стену. Я смотрел, как появляются все новые детали на потемневшем краю настенной росписи. Из пустоты летело множество кубов, каждый был изображен двумя быстрыми штрихами темно-синей и черной краски. Кубы отчетливо выделялись на красноватом фоне пылевого диска, выстраиваясь в извилистые линии, петли и цепи, прежде чем слиться в нечто более крупное и злобное, пронизанное молниями, будто армада грозовых туч. Но все это творчество принадлежало не Викторине, а другим школьникам, часть которых давно выросла или умерла.

И тем не менее она трудилась, слой за слоем нанося краску. Вот из тучи вырвалась стая диких уродливых тварей с пылающими злобой глазами, мускулистых и мохнатых, когтистых и клыкастых.

– Я знаю, что они на самом деле не волки, – сказала Викторина, словно предвидя мою реплику. – Я знаю, что мы просто их так называем. Но они вполне могли бы быть волками.

– Ты же никогда не видела волков.

– Мне это ни к чему.

– Они напоминают нам о том, что нас сюда привело, – тихо проговорил я. – Именно потому они изображены на стене. Но ты рисуешь их так, будто они собираются прыгнуть с неба. Тебе правда так кажется?

Викторина положила кисть на край металлического ящика, который держала в другой руке. Внутри находился импровизированный инструментарий. Химические пигменты и стабилизирующие эмульсии когда-то, во время великого поселенческого проекта, служили совсем другим целям. Некоторые цвета были ей недоступны, поскольку нужные ингредиенты либо не удалось найти, либо их нельзя было тратить на нечто столь несерьезное, как школьная стенная роспись. Роль кистей играли неоструганные палочки, увенчанные жесткой шерстью скотины, которую мы держали ради еды и одежды. Сам ящик с красками прежде был частью ранца жизнеобеспечения, давно разобранный и приспособленный для других целей. То, что Викторина вообще могла оставить на стене какой-то след, казалось неким чудом. По сути, в ее волках жила невероятная, полная отчаяния энергия.

– А как, по-твоему, мне должно казаться? – ответила она вопросом на вопрос.

Земля содрогнулась от глухого удара. Мы оба посмотрели вверх – над стеной, над школой, на каменный потолок высоко над нами. Последовал второй удар, и с потолка посыпалась грязь и пыль. Потолочные огни мигнули и погасли. Начали отваливаться более тяжелые камни. В пещере послышались крики.

Викторина, однако, оставалась полностью спокойной.

– Они здесь, – сказала она, отходя на шаг от плода своих трудов. – Они здесь и хотят ворваться. – В ее голосе послышались обвинительные нотки. – Это значит, что у тебя ничего не вышло, Мигель. Ничего не вышло, и настает конец всему.

Она опустила кисть в баночку с растворителем и неторопливо ею помешала.

Грохот ударов сменился пульсирующим сигналом таймера пробуждения. Вместо шороха кисти слышался шум просыпающихся воздушных насосов. Глаза жгло, но не от попавшего в них мусора, а от попытки широко их раскрыть после долгих недель сна.

Я проснулся.

Внутри гибернатора.

Лежа в невесомости, я сразу же понял, что пережил полет и что корабль вместе со всеми его компонентами сумел продержаться достаточно долго, чтобы доставить меня в точку перехвата. Учитывая состояние нашей техники, в том числе систем защиты, уже за одно это мне следовало благодарить судьбу. Гибернаторов вполне хватало, чтобы провести несколько недель в анабиозе, но по надежности они никак не могли сравниться с криокапсулами, которые мы когда-то воспринимали как нечто само собой разумеющееся. Каждый перелет, включавший в себя период анабиоза, сопровождался риском погибнуть или стать навсегда инвалидом. Я рискнул и остался жив; и мне предстояло рискнуть как минимум еще раз до моего возвращения в Солнечный Дол.

Я подождал минуту, собираясь с силами, а затем занялся отключением находившихся в камере датчиков и катетеров. Покончив с долгой и мучительной процедурой, я не спеша осмотрел себя отстраненным, методичным взглядом врача. Голубое сияние беспощадно высвечивало все дефекты: шрамы, дряблые мышцы, седые волосы – ничего нового. Несколько свежих ссадин, пара синяков, кровотечений тут и там, обычное онемение и дрожь в пальцах. Ничего такого, что могло бы умертвить меня в ближайшие часы.

В памяти все еще были свежи воспоминания о последних нескольких днях перед отлетом. Обнаружение, подтверждение, решение о перехвате. Мое добровольное согласие участвовать в операции. Аргументы за и против, слезы и тоскливое прощание с Николя и Викторией. Старт из кратера с ложным дном над ангаром для шаттлов в Солнечном Доле. Боль в костях, пока шаттл разгонялся, набирая скорость под прикрытием окружавшего звезду пылевого диска. Десять g, четыре целых семь десятых часа. К счастью, большую часть этого времени я пробыл без сознания, а выдержал лишь благодаря энергичным мерам по жизнеобеспечению, снявшим бремя с сердца и легких. Позвоночник все еще болел от последствий перегрузки, от медленного и болезненного перехода к невесомости.

Такое тяжело даже для молодого человека, а для реликта вроде меня вообще убийственно.

Почему я вызвался добровольцем? Чтобы ответить на этот вопрос, пришлось углубиться в воспоминания, и меня сразу обожгла дикая боль, будто от прикосновения к болтающемуся на нерве зубу.

Ах да. Вот почему.

Политическое искупление вины.

На моей профессиональной репутации появилось пятно, когда провалилась попытка от меня избавиться. После спорного суда и неумелой казни я решил исправить ошибку.

Рюрик Тэйн, корчащийся на полу, еще не мертвый.

Во всем был виноват только я. Для смещения меня с должности не было никаких поводов – ничего криминального, лишь ряд ошибочных суждений, – но этого вполне хватало, чтобы подорвать оказанное мне доверие, за которое я столь тяжело сражался с момента основания Солнечного Дола.

Я подавил всяческую жалость к себе. Я сам сделал выбор, никто меня не вынуждал. Как союзники, так и скептики пытались меня отговорить. Но я знал, что единственный способ искупить вину – исполнить свой долг.

И теперь мне предстояло довести дело до конца.

Как только миновала сопутствовавшая пробуждению слабость, я выбрался из гибернатора и поплыл в рубку управления с местами для пилотов и слабо светящимися приборами. Хотя на корабле с легкостью могла поместиться более многочисленная команда, я был один. Устроившись в среднем кресле, я поднял яркость приборов до нормальной, оставив иллюминаторы закрытыми. Удовлетворившись тем, что корабль пребывает в добром здравии (спасибо

основательно постаравшимся инженерам), я включил связь, надеясь получить информацию о пришельце. Меня бы вполне устроило, если бы это оказалась ложная тревога, некий мираж, или если бы команда пришельца передумала и двинула обратно в межзвездное пространство, оставив нас в покое.

Но надеждам не суждено было сбыться. Пришелец никуда не делся, он продолжал лететь прямо в сторону Михайлова Дня и Солнечного Дола.

Я скорректировал свое положение, используя маневровые двигатели на холодном газе, чтобы минимизировать вероятность быть замеченным. Мой корабль все еще отделяли от пришельца тридцать миллионов километров, но это была мелочь по сравнению с размерами системы. Наша относительная скорость составляла чуть меньше четырех тысяч километров в секунду – до встречи оставалось два часа.

Перейдя в ракетный отсек, я открыл шлюз и внимательно осмотрел оружие, убеждаясь, что оно не пострадало при старте.

Ракета была лишь одна – толстый цилиндр с закругленными торцами, длиной в два метра, на раздвигаемых пусковых салазках. На плоской стороне кожуха виднелась панель с черными кнопками. Я коснулся одной из них, и вспыхнула матрица из красных огоньков, которые прошли стартовый цикл и замерли, сигнализируя о готовности. Загерметизировав люк, я откачал из ракетного отсека воздух, затем открыл внешний люк и выдвинул салазки за пределы корпуса.

Вернувшись в рубку управления, я обнаружил, что проверка ракеты и подготовка к пуску заняли менее десяти минут.

Я загрузил тактические данные с главной консоли шаттла в ракету, снабдив ее информацией о текущем положении и скорости пришельца. Затем еще раз проверил связь – просто на случай, если вдруг поступил приказ об отмене атаки.

Но ничего такого не поступало.

Дождавшись, когда расстояние между нами сократится всего до двух миллионов километров, я выпустил ракету. Захваты на салазках раскрылись, и ракета без каких-либо фанфар устремилась прочь, быстро разгоняясь. Я ждал реакции пришельца, попытки увернуться, но он продолжал приближаться. Впрочем, меня это не удивило: если пришелец мог обнаружить ракету, он точно так же мог давно обнаружить и меня.

Судя по данным на консоли, ракета зафиксировала цель. Она должна была проскользнуть подобно кинжалу между лучами двигателей и самоуничтожиться за микросекунду до столкновения. Издали аннигиляционный взрыв ничем не отличался бы от аварии двигателя сочленителей – точно такая же авария последовала бы мгновение спустя, когда корабль развалился бы на части.

Лишь покончив с делом, я позволил себе подумать о тех, кто сейчас спал на том корабле. Я понятия не имел, сколько их, где и когда началось их путешествие. Вряд ли мы когда-нибудь узнали бы это. Но хотелось думать, что они легли в свои анабиозные камеры без страха в душе, ничего не зная о том ужасе, который, судя по всему, их обнаружил, а потом преследовал среди звезд, гоня к последнему пристанищу.

Я знал, что однажды мы найдем способ их оплакать. Дело вовсе не в том, что мы являлись убийцами по своей природе или имели что-то против команды и пассажиров того корабля. Наверняка они просто искали укрытие от волков, какое-нибудь тихое, неприметное место. Сами мы именно по такой причине выбрали Михайлов День и вообще эту систему. Вероятно, они руководствовались той же логикой.

Но мы успели раньше. Мы зарылись в кору Михайлова Дня и прожили там много лет, доказав, что хорошо умеем залегать на дно. Мы никому и никогда не выдавали нашего присутствия и не намеревались этого делать. Вот почему мы не могли допустить, чтобы до нас добрался этот яркий и неуклюжий незваный гость. Даже если люди на его борту ничего о нас

не знали и даже если не имели ни единого шанса узнать, они все равно могли привести волков прямо к нашему порогу.

И потому они должны были погибнуть, причем так, чтобы это выглядело случайной катастрофой.

На консоли замигал красный огонек, раздался пронзительный предупреждающий сигнал. К моему ужасу, в траектории ракеты появилась аномалия. Я мог лишь беспомощно наблюдать, считывая едва различимый след телеметрии – низкочастотный треск, смешивавшийся с радиочастотным шумом, который исходил от Михаила. При одном из резких отклонений заело маневровый двигатель, и ракету начало уводить в сторону.

Я проклял наше невезение. У импровизированных ракет отказ рулевого управления был вполне вероятен – мы требовали от них намного большего, чем то, на что они были рассчитаны. Но мы сделали все возможное, чтобы минимизировать эту проблему.

– Скорректируй курс, – прошептал я.

Ракету мотало из стороны в сторону. Могло хватить любого толчка, чтобы заклинивший двигатель вновь заработал. Еще оставался шанс...

Но на консоли снова замигал огонек, и послышался уже другой предупреждающий сигнал:

Перехват невозможен.

Перехват невозможен.

Перехват невозможен.

С математикой не поспоришь. Судороги увели ракету слишком далеко от расчетной траектории. Если только пришелец вдруг любезно не сменит свой курс, ракета уже никак не может достичь цели.

– Отбой и самозащита, – приказал я ракете.

Мои слова предназначались исключительно для консоли, обладавшей достаточным искусственным интеллектом, чтобы понимать естественный язык. Ракете передавалась лишь короткая последовательность двоичного кода.

Ракета должна была израсходовать остатки топлива в попытке выхода на орбиту-отстойник, откуда ее смогут когда-нибудь забрать. Сколь ни сложна подобная задача, все равно это лучше, чем потерять боеголовку.

Теперь я знал, что нужно делать. О том, что это может потребоваться, я знал всегда, но загонял знание в самые дальние уголки разума, пока оставалась надежда, что нашей первой линии обороны вполне достаточно.

Однако, после того как отказала ракета, оставалось лишь прибегнуть к другому нашему способу остановить летящий на околосветовой скорости корабль. Метод этот нельзя было назвать столь же хирургическим, и он мог обойтись куда дороже Солнечному Долу... А самое главное, даже если бы получилось, я никогда бы об этом не узнал.

Но альтернативы у меня не было.

– Протокол два, – сказал я шаттлу. – Запрет на отбой.

Подтверждение?

– Кидония, – ответил я, воспользовавшись заранее заготовленным паролем.

Шаттл принял мои инструкции. Заработали его собственные маневровые двигатели, еще точнее коррелируя его курс с курсом пришельца. Ему предстояло последовать по той же траектории, что и ракете, проскользнув между лучами дюз. Это не просто даже для ракеты, не говоря уже об объемистом шаттле. Но даже если часть радиации из дюз пришельца просочится сквозь корпус, это уже не имеет значения.

Боеприпасов у меня не было, так что разрушительная мощь шаттла содержалась исключительно в его массе и скорости. Я надеялся, что этого хватит.

Я чувствовал себя намного спокойнее, чем можно было ожидать. Ни для сомнений, ни для нервного срыва уже не оставалось времени. Я передал все необходимое управление шаттлу, лишив себя возможности что-либо отменить. Я мог сражаться с приборами, умолять о пощаде, но все было бы тщетно.

Мне предстояло умереть.

Вместе с собой я обрекал на смерть неведомое число невинных душ, летящих на том корабле. Но при этом я спасал пять тысяч жителей Солнечного Дола, включая женщину, которую любил, и ее дочь, которую она допустила в мой мир. Я представил, как Николя и Викторина сидят за нашим столом. Николя сообщает печальную новость, а Викторина слушает, отважно храня самообладание в течение нескольких секунд, прежде чем до нее доходит вся правда. Я не был ее отцом и никогда не знал дочерней любви, но верил, что она будет мной гордиться.

Я собрался с духом и стал смотреть, как таймер отсчитывает секунды до нуля. Последовала яркая вспышка, и на какое-то дурацкое мгновение я решил, будто это и есть удар. Но белое свечение никуда не делось, оно просачивалось сквозь стены кабины и заслонки на иллюминаторах, пока наконец не исчезло.

Шаттл сильно тряхнуло.

Таймер миновал нулевую отметку и продолжил считать.

И все-таки я не умер. Но что-то все же случилось. Словно в тумане я увидел, что все системы корабля выключились. Новых толчков не последовало, но я чувствовал, что корабль рыскает, потеряв управление.

Я глубоко вздохнул, ошеломленный тем, что все еще существую. Я всерьез жалел, что искупление грехов, на которое я надеялся в миг смерти, более мне недоступно.

Постепенно мое зрение восстановилось; столь же постепенно восстанавливались функции шаттла. На консоли снова вспыхнули индикаторы. Имелись некоторые повреждения, но не столь серьезные, чтобы их можно было связать с какого-либо рода столкновением. Внешняя обшивка слегка пострадала, но явно не от удара.

Внезапно будто градом осыпало шаттл. Или будто кто-то колотил по нему кулаками. Мгновение спустя все прекратилось.

Я начал понимать.

Мне вовсе не обязательно было таранить пришельца. В последние несколько секунд перед столкновением его двигатели наконец не выдержали и разрушились, вызвав белую вспышку и лишив чувств мой шаттл, но не уничтожив его. Я проплыл сквозь расширяющееся облако обломков.

Шаттл явно пребывал в замешательстве. Ему поручили задачу, но этой задачи больше не существовало.

Отсутствует решение для протокола два.

Отсутствует решение для протокола два.

Отсутствует решение для протокола два.

Отменить запрет отбоя?

– Да, – выдавил я, с трудом переводя дыхание после того, как меня коснулась холодной лапой смерть. – Да, отменить запрет отбоя. Подтвердить отмену.

Запрет отбоя отменен. Жду приказаний.

«Приказаний». Сама мысль об этом казалась нелепой. Что я, собственно, мог приказать? Несколько минут назад я очистил разум от всего, кроме полного смирения с неминуемым концом. Теперь же мне предстояло нашарить оборванную нить моей собственной жизни, найти какую-то цель и двигаться дальше.

– Не знаю, – проговорил я. – Просто... стабилизируй положение. Следуй прежним курсом и... выясни, что, черт побери, произошло. И... отзови ракету, если ей еще хватит топлива.

Полчаса я продолжал дрейфовать мимо точки взрыва. Затем с консоли раздался мелодичный звон – негромкий и вежливый, будто кашель в театре.

Шаттл что-то обнаружил. Это были не данные от ракеты, не сообщение из Солнечного Дола или с одного из наблюдательных спутников-апостолов, а электромагнитный сигнал – повторяющиеся радиоимпульсы с интервалом, близким к одной секунде. Я поручил шаттлу собрать достаточное количество этих импульсов и подвергнуть тщательному анализу заключенное в них содержание. Содержания, впрочем, было крайне мало – всего лишь плавные взлеты и падения, за которыми следовала тишина, потом снова взлеты и падения.

Пока мы дрейфовали, шаттл сумел запеленговать источник импульсов. Он удалялся от точки, где взорвался пришелец, но в том же направлении, что и я, и почти с той же скоростью – разница составляла лишь несколько сотен километров в секунду. Если бы он двигался вместе с облаком обломков, его сейчас отделяли бы от меня десятки миллионов километров, но он находился меньше чем в двух миллионах километров у меня за кормой.

Нечто сумело пережить взрыв или было выброшено незадолго до него. И это нечто распространяло в точности тот самый сигнал, который Солнечный Дол уже тридцать лет изо всех сил старался не распространять: четкий, повторяющийся и недвусмысленный индикатор функционирующей человеческой технологии. Неизвестно, мог ли взрыв привлечь волков, но вряд ли они проигнорируют методичный сигнал бедствия.

Если только этот сигнал не смолкнет. И очень скоро.

Ракета вернулась, скользнув из темноты внутрь шаттла и вновь зафиксировавшись на салазках.

Поместив ее обратно в оружейный отсек, я начал перекачивать в ее бак топливо из запасов шаттла. На это требовалось время, но иных вариантов у меня не было. Пока шла заправка, я с помощью непростой, но тщательно отработанной процедуры извлек из передней части ракеты боеголовку с антимагией. Ее магнитная оболочка вместе со встроенной в нее системой детонации представляла собой кусок стерильного металла величиной с кулак, чистый и блестящий, будто искусственное сердце. Боеголовка была слишком ценна, чтобы тратить ее на цель, для которой, как я рассчитывал, хватит обычного кинетического удара.

Покончив с этим и загрузив в ракету пересмотренные координаты цели, я отправил ее обратно.

И стал ждать.

Мой план был достаточно ясен – я уже начал коррекцию курса, которая в конечном счете привела бы меня назад, на Солнечный Дол.

На таком отдалении от плоскости эллиптической орбиты космическая пыль уже не защищала меня в той же степени, что и вначале. Маневровыми двигателями приходилось пользоваться осторожно, с псевдослучайными интервалами, стараясь по возможности затеряться в переменном свечении самого Михаила.

После того как ракета сделает свое дело, проложенный курс приведет меня в окрестности точки удара, которые я обследую на предмет природы источника передачи. О том, на что могут указывать те обломки, не хотелось думать.

Ракету отделяло от цели тридцать минут, когда послышался голос.

Он принадлежал женщине, говорившей на каназиане – языке, которым пользовалось большинство из нас в Солнечном Доле.

– Помогите мне... Кто-то наверняка меня слышит. Пожалуйста, помогите...

Консоль подтвердила, что голос исходит из той же точки, что и сигнал бедствия. Он был едва слышен, но проблем от этого не становилось меньше.

– Замолчи, – умоляюще проговорил я, как будто она могла услышать. – Ты все равно умрешь, к чему усложнять?

– Я не знаю, где я и сколько прошло времени, – продолжал голос. – Но что-то случилось, и никого больше нет. Думаю, с кораблем что-то произошло, что-то плохое. Если вы меня слышите и находитесь где-то рядом, помогите мне. Мне холодно... все холоднее. Пожалуйста, помогите.

Голос казался призрачным, потусторонним, будто исходил не из человеческой гортани.

– Ты волк? – прошептал я в пустоту кабины. – Хочешь заманить меня в ловушку?

– Мне очень холодно. Вряд ли так должно быть. Я не могу пошевелиться... не чувствую ничего ниже шеи. Даже не уверена, говорю ли я в самом деле. Я слышу свой голос... но он как-то не так звучит. Будто это не я, а мой призрак.

– Потому что ты умерла, – сказал я.

Я велел консоли открыть обратный канал связи на той же частоте.

– Замолчи, – повторил я, но на этот раз уже для нее. – Замолчи и попробуй сообразить, как отключить этот твой аварийный маячок.

Последовало двадцать секунд тишины, затем ответ:

– Кто ты? Можешь мне помочь?

– Не важно, кто я. Ты слишком шумишь, и это нужно прекратить.

Теперь я тоже шумел, но, по крайней мере, шаттл посылал мой ответ по узкому лучу строго в ее сторону, сводя к минимуму вероятность, что он рассеется или будет перехвачен.

– Если ты не сможешь... – Собственно, ни о каком «если» речи не шло – я собирался в любом случае ее убить. – Просто выключи аварийный маячок. Вероятно, ты все еще пребываешь в криосне, но пробудилась до минимального уровня сознания. Ты наверняка можешь обратиться к командному дереву своей капсулы. Найди способ отключить сигнал и прекрати голосовую передачу.

Снова наступила тишина – задержка, вызванная разделявшим нас расстоянием. Она тянулась столь долго, что мне показалось, будто загадочная незнакомка восприняла мое предупреждение со всей серьезностью.

– Мне страшно, – наконец проговорила она. – Я не помню, что случилось. Сперва был корабль, а потом это. Я даже не...

– Замолчи.

– ...помню, кто я.

– Слушай меня внимательно. Здесь небезопасно. Мой долг – защищать мой народ, а ты несешь угрозу.

– Где я?

– Дрейфуешь вдалеке от тех мест, где тебе когда-либо хотелось оказаться. А теперь выключи сигнал.

– Мне так холодно...

Двадцать секунд спустя маячок смолк – то ли выключился сам, то ли она все-таки сумела добраться до командного дерева. Я позволил себе облегченно вздохнуть. Оценить последствия случившегося я не мог, но был рад уже тому, что мне больше не бьет по ушам идущий с консоли сигнал и что не придется тратить ракету.

– Думаю, он больше не работает.

– Хорошо, – выдохнул я. – А теперь...

– Пожалуйста, помоги мне.

Я рассчитал новый курс, отозвал ракету и велел ей снова идти на орбиту-отстойник. Мы с ней должны были пройти через одну и ту же область пространства, но в разное время и с разными скоростями, так что перехватить ее в этот раз не было никакой надежды. Но даже без боеголовки ракета стоила того, чтобы ее сохранить.

Чтобы добраться до места, откуда исходил женский голос, требовалось три недели. Снова забравшись в гибернатор, я закрепил в нужных местах катетеры и датчики, после чего настроил

автоматику так, чтобы она оживила меня, когда шаттл окажется в двух часах пути от дрейфующего объекта.

Ее капсула свободно парила, давно покинув облако обломков. Она медленно кувыркалась, поворачиваясь ко мне всеми сторонами. Внешне походила на продолговатый ящик с закругленными углами; из торца торчало сплетение шлангов и проводов. Модуль для криосна – но не привычной мне разновидности. По повреждениям в конце капсулы, противоположном голове пассажирки, я предположил, что ее сорвало с какой-то опоры или шасси, возможно выполнявшей некую функцию, которую капсула не могла обеспечить сама. Как долго она способна поддерживать жизнь своей пассажирки без поступающих через эти обрубленные корни питательных веществ? Мне подумалось, что та должна обладать отменным здоровьем, чтобы протянуть несколько суток, не говоря уже о неделях, которые потребовались мне, чтобы до нее добраться.

Я подплыл ближе, пользуясь лишь пассивными датчиками шаттла и полагаясь на окружающее освещение. Меня не оставляла мысль, что это может оказаться волчья ловушка, хитроумная имитация-приманка. Но чем больше сокращалось расстояние между нами, тем менее вероятным казался подобный вариант. Слишком уж реально и убедительно все выглядело. На поверхности капсулы виднелись вмятины, и царапины, и множество пузырей в тех местах, где обшивка, должно быть, подверглась воздействию чудовищного жара. В уцелевшем ее конце располагалось прямоугольное окошко, примерно там, где должно было находиться лицо пассажирки. Стекло защищала металлическая решетка. Дизайн капсулы выглядел грубоватым и старомодным.

Капсула продолжала кувыркаться. Под стеклом что-то мелькнуло – или нет?

На мгновение возникло безмятежно спящее лицо, залитое красноватым светом Михаила.

Я подвел шаттл к капсуле на расстояние нескольких метров. Если это бомба, я уже чересчур близко – не важно, в метрах или километрах. Открыв оружейный отсек, я опустил салазки, используя захваты, чтобы поймать капсулу и остановить ее вращение. Задача оказалась не из простых, но после двадцатиминутной возни, сопровождавшейся потерями и погонями, мне наконец удалось в достаточной степени укротить капсулу, чтобы затащить в корабль. Хорошо, что там не было ракеты, иначе в отсеке просто не оказалось бы места. К счастью, два эти объекта не слишком различались формой и размерами.

Загерметизировав шлюз, я открыл внутренний люк. Капсула лежала окошком ко мне, но из-за внезапного переноса в воздушную среду стекло под решеткой заиндевеловало, не позволяя проникнуть сквозь него моему взгляду.

Я заранее подготовился, надев наушники. Закрепив на оболочке капсулы магнитный держатель, поднес к губам микрофон.

– Слышишь меня? – неуверенно спросил я. – Меня зовут Мигель де Рюйтер, и это я говорил с тобой три недели назад. Я доставил тебя на борт моего корабля. На обшивке твоей капсулы установлен радиопередатчик, работающий на той же частоте, на которой мы уже общались. Ответь, если хоть что-нибудь из сказанного до тебя дошло.

Ответа из капсулы не последовало, но я на это и не рассчитывал. Я совершал привычные действия, почти смирившись с тем, что пассажирка уже мертва – или, что то же самое, ее невозможно вернуть к жизни. Смерть приходила во многих обликах. В самой глубокой точке криосна мертвы были все – никаких мыслей, никаких клеточных процессов. Но человека все же удавалось оживить – если капсула работала штатно. Если же случался сбой, по клеткам тела могла пронестись разрушительная волна, раздирая их изнутри и разрывая связи между ними, кодировавшие все то, что мы считали самым дорогим для себя. Теплый труп с превратившейся в серую кашу нейронной сетью был ничем не лучше холодного.

На других планетах, в лучшие времена, всегда оставалась надежда. В Солнечном Доле проблемой становилось даже удаление зуба или вправление перелома. Восстановление же поврежденного мозга абсолютно выходило за пределы наших возможностей.

– Отдыхай, – сказал я, будто это имело какое-то значение. – Теперь ты в безопасности, летишь со мной на мою планету.

Я оставил магнитный держатель на месте, не выключая радиоканала.

Пройдя в переднюю часть шаттла, я начал готовить его к полету домой. Несколько запусков маневровых двигателей, пара коррекций курса, немного еды в брюхо – и я уже мог снова лезть в гибернатор. О том, что делать с жутким трофеем, пусть теперь беспокоятся другие.

– Поговори со мной.

Голос доносился с консоли, передаваемый через магнитный держатель. Метнувшись обратно в оружейный отсек, я схватил перчатку и, как сумел, стер иней с зарешеченного окошка.

– Я здесь, – сказал я в микрофон. – Ты... хорошо себя чувствуешь? Помнишь что-нибудь из случившегося за последние три недели?

– Где я?

Голос все так же казался отстраненным и не вполне реальным. В нем было нечто чересчур чистое, кристальное, вроде мелодии, издаваемой бокалом, когда по нему проводят влажным пальцем.

– На корабле. Я тебя спас.

– Спас меня?

Я напряг зрение, пытаюсь лучше разглядеть лицо за окошком. Но стекло слишком запотело изнутри, и лицо парило под ним, будто темноглазая луна, проглядывающая сквозь перистые облака.

– Что-то случилось. Ты была на корабле – намного большем, чем этот. Произошла катастрофа... Твой корабль взорвался при входе в нашу систему.

– Катастрофа?

– Отказ двигателя. Похоже, тебя взрывом вышвырнуло наружу. Я поймал сигнал твоей капсулы. Только твой.

– Были и другие, – отстраненно проговорила она, будто к ней только теперь начали возвращаться воспоминания. – Ты должен их отыскать. Не могла же я быть единственной.

– Вряд ли кто-то еще уцелел. Даже если и так... боюсь, найти их невозможно. У тебя работал передатчик, но больше ни у кого его не было.

– Я хочу выбраться из этой штуки. У меня все онемело.

– Ничем не могу помочь, пока мы не прилетим в Солнечный Дол. Там о тебе позаботятся.

– Что такое Солнечный Дол?

Я перешел к другому концу криокапсулы, на который пришлось больше всего повреждений; там торчали чисто срезанные многочисленные шланги и провода.

– Безопасное место. Маленькое поселение на планете под названием Михайлов День, на орбите звезды, которая называется Михаил.

– Не знаю таких.

– Тебе и неоткуда знать. – Надев изолирующие перчатки, я осмотрел оборванные соединения, пытаюсь опознать знакомые технологии и функции. – Позволь спросить: ты хоть что-нибудь помнишь о себе?

– Был корабль. Нас погрузили на него, потом собрались усыпить. Сказали, когда мы проснемся, окажемся где-то в другом месте. Меня зовут... – Она замолчала, не в силах дать себе ответ на простейший вопрос. – Я не помню.

– Вспомнишь, – пообещал я, ощупывая два толстых кабеля с сердцевиной из металлического сплава, скорее всего силовые. – Если я скажу слово «волк»... оно будет для тебя что-то значить?

– У нас были волки в холмах над Плато Завинула. Они прибыли с одним из первых кораблей. Я слышала их, когда луна стояла высоко в небе.

– Это не те волки. Но хорошо, что ты хоть что-то помнишь о своей родине. Плато Завинула... – задумчиво произнес я. – Кажется, это на Приюте – одно из первых поселений демархистов. Помнишь, когда вы оттуда улетели?

– Не совсем. Как, ты сказал, тебя зовут?

– Мигель де Рюйтер.

– Ты пилот?

– Нет. – Предположение вызвало у меня улыбку. – Администратор.

– Важная персона?

Отойдя от капсулы вглубь оружейного отсека, я с усилием открыл служебный люк в переборке шаттла. За полосатой, как пчела, панелью находилась путаница силовых кабелей и идущих к датчикам проводов. Как и все прочее на шаттле, оно носило явные следы неоднократного ремонта и переделок.

– Занимаю достаточно высокое место в пищевой цепочке.

– Тогда почему послали тебя?

– Я сам себя послал.

Открыв взятый в дорогу инструментальный ящик, я начал перебирать его содержимое в поисках того, что могло понадобиться для установления импровизированной связи между кораблем и капсулой. Я решил, что это вполне реально, даже если будет выглядеть не вполне изящно.

– Они в самом деле все погибли, Мигель де Рюйтер?

– Думаю, да.

– Это плохо, что я ничего не чувствую?

Обеспокоенный вопросом женщины, я снова взглянул на капсулу.

– Я бы сказал, что это вполне по-людски. Ты вовсе не обязательно должна была знать хоть кого-то из летевших на том корабле. На «Салмакиде» многие из нас путешествовали в одиночку, не контактируя с другими пассажирами. Мы толком не знали друг друга, пока не основали поселение.

– А теперь?

– Мы стали общиной. Семей из пяти тысяч человек. Есть свои различия, как и в любой семье, и порой весьма серьезные. Но нас связывает чувство единства и взаимопонимания, ощущение нашей хрупкости. Можешь называть это любовью. Чтобы выжить, приходится заботиться друг о друге. Без любви и поддержки наших сограждан каждый из нас крайне уязвим. Вместе, когда каждый делает свою работу, мы достаточно сильны, чтобы переждать нашествие волков. И этим, несмотря ни на какие препятствия, мы занимаемся уже тридцать лет.

– Думаю, ты очень хороший человек, Мигель де Рюйтер, если оставил свою семью и прилетел сюда ради меня.

– В таком случае ты ошибаешься.

– Ты рисковал жизнью, разлучился с любимыми, и все ради одной пассажирки, которую даже не знаешь.

Я был только рад, что она не видит, как напряглось мое лицо.

– Я делал свою работу.

Глава 2

Еще через шесть недель я вернулся домой.

Когда я вышел из гибернации в нескольких часах пути от Михайлова Дня, шаттл уже тормозил в последний раз. Извещать о моем прибытии не было никакого смысла – в течение всего пути за мной следили апостолы, они предупредили Солнечный Дол о моем неминуемом возвращении. Даже без апостолов датчики Михайлова Дня зафиксировали бы мой корабль и установили, что я не имею никакого отношения к волкам. Если бы меня сочли некоей иной угрозой – объектом человеческого происхождения, чересчур заинтересовавшимся Михайловым Днем, – я был бы уже сбит нашими оборонительными рельсотронами.

То, что я все еще жив, означало, что меня опознали как своего.

Когда перегрузка упала в достаточной степени и я смог двигаться, я вернулся к пассажирке и убедился, что с ней все в порядке. Она пребывала на прежнем уровне криосна – как и в тот момент, когда я сам ушел в гибернацию. Инея на ее окошке чуть убыло, черты лица стали различимее. Бледное, бескровное, оно походило на белую бумажную маску. Глаза с темными кругами были закрыты, губы плотно сжаты; на лице застыло выражение безмятежного покоя. Мне вспомнилась виденная когда-то картина, изображавшая плавающую в воде утопленницу.

Я вернулся в рубку, готовясь посадить шаттл.

Михайлов День – голая глыба размером больше Марса, но меньше Земли. Не считая короткого периода заселения людьми, он был обречен на необитаемость. На нем отсутствовала атмосфера, не было морей и ледяных шапок. За всю его крайне короткую жизнь никакие жидкости не проливались на его поверхность и вряд ли могли пролиться в будущем: злые солнечные вспышки на Михаиле изгнали из его планетной системы все животворные химические соединения, причем навсегда. Поэтому Михайлов День вполне устраивал нас в качестве укрытия. Постоянная бомбардировка метеоритами превратила его поверхность в хаос перекрывающихся кратеров, обеспечив естественную маскировку для наших наземных сооружений, пусковых установок и служебных шахт. Каждый метеорит отдавал часть своей кинетической энергии коре планеты, едва заметно повышая ее температуру. Со временем этот температурный фон послужил камуфляжем для нашей собственной деятельности, производящей тепло. Вдобавок кора звенела как колокол, что весьма затрудняло обнаружение человеческого присутствия посредством дистанционной сейсмографии, сканирования поверхности лазером или радаром. Постоянный фон был таков, что нашим сейсмофонам приходилось тяжело трудиться, чтобы отделить сигнал от шума. Дополнительное прикрытие обеспечивал пылевой диск, в котором Михайлов День парил, а когда на Михаиле происходила очередная вспышка, мы старались замаскировать ею старт корабля или передачу сигнала.

Нельзя сказать, что все это было абсолютно надежно и достаточно просто. Мы прилетели на Михайлов День не для создания колонии, а для того, чтобы как можно дольше скрываться. Сколько именно – тридцать лет или сто тридцать, – никем не обсуждалось. В Солнечном Доле считалось аксиомой, что мы будем ждать, сколько потребуется, всегда осознавая, что это лишь временное убежище. Каждый день, который мы добавляли на наш счет, был достижением, а каждый год – триумфом. В Святилище строились планы на будущее с учетом наших долгосрочных нужд, но для большинства граждан подобный образ мыслей категорически не одобрялся. Следовало сосредоточиться лишь на завтрашнем дне, а все остальные последуют за ним.

Через каждые несколько лет случались кризисы. Иногда они носили политический характер, как было с Рюриком Тэйном. Иногда они были обусловлены нехваткой ресурсов, отказом систем, цепью случайностей. Иногда, как с нынешней пассажиркой, речь шла об экстренной ситуации, вызванной чем-то, обнаруженным апостолами. Этот последний кризис мы пережили, избежав того, чего больше всего опасались. Хотя пришелец-человек представлял для

Солнечного Дола серьезную угрозу, в наших силах было ее нейтрализовать. Когда-нибудь апостолы увидят у входа в пещеру тень, похожую на волчью, – но не сегодня и, вероятно, не в этом году. Нам снова повезло, и в этом везении я сыграл свою небольшую роль.

Шаттл быстро снижался хвостом к земле. Каждый раз приходилось нервничать, дожидаясь, когда дно кратера в последний момент скользнет в сторону и позволит кораблику опуститься в подземную шахту.

Солнечный Дол впустил меня. Двигатели смолкли. Шаттл покачнувшись на посадочных опорах и замер. В шахте не бывало воздуха, если только не требовался ремонт, но из стены выдвинулся герметичный переходной мостик, и вскоре навстречу мне по прозрачной трубе выбежал закутанный в овчинный тулуп Морган Валуа; за его спиной болтался дыхательный ранец.

– Да ты счастливчик, де Рюйтер.

– И в чем же мое счастье?

Открыв ранец, Валуа достал бутылочку и, откупорив, протянул мне. В ноздри ударил тяжелый запах, начало жечь в глазах. Уже чувствуя, как увядают клетки в мозгу, я сделал вежливый глоток ради дружбы. Я понятия не имел, что в бутылке и где Валуа это раздобыл, но подобное пойло появлялось лишь по исключительно редким случаям.

– Тебе еще предстоит прочитать собственные некрологи. Пожалуй, в них ты выглядишь не так уж плохо.

– Я вроде живой.

– Теперь-то мы знаем. Собственно, знаем уже три недели, с того момента, когда ты появился в сети слежения. Но уже успели написать некрологи и размножить, и теперь слишком поздно что-нибудь предпринимать. – Он прищурился, сверля меня взглядом. – Почему, во имя Михаила, ты не вышел на связь?

– Не видел необходимости. Апостолы никогда бы меня не потеряли.

– И тем не менее. Сам знаешь – система небезупречна. Собственно, если апостолы иногда теряют наш корабль, это даже хорошо. Это значит, что меры по маскировке не столь уж бессмысленны. – Он нервно провел рукой по лбу. – К тому же, пока тебя не было, у нас с апостолами... в общем, были проблемы.

– Проблемы?

– Не важно. Скоро все исправится. А вот что теперь будет с твоими семейными отношениями, даже предположить боюсь.

– А что такое?

– Для Николя и Викторины это стало настоящим адом.

– О господи! Хочешь сказать, они все эти недели были убеждены, что меня нет в живых?

Валуа забрал бутылку и вернул в свое священное хранилище. От его добродушного выражения не осталось и следа.

– Николя оберегала Викторину как могла. Естественно, цеплялась за надежду, что ты жив, но ближе к концу даже она перестала верить. – Он покачал головой, и в голосе зазвучала осуждающая нотка. – Незачем было подвергать нас столь жестокому испытанию, Мигель. Если там случилось нечто такое, из-за чего тебе пришлось задержаться, вполне мог бы и сообщить.

Я уставился на него:

– Что значит – если? Ты прекрасно знаешь, что случилось.

– Мы могли только догадываться. Видели, как взорвался корабль. Либо в него попала твоя ракета, либо ты применил протокол номер два. Поскольку ты молчал, мы вынуждены были предположить последнее.

– А сигнал бедствия?

– Какой сигнал?

– Это что, какая-то игра, Морган? Проверка, насколько я хорошо соображаю после пробуждения?

– Уверяю тебя, это никакая не игра.

– Поступил сигнал бедствия. Нечто вышло на связь с кораблем. Я нашел источник сигнала и обнаружил дрейфующую капсулу.

– Капсулу, – медленно повторил Валуа, будто следователь, запоминая мои ответы с целью выяснить, насколько тщательно я придерживаюсь одной версии событий.

– Этот сигнал передавался по всей системе. Я должен был любой ценой заставить его замолчать. Солнечный Дол никак не мог его не услышать, не говоря уже об апостолах.

– Мы не принимали никаких сигналов бедствия.

– Значит, он был... узконаправленный. – Я нахмурился, преодолевая головную боль, которую вряд ли можно было объяснить крошечным глотком из бутылки. – Понятия не имею, как сигнал сумел меня найти, но это единственное объяснение. Впрочем, все это можно обсудить и позже; если ты считаешь, что я сочиняю или брежу, то у меня в оружейном отсеке есть все необходимые доказательства. Я нашел дрейфующую капсулу и взял ее на борт. Вместе с содержимым.

– С содержимым?

– В капсуле пассажирка с того корабля. Который, кстати, мне вовсе не пришлось уничтожать. Он взорвался сам, как раз в тот момент, когда я собирался его таранить.

Валуа удивленно поднял брови:

– То есть ты уже был к этому готов?

– Ракета ушла в сторону. У меня не было возможности вернуть ее и заново заправить, и я пошел на таран. – Я понизил голос: – Да, Морган, я был к этому готов. Ты бы знал насколько. И как приятно было ощущать, что я собираюсь пожертвовать собой.

Удивление на его лице столь же быстро сменилось жалостью.

– Пока неожиданное событие не лишило тебя шанса на благородное самопожертвование?

– Ты не побывал в моей шкуре, поэтому тебе не понять.

Он медленно кивнул:

– Ладно, верю. Я заметил: когда ты улетал, было видно, что тебе не терпится искупить вину. Ты серьезно насчет капсулы? В самом деле что-то привез сюда?

– Не что-то, а выжившую. Я с ней разговаривал. Это вовсе не обожженный радиацией труп – капсула давала достаточно тепла, чтобы пассажирка могла со мной общаться. Она летела на корабле с Приюта.

– Единственная выжившая? Из скольких?

– Она почти ничего не помнит. Надеюсь, вспомнит, когда приведем ее в чувство.

– И что сейчас с этой... счастливцей? Она в криосне?

– Капсула повреждена, но я подключил ее к системе питания шаттла. Женщина снова уснула.

– Хорошо, – кивнул Валуа. – Значит, она не почувствует, как мы ее уьем.

Я постучал в свою собственную дверь чисто из вежливости. Последовала долгая пауза, и, хотя был вечер и занятия в школе закончились, я подумал: не ушли ли куда-нибудь Николя с Викториной, отсрочивая тот миг, когда им снова придется увидеться со мной. Винить их за это я не мог. Мне не терпелось их увидеть и в то же время отчаянно хотелось отложить встречу, поскольку всем нам предстояло пережить непростые мгновения.

Я уже собирался вернуться в Святилище под предлогом неких неотложных дел, когда Николя наконец меня впустила. Мы обнялись в коридоре, но в ее объятиях ощущалась неуверенность. Я поцеловал Николя, и она не отстранилась, но и не поспешила ответить поцелуем.

– Рада, что ты вернулся, – тихо проговорила она, словно опасаясь, что Викторина в соседней комнате может услышать. – Куда сильнее рада, чем, наверное, тебе кажется. Но из-за тебя нам пришлось пережить кошмар.

Закрыв за собой дверь, я сбросил дыхательный ранец и тулуп, который надел, чтобы пройти до дома через пещеры.

– Морган говорит, ты не теряла надежды.

– Не терять надежду – вовсе не то же самое, Мигель, что знать, что ты жив. – Голос Николя звучал чуть сдавленно. – Что еще мы могли подумать, когда увидели взрыв?

– У меня было желание подать сигнал. Но любая связь – всегда риск.

– Зря ты мне об этом говоришь.

– Да, – мягко согласился я. – Постарайся меня понять. Тот корабль уничтожила не ракета, а нечто другое. Скорее всего, отказ двигателя. Но я должен был учитывать и иную возможность: что где-то рядом находятся волки. Хватило бы единственного фотона, чтобы они настояжились. Обнаружив меня, волки обнаружили бы и апостолов, а потом и Солнечный Дол.

– Не драматизируй.

– Даже не думаю. Если бы явились волки, мы бы сейчас не разговаривали. – Я взглянул ей в лицо, надеясь, что мои жестокие слова подействовали. – Я не подал сигнал не из-за беззаботности и не по недомыслию, Николя, а из-за любви. Я предпочел бы умереть, но не навести волков на наше убежище.

Ее взгляд стал слегка задумчивым.

– Морган говорит, ты едва не пожертвовал собой.

– Это был последний способ остановить тот корабль. Ракета промахнулась.

Я почувствовал в ней некую перемену – еще не прощение, но шаг к нему, дававший слабую надежду на примирение.

– И насколько ты был близок к гибели?

– Я уже смирился с судьбой.

– А потом?

– Потом была вспышка, которая избавила меня от столь печальной необходимости.

– О чем ты думал в последние мгновения?

– О том, как вы теперь будете жить одни, без меня. И надеялся, что ты меня поймешь.

– Это не мне нужно понимать. Я до последней возможности скрывала известие о твоей смерти от Викторины, но полностью утаить не смогла.

Я кивнул:

– Вряд ли это было бы честно по отношению к ней.

– Когда до Викторины наконец дошла новость, которую все мы считали правдой, случившееся потрясло ее до глубины души. Однако по прошествии времени, общаясь с друзьями, она поняла, что в глазах многих ты стал героем. Мигель де Руйтер, человек, который отдал жизнь ради спасения Солнечного Дола. Думаю, она предпочла бы в эти несколько дней быть твоей дочерью, а не моей. Но теперь, когда оказалось, что ты вовсе не мертв, на нее обрушилось новое горе – умер образ, который она создала в своих фантазиях.

– Ничего не могу поделать, – сказал я. – Ни с тем, что я не умер там, в космосе, ни с тем, что так и не стал героем-мучеником, которым и не хотел никогда стать. Я знаю лишь одно: была некая угроза, а теперь ее нет. Можно снова спать спокойно – неделю, месяц, а то и дольше. – Я отступил на шаг, показав раскрытые ладони. – Вот, собственно, и все. У меня был долг перед Солнечным Долем, и я его исполнил.

– А было ли чувство, что тебе есть в чем покаяться?

Я решил было солгать, но подумал, что Николя заслуживает только правды.

– Ты сама говорила, что у меня нечиста совесть. Я пытался отрицать, но понимал, что ты отчасти права.

– А теперь... сбросил бремя с души?

– Думаю, да.

– Я тоже на это надеюсь. Ради всех нас. – Ее голос стал суровым, но в нем появилось знакомое тепло. – Ты никуда больше не полетишь, Мигель. Пообещай мне – и пообещай Викторине. Сможешь?

– Постараюсь.

– Этого мало. Я хочу получить твое обещание здесь и сейчас. – Она взяла меня за руки. – Такое же священное, как супружеская клятва. Ты больше не бросишь нас. Не покинешь Солнечный Дол до того дня, когда его покинем мы все. Ты меня понял и со всем согласен?

Я торжественно кивнул:

– Согласен. У меня болят все кости. Я уже забыл, каково в космосе, а ведь провел там лишь несколько недель. В следующий раз полетит кто-то другой. Обещаю.

– Хорошо. – Ее пальцы напряглись. – Точно?

– Точно.

– У тебя руки дрожат. Онемели?

– Через пару дней пройдет.

Николя наконец расслабилась, как я и надеялся.

– Скажешь все то же самое Викторине. Она ждет в кухне. Когда Морган сообщил, что ты идешь сюда... я приготовила обед. Мне выдали еще одну норму баранины по случаю твоего возвращения. Поешь с нами?

У меня защипало в глазах. То были слезы благодарности и облегчения, слезы радости от того, что я возвращаюсь в лоно любимой семьи.

– С превеликой радостью.

Нормального обеда все равно не вышло, но в любом случае это было лучше, чем ничего. Я дал Викторине то же обещание, что и Николя, а когда она выдвинула сотню дополнительных условий, принял их без возражений. Решив этот вопрос к собственному удовлетворению, она стала выпытывать подробности событий, следовавших за моим отлетом. В большинстве случаев я мог ответить прямо, но углубляться в тему самопожертвования не спешил. Я лишь упомянул, что ракета ушла не туда и что вскоре после этого корабль взорвался сам.

– Морган сказал маме, будто ты там кого-то нашел.

– Да, – ответил я. – Женщину, единственную выжившую с того корабля.

– Похоже, никто больше об этом не знает.

– Пока не знают. Как только мы выясним, в каком она состоянии, я сделаю объявление.

Викторина выковыряла шпинат, застрявший между передними зубами.

– Как ее зовут?

– Неизвестно. Я с ней разговаривал, но она тогда еще не оттаяла, к ней не полностью вернулась память.

– А вернется?

– Очень надеюсь. Возможно, женщина знает нечто такое, что могло бы нам помочь. Даже если это самые примитивные знания, мы отнесемся к ней по-доброму и примем в нашу общину.

Какое-то время Викторина ела молча.

– Она знает, что ты полетел туда, чтобы ее убить?

– Не ее лично, – вмешалась Николя.

– А какая разница? – спросила Викторина, глядя на нас обоих. – Ее или кого-то из тысяч других людей, путешествовавших на том корабле? То, что ты не знаешь никого из них по имени, вовсе не означает, что их всех не собирались уничтожить.

– Корабль нужно было остановить... – начала Николя.

– Все в порядке, – мягко оборвал я ее. – Викторина заслуживает того, чтобы услышать неприкрашенную правду. Да, я собирался убить пассажирку, и от этого никуда не деться. Я собирался убить ее и еще неведомо сколько тысяч людей, вместе с которыми она летела. Даже если их было пятьдесят тысяч, а нас тут всего пять – какая разница? Добродетельны были они или нет, разве важно? Дело не в моральных принципах. Этим людям все равно пришлось бы умереть, чтобы не подвергнуть риску наше собственное выживание.

– Получается, что мы чудовища, – проговорила Викторина.

– Да, – согласился я, гася ее гнев. – И благодаря этому мы живы и можем жить дальше. Главное в том, Викторина, что мы доказали себе: у нас есть все средства, чтобы существовать в Солнечном Доле. Каждая смерть, каждая рана, каждый горький урок на пути, который привел нас сюда, оказались бы напрасны, если бы мы позволили кому-то забрести в нашу систему и привести с собой волков. Да, то, что нам приходится делать, приятным не назовешь. Но пока мы не узнаем доподлинно, что мы не единственный оставшийся очаг человечества, нам придется принимать столь же хладнокровные решения. Дело не в нас самих; дело в той связи, которую мы обеспечиваем, – связи между человечеством прошлого и человечеством будущего. Если не сохраним эту связь, если не исполним свой долг, оберегая наше сообщество, то лишимся будущего. Пропадут все надежды, все мечты. Останется лишь тьма до скончания времен.

– Ты все это сам придумал или тебе подсказал кто-то в Святилище?

– Со временем поймешь, – ответил я.

– Не хочу понимать.

После, когда Викторина забрала свои краски и ушла к себе в комнату, а мы с Николя взялись прибраться в кухне, жена дотронулась до моего запястья и сказала:

– Она это переживет, Мигель. Дело вовсе не в том, что она винит тебя за возвращение из мертвых. В глубине души она очень рада. Но на несколько дней ты стал в ее воображении кем-то другим, вымышленным героем, с каким не сравнится никто из людей. А теперь ей снова приходится иметь дело с реальностью.

– Спасибо, что выступаешь в мою защиту.

– Я не согласна с тем, что ты молчал. Того, через что нам пришлось пройти, врагу не пожелаешь. Пусть и справедливо сказал Морган: ты вправе был рассчитывать, что мы справимся сами. Но я верю в то, что ты сделал, и в то, что ты намеревался сделать. Те, кто считает, будто тебе было за что каяться, ошибаются, а если ты до сих пор считаешь так сам, то не прав и ты. – Она привлекла меня к себе – этих искренних объятий я ждал с момента возвращения. – Ты лучше, чем все твои клеветники. Ты хороший человек, Мигель де Рюйтер, и я горжусь тем, что я твоя жена.

Утром я присоединился к Моргану Валуа и Альме Чунг в лазарете Святилища. Как и все наши сооружения, он представлял собой беспорядочный комплекс импровизированных модулей и зданий, спрятанных в сети пещер в сотнях метров под поверхностью. Каждая его часть представляла собой переделанный фрагмент корпуса «Салмакиды».

– Что-то я плохо соображаю, Альма, – услышал я, входя, голос моего заместителя. – Могу поклясться, мы только вчера разговаривали, но у меня такое ощущение, будто прошел день или два.

– Да, разговаривали, – коротко ответила Альма.

– Тогда... что тут делает Мигель? Ему ведь советовали оставаться дома, приходить в себя от двадцати шести до пятидесяти двух часов.

– Этот совет он явно решил проигнорировать. – Чунг, глава планетной безопасности, небрежно пожала плечами – на подобные легкомысленные беседы у нее просто не было вре-

мени. – Я ничуть его не виню, учитывая, как быстро приходит в себя его трофей. Мигелю наверняка хочется узнать, что же он нам привез.

Мы втроем смотрели в застекленный отсек, куда после моего возвращения поместили пассажирку и ее капсулу. В стерильном герметичном помещении находились койка и обычное медицинское оборудование, довольно простое, но пассажирка пока оставалась в капсуле. Модуль для криосна вкатили внутрь на тележке вроде тех, на которых мы транспортировали ракеты; он уже был подсоединен к гораздо более замысловатому комплексу систем жизнеобеспечения. Двое техников в масках и защитных костюмах возились с соединителями, проверяя показания приборов и делая заметки на громоздких планшетах.

– Нам знакома эта технология? – спросил я.

– Она старше и сложнее всего, что мы привезли с собой, – ответил Валуа. – Но не настолько старая, чтобы нельзя было разобраться с помощью прошлого опыта. Вероятнее всего, она создана еще до чумы. Но это вовсе не значит, что мы не приняли все доступные меры защиты.

– Если найдешь в Солнечном Доле хоть что-нибудь, чего могла коснуться чума, дай знать. Мы погрязли в темных веках, Морган. Как бы ни деградировала наука к тому времени, когда эта женщина погрузилась в сон, наш уровень технологий покажется ей допотопным. Удалось ли получить какую-нибудь информацию с поврежденного модуля памяти?

– Разнообразные зашифрованные данные. Все они указывают на одно и то же – на пассажирскую декларацию о человеке, севшем на корабль на Приюте в шестьсот тринадцатом году. Взрослая женщина, имя: Брианна Бетанкур.

– У нас есть сведения и о самом корабле, – сказала Чунг. – Субсветовик «Тишина в раю». Корабль для перевозки пассажиров, пять с половиной мегатонн, построен в триста двадцать девятом году, орбитальный завод демархистов, Фанд, Лакайль-9352. Двигатели и вспомогательные силовые установки арендованы у сочленителей в соответствии с протоколом о совместном использовании технологий из Соглашений Европы.

– Хорошо, что мы знаем, как ее зовут, – кивнул я, не в силах избавиться от навязчивой мысли, что этот корабль был ковчегом, полным спящих пассажиров, которые летели туда, где их ждал лучший мир и лучшее будущее. – Как скоро нам удастся ее пробудить?

– Уже начали перфузию крови, – сказал Валуа. – Прежде чем Брианна очнется и ее можно будет переместить на койку, пройдет еще от тринадцати до двадцати шести часов. И даже тогда, вероятно, от слабости она мало что сможет вспомнить, так что не надейся в ближайшее время сыграть с ней в шахматы.

– Не считая проблем с памятью, которая, кстати, уже возвращалась к ней, она соображала неплохо.

– Это было тогда, – возразил Валуа. – Мы пытаемся открыть тот канал нейросвязи, по мере того как оживает ее мозг, но пока не сумели пробиться.

– Скорее всего, это какая-то аварийная функция капсулы. Капсула больше не считает, что ее системы могут отказать, и нейроинтерфейс просто не включается.

– Если этот фокус проделан с помощью имплантатов, – сказала Чунг, – то придется их выковырять и сжечь, прежде чем она сделает хоть шаг за пределы этой комнаты.

– Будь реалисткой, Альма, – покачал я головой. – Даже если Брианна была носителем плавающей чумы, она для нас неопасна.

– Считай, что это дело принципа – точно так же, как твое решение не выходить на связь, – добродушно ответил Валуа. – В общем, мы просканировали этот гроб с предельной тщательностью. Похоже, внутри у Брианны нет ничего искусственного, как нет и неприятных сюрпризов в самой капсуле. Когда Брианна очнется, мы сделаем все необходимые анализы, но, сдастся мне, она явилась к нам невинной как младенец.

– Невинность? – усмехнулась Чунг. – Что-то новенькое. Увидишь – Расскажи хоть, как она выглядит.

Пол едва заметно содрогнулся. Техники за стеклом прекратили свое занятие. Мы с Валуа и Чунг со страхом уставились на аварийный фонарь в углу стены: вот сейчас он замигает красным и вззоет сирена, сообщая, что из какой-то части Солнечного Дола уходит к поверхности воздух. Никто из нас не запасся дыхательным ранцем – внутри Святилища, способного герметично закрыться в считанные секунды, в нем не было нужды. Если на нас обрушилась достаточно крупная глыба, способная пробить оболочку Святилища, вряд ли останется необходимость в каком бы то ни было правительстве, не говоря уже о выживших.

Но фонарь светил по-прежнему тускло и сирена молчала.

– Возможно, когда Брианна узнает, в каком мире проснулась, ей захочется залезть обратно в свою капсулу, – сказал Валуа.

– Пусть благодарит судьбу за то, что вообще жива, – без тени сочувствия процедила Чунг. – Она ведь знает про волков, Мигель?

– Вряд ли.

– Тогда что говорил пассажирам их капитан? От чего они бежали?

– Этого Брианна не сказала. Вряд ли она имела хоть какое-то понятие о том, что происходило с кораблем после вылета с Приюта.

Последовала пауза. Я почти слышал, как жужжат шестеренки в мозгу у Чунг.

– С тех пор, как ты сказал, что у тебя на борту пассажирка, меня мучает одна мысль: как, черт побери, она выжила?

Я кивнул на застекленный отсек:

– Можно назвать это чудом. Ты видела, в каком состоянии ее капсула.

– Вы сближались на скорости порядка семи тысяч километров в секунду, – констатировала Чунг.

– Они летели в систему, а я двигался им на перехват, практически навстречу. Это как два сближающихся кулака. Естественно, у нас была высокая относительная скорость.

– Однако из навигационного журнала шаттла нам известно, что тебе не составило особого труда перехватить капсулу. Разность скоростей была намного ниже, чем скорость вашего сближения.

– Пытаешься понять, как выжившая пассажирка оказалась рядом?

– Думаю, то, что ее вышвырнуло взрывом, не просто счастливая случайность. Наверняка было что-то еще.

– Может, и было. Кто знает?

– Журнал шаттла подтверждает твои слова о сигнале бедствия.

– Рад, что ты не подумала, будто я его сочинил.

– Но мы его не приняли. Другие корабли и апостолы – тоже.

– Значит, он предназначался мне, а не им.

– Чтобы направить сигнал в твою сторону, – сказал Валуа, продолжая мысль Чунг, – Брианне нужно было точно знать, где ты находишься. Но, по твоим словам, она не знала, кто ты и откуда.

– Может, какое-то устройство в капсуле автоматически навелось на меня, о чем пассажирка даже не догадывалась?

Чунг посмотрела так, будто у меня пошла носом кровь:

– В этом гробу? Лучше ничего не мог придумать?

– Это не вопрос, Альма, – подчеркнул я. – И когда мы начнем беседу с пассажиркой, это тоже не будет вопросом. Мы станем обращаться с ней так, как она заслуживает, – как с единственной выжившей после чудовищной катастрофы. Как с почетной гостьей – со всей добротой и пониманием.

К нам поспешно подошел сзади какой-то чиновник:

– Прошу прощения, господа. Боюсь, ваше присутствие требуется в Красном зале.

– Что случилось? – бросила Чунг.

– Что-то странное показывают сейсмофоны последние несколько минут. Пожалуйста, идите туда.

Глава 3

Атмосфера в Красном зале царила скорее растерянная, чем откровенно тревожная. Уровень опасности оставался оранжевым, каким он и был с момента гибели «Тишины в раю». До этого он был красным, и ему предстояло снизиться до желтого, а затем до зеленого, если появление в системе пришельца не повлечет никаких других последствий.

Вокруг главного стола столпились аналитики Чунг. Дисплей показывал крупным планом Михайлов День – расположенные рядом полушария планеты. Оба были испещрены светящимися отметками – призматической формы, показывавшими расположение разнообразных датчиков и защитных систем. Особенно густое скопление этих устройств наблюдалось вокруг Солнечного Дола; не считая этой асимметрии, полушария выглядели весьма похоже: изрытые кратерами, как побывавшие в едкой среде монеты.

– Доложите обстановку, – велел я.

– Наблюдается движение, господа, – сказал Кантор, один из старших сотрудников Чунг. – Вот здесь, недалеко от предполагаемой точки последнего зафиксированного удара, примерно в девяноста километрах к востоку. Там нет наших глаз, но есть несколько сейсмофонов.

– Покажи, – потребовала Чунг.

Кантор кивнул на один из висевших над столом экранов. От края до края шла волнистая зеленая линия, пульсируя, точно крайне медленная электрокардиограмма.

– Мы не сейсмологи, – напомнил Валуа.

– Что-то воздействует на сейсмофоны, – сказал Кантор. – И это не обычная послеударная волна, какую можно было бы ожидать. Такие волны очень быстро затухают. А эта – нет.

– Преобразуй этот след в акустический сигнал и выведи его на динамики, – велела Чунг.

Мы подождали, пока Кантор отдаст необходимые распоряжения. Техники прекратили работу, услышав звуки из системы оповещения – приглушенный удар, потрескивание, опять глухой удар. Звуки передавались не по воздуху, а посредством вибраций коры Михайлова Дня.

Удары продолжались с ритмичностью, которую невозможно было игнорировать.

– Похоже на шаги, – озвучил Валуа нашу общую мысль. – Сигнал поступает со всех сейсмофонов, находящихся в том секторе?

– Да, но с разной силой, – ответил Кантор. – Так что вряд ли это дефект самих сейсмофонов или связывающих их с Солнечным Долом кабелей. Есть одно предположение...

Кантор вдруг замолчал и бросил взгляд на Чунг, будто ожидая разрешения продолжать или, наоборот, запрета высказывать соображения.

– Говори, – сказала Чунг.

– Возможно, источник сигнала перемещается. Амплитуда растет на одном приемнике и снижается на других, но в любом случае слишком медленно, чтобы можно было связать сигнал с упавшим камнем.

– Если источник движется, то примерно с какой скоростью? – спросил я.

Кантор снова взглянул на Чунг и глубоко вздохнул:

– На мой взгляд, около двух километров в час. Достаточно медленно для пешехода. Но может, и не столь медленно для подобной местности, учитывая, что на идущем должен быть скафандр.

– А если он движется, – настойчиво продолжал я, – то в каком направлении? Можешь оценить?

– Только очень грубо.

– И все же?

– Возможно, в сторону Солнечного Дола. Если так, то в течение ближайших двадцати шести часов станет намного яснее. – Кантор указал на стол. – Вибрацию начнут регистрировать другие сейсмофоны, а в том секторе, куда перемещается источник сигнала, у нас есть глаза. Покрытие достаточно разреженное, но и оно может нам что-то дать.

– Девяносто километров, – сказал я. – Если кто-то в самом деле направляется в нашу сторону, примерно через сорок пять часов он постучится к нам в дверь. Интересно, что он надеется найти?

Чувствуя, что откладывать столь важное событие больше нельзя, я поднялся по короткой лестнице и вышел на сцену, представ перед гражданами. Меня сопровождали двое чиновников без тулупов, в церемониальной одежде, лишь чуть менее вычурной, чем моя собственная.

Стоило толпе меня увидеть, и атмосфера ощутимо изменилась. Я почувствовал, как вспотели подмышки. Здесь было не столь прохладно, как в Святилище, а пять тысяч человек, столпившихся на форуме, лишь добавляли тепла и влажности.

Ропот и шорох смолкли. Кто-то в последний раз кашлянул, и наступила тишина.

Я попытался охватить взглядом всех собравшихся. В первых шести рядах они сидели в креслах, а дальше были только стоячие места, и даже с высоты своего положения я мало что мог разглядеть в скоплении усталых и встревоженных лиц. Я попросил прийти всех жителей Солнечного Дола, за исключением больных или занятых на неотложных работах. Пять тысяч человек – слишком много, чтобы знать каждого лично, но несколько сотен из них я мог назвать по имени, с ними меня связывали семейные, профессиональные и политические отношения.

Среди присутствующих была Мина Лофгринд, чей отец Маркус погиб при строительстве двадцатой пещеры. Мина гнула спину на грядках шпината, чтобы нас прокормить. Нейт Маснек, потерявший большую часть кисти руки в аварии на бумажной фабрике считанные недели назад, шел на поправку, но я знал, что потом ему придется сменить работу. А вот Этьен и Мохтар, неутомимые знатоки замкнутой системы жизнеобеспечения; не проходит и дня, чтобы они не ремонтировали какой-нибудь узел или не пытались заставить его работать эффективнее. И естественно, здесь не было детей – по крайней мере, детей младше Викторины.

Я с легкостью нашел Николя и ее дочь во втором ряду. Их засыпали со всех сторон вопросами, желая заранее узнать, о чем я буду говорить. Судя по раздраженному взгляду Николя, ее терпение было на пределе.

Многие ли из тех, кого я знаю, полностью на моей стороне? Еще до истории с Рюриком Тэйном это нелегко было понять. По большому счету, Солнечный Дол не поддержал его попытку мятежа, но, кроме простого неодобрения, имелось и множество других мнений. Некоторые считали, что я был чересчур благодушен, позволяя несогласным организовываться и строить планы, и что часть ответственности лежит на мне. Другие полагали, что я проявил непозволительное мягкосердечие в выборе метода казни, ведь тот, кто подверг нас всех опасности, заслуживал повешения, потрошения и четвертования.

В том, что по этому поводу думает семья Рюрика, у меня не было никаких сомнений. Его жена Орва сидела рядом с его братом (и своим деверем) Сореном. Я старался не смотреть в их сторону, но тщетно. Отчего-то подмывало взглянуть Орве в глаза, словно только так я мог себя реабилитировать.

«Чего ты хочешь? – подумал я. – Моей крови?»

У меня не было ни малейшего желания казнить Рюрика. Но сама суть его преступления исключала какое-либо иное наказание. Так гласило жесткое законодательство, которое мы оба

помогали создавать в первые дни существования Солнечного Дола. Само наше выживание, сама возможность скрываться от волков зиждились на простом и обязательном для всех постулате: никто не может покинуть систему.

Чтобы это гарантировать, я уничтожил «Салмакиду». Мы забрали с корабля все, что могло пригодиться, а потом отправили его на автопилоте в сторону Михаила – конечно, точно рассчитав момент столкновения, чтобы взрывы двух сочленительских приводов выглядели как выбросы фонового излучения. Этот жертвенный акт был хорошо известен, и память корабля чтили; в числе прочего «Салмакида» присутствовала на стенной росписи, которой Викторина и ее соученики (а также их предшественники) покрыли школьную стену. Принцип был незамысловат и доходчив. Желание улететь может стать неодолимым после нескольких тяжелейших десятилетий, а волки могут не появляться год за годом, порождая у нас предательскую мысль, будто они ушли навсегда. А значит, лучший способ избежать катастрофы – ликвидация транспортного средства. Мы преднамеренно оставили себе лишь возможность путешествовать внутри системы, причем исключительно в экстренных случаях.

Но лет пять назад начал распространяться слух.

Как и любая наглая ложь, он был весьма коварен и трудноопровержим. Говорили, что на самом деле «Салмакиду» никто не уничтожал, и что она все еще на ходу, и что ее держат где-то неподалеку от Солнечного Дола для бегства правящей элиты в случае появления волков или какой-либо иной катастрофы. А большинство из пяти тысяч будут брошены на произвол судьбы, поскольку корабль способен взять на борт лишь немногих счастливыхчиков.

Когда впервые поползли эти слухи, Рюрик от них попросту отмахивался. Позже стал относиться к ним с осторожным скептицизмом, не веря, но и не полностью отвергая. Наконец задумался о том, как использовать их в своих собственных политических целях. У нас возникли серьезные разногласия при планировании действий на случай контроля за рождаемостью, продовольственного нормирования и тому подобного, и Рюрик начал агитировать за смену руководства. Вряд ли поначалу он воспринимал ложь всерьез. Для него это был лишь удобный рычаг, чтобы создать некоторый раскол в обществе и набрать сторонников. Но, полагая, со временем он начал в нее верить, хотя сам участвовал в операции по уничтожению корабля.

Рюрик и его команда мятежников добрались лишь до ангара для шаттлов, но, попытавшись покинуть Солнечный Дол без прямого распоряжения Святилища, он навлек на себя самое суровое наказание по нашим законам.

Помиловать его было не в моих силах, но я сделал все возможное, чтобы спасти его сообщников, включая Орву Тэйн, которая, несомненно, знала о планах мужа. По справедливости, ей бы сейчас сидеть за решеткой в скромной тюрьме Святилища. Но от этого не было бы никакой пользы. Орва хорошо работала, многие ее уважали, так что я воспользовался всем моим авторитетом, чтобы избавить ее от ответственности за участие в мятеже.

«Ты либо слишком мудр, – доверительно сказал Морган Валуа, когда я изложил свой план защиты сообщников Рюрика, – либо чрезвычайно легковерен. Надеюсь, у нас есть лет тридцать – сорок, чтобы выяснить, что из этого правда».

«Если нам посчастливится столько прожить, – тихо ответил я, опасаясь чужих ушей, – я с готовностью приму любой приговор».

Сейчас Валуа наблюдал за мной, стоя у самых кулис. Судя по его мрачному взгляду, он считал, что от моего выступления пользы будет немного. Не следует, полагал он, публично объявлять о нашей гостье, пока мы не разберемся, что она из себя представляет и как с ней связаны сейсмические пертурбации. Но уже пошли слухи, и я слишком хорошо знал, сколько может быть вреда, если дать им волю.

– Друзья, – начал я, с улыбкой глядя на собравшихся и пытаясь придать голосу уверенности, – у меня есть новости, преимущественно хорошие. Как вам всем известно, некоторое

время назад я отправился на перехват корабля, который угрожал выдать Солнечный Дол волкам. Пусть этот корабль и не пытался вступить в контакт с нашей общиной, его поведение вызывало тревогу. Его было необходимо уничтожить, даже если это подразумевало гибель многих невинных душ. – Я придавал тону надлежащую серьезность. – Однако это вовсе не означает, что исполнение долга доставило бы мне радость. К тому же наше вмешательство было закономерно сопряжено с огромным риском. Но этот риск мы осознавали всегда. Мы решили, что готовы пойти на него ради Солнечного Дола, ради пяти тысяч его обитателей, к кому я сейчас обращаюсь. Итак, пришелец был успешно перехвачен и уничтожен.

Я вглядывался в лица, пытаясь понять, как люди отнеслись к тому, о чем я умолчал: что пришелец был уничтожен скорее вопреки моему вмешательству, а не благодаря ему. Если у кого-то и имелись сомнения, их тщательно скрывали.

– Это не столь приятная новость, – продолжал я. – Погибли люди, и мы скорбим по ним. Но эта трагедия подарила нам еще одну жизнь.

Послышался ропот, в котором смешались в равной мере удивление, любопытство, скептицизм и негодование.

– В живых остался один из пассажиров, – сказал я. – Мы полагаем, что это женщина, вероятно, с Приюта. Возможно, мы знаем ее имя, но лучше подождем, когда она сама сможет нам представиться. Похоже, она хорошо себя чувствует, судя по обследованию, которое нам удалось провести. Наша гостья еще в анабиозе, но вряд ли пройдет очень много часов, прежде чем она сможет общаться. – Я натянуто улыбнулся. – Потом придется выполнить самую трудную задачу – объяснить ей, что случилось. Полагаю, для нее это станет шоком и ей потребуется помощь, чтобы все осознать. Возможно, сперва мы ей не понравимся. Но, думаю, со временем, благодаря нашему терпению и участию, она свыкнется с произошедшим и будет рада, что выжила. А мы, в свою очередь, будем рады принять ее в наше общество.

– Еще один рот, который придется кормить, – выкрикнул Сайлус Маурус, один из моих самых смелых и шумных критиков.

Он сидел в первом ряду, по-жабы расплывшись в кресле и воинственно скрестив на груди руки.

– Да, – с энтузиазмом ответил я. – Еще один рот, который придется кормить. Еще пара легких, которая добавит нагрузки нашей системе жизнеобеспечения. Еще живая душа, нуждающаяся в крове и тепле. Мне нужно объяснять, что она принесла с собой? Возможности. Разум, полный новых идей. Новые истории, новые уроки. Новые песни, новые шутки. Ей достаточно привнести сюда хоть что-нибудь новое, сущую мелочь, чтобы жизнь в Солнечном Доле изменилась радикально. Это может быть неизвестный нам способ выращивания шпината, или приготовления баранины, или удаления гнилого зуба, или сшивания овечьих шкур.

– А может и вообще ничего не быть, – криво усмехнулся Маурус.

– Может, – согласился я, – хотя это и маловероятно. Но вот что я вам скажу. Нельзя определить ценность человека, задав ему несколько вопросов. Чтобы понять, чего стоит жизнь, никакой жизни не хватит. И именно это мы дадим нашей гостье, без всяких ограничений и условий, – новую жизнь среди нас, в Солнечном Доле. – Не дожидаясь, когда кто-нибудь из критиков вставит хоть слово, я добавил: – Она найдет себе работу по способностям. Каждый вносит свой вклад, и она тоже этим займется. Но с того момента, когда она откроет глаза, мы будем относиться к ней как к одной из нас. Если она может предложить нам нечто новое, то сделает это со временем. Но мы не станем ничего от нее требовать. Мы дадим ей нашу дружбу и доброту.

– А что скажешь насчет странных звуков, о которых ходят слухи? – Нейт Маснек, слегка приподнявшись в кресле, потирал здоровую руку забинтованной культей.

Я постарался сдерживать недовольство. Маснек всегда был честен со мной, и сейчас он задал не праздный вопрос. Не его вина, что слухи о сейсмических пертурбациях уже просочились за пределы Святилища.

– В последнее время наблюдается достаточно высокая метеоритная активность, – ответил я достаточно близко к истине, чтобы не бередить собственную совесть. – Как обычно, мы отслеживаем всю сейсмическую активность и соответственно реагируем. В данный момент никаких оснований для беспокойства.

Только теперь я заметил подошедшего сбоку Моргана Валуа.

– Спасибо за исключительно полезную информацию, администратор, – проговорил он так напряженно, будто считал, что еще немного – и я потерплю позорное публичное фиаско. – Поскольку у тебя еще достаточно дел, а здесь так много граждан, я воспользуюсь возможностью и сделаю несколько объявлений. – Он подчеркнуто не стал ждать моего согласия. – Прежде всего рад сообщить, что ответвление в четвертую камеру расчищено после случившегося в прошлом месяце обвала...

Собравшиеся все еще выкрикивали вопросы, хотя Валуа пытался перевести разговор на такие темы, как сезонный урожай шпината, обязательное нормирование воды и обновленное расписание учебных занятий.

Я несказанно обрадовался, что могу повернуться к людям спиной и покинуть сцену.

День уже подходил к концу, когда наша гостья оказалась готова к выходу из криосна. Законные дела в Святилище (насчет которых Валуа был прав) отняли у меня последние часы перед возвращением домой. Я слегка беспокоился, какой прием мне окажет Викторина. Однако Николя, похоже, с ней поговорила, или девочка успела оттаять, а может, возымели некоторое действие мои слова на собрании, – от антипатии, которую я ощущал накануне, почти ничего не осталось. Я пожалел, что взрослые не способны с той же легкостью, что и дети, выходить из тупиковой ситуации и забывать о том, что казалось непростительным считанные часы назад, – и позавидовал способности юных избавляться от своего прошлого «я», как от старой бесполезной шкуры.

– Она уже выбралась из своего гроба? – спросила Викторина, пока мы расставляли на доске фишки для игры, которой часто предавались после ужина.

– Нет. Может, завтра, если все пойдет хорошо. Спешить незачем. Ей потребовались десятилетия, чтобы до нас добраться, так что несколько часов ничего не изменят.

– Как думаешь, она когда-нибудь видела волков?

– Сомневаюсь. Мы полагаем, что она покинула свою планету за годы до появления волков. Многое из того, что мы воспринимаем как само собой разумеющееся, станет для нее новостью, которую не так-то просто будет переварить.

– Ты ведь говорил с ней там, в космосе? А на собрании ничего об этом не рассказал.

– Да, я с ней говорил, но не возьмусь судить, много ли она поняла. Потому и решил не упоминать. Если мы с мамой посреди ночи прервем твой крепкий сон и станем нашептывать всякие секреты, вспомнишь ли ты их утром?

– Зависит от того, какие секреты.

– В логике ей не откажешь, – улыбнулась Николя, доставая из мешочка самодельные игральные кости. – И все же поможем пассажирке приспособиться, сделаем все, что от нас зависит? Будет только лучше, если в Солнечном Доле появится новое лицо.

– Как думаешь, она станет злиться из-за того, что все остальные на ее корабле погибли? – со всей непринужденностью спросила Викторина.

– Думаю, расстроится, когда услышит правду, – ответил я, выставляя фишки на исходные позиции. – Но, возможно, она не знала всех этих людей так же хорошо, как мы знаем друг друга в Солнечном Доле.

– И все равно она не сможет ни с кем поговорить о родных местах.

– Да, – кивнул я, встретившись с Николя взглядом. – Наверное, ей будет тяжело, пока она не приспособится к новой жизни.

– Многое бы изменилось, – тихо сказала Николя, – если бы выяснилось, что она не единственная выжившая.

Я коротко кивнул, предпочтя не развивать тему. Следовало сообразить, что новости об уловленных сейсмофонами ударах обязательно просочатся за пределы Святилища, особенно если учесть, что я сам выступил против их засекречивания.

Мы сыграли три партии, и Викторина наголову разбила нас с Николя. Потом усталость взяла свое, и мы все стали готовиться ко сну.

– Были слухи, – тихо сказала Николя, когда мы сидели вдвоем, допивая чай, – будто что-то приближается с востока.

– Именно так. Слухи, и ничего больше.

– Нейт Маснек спрашивал про странные звуки, а я что-то слышала про шаги.

– Не стоит обращать внимание. Никто не стал бы высаживаться в девяносто километрах отсюда, чтобы после идти пешком по поверхности.

– Может, они ничего не знают про нас.

– В таком случае слишком уж странное расстояние – всего лишь девяносто километров. Это выглядит полной бессмыслицей. Если бы они обнаружили наше присутствие, то сели бы ближе. Может, не прямо у нас над головой, но и не в десятках часов пути. А случайный гость высадился бы где угодно на Михайловом Дне, но только не в этом секторе. – Я улыбнулся, стараясь успокоить Николя, хотя сам с трудом сдерживал страх. – Думаю, все намного проще: эти сейсмофоны не слишком надежны, а кабели, соединяющие их с Солнечным Долом, вполне способны повредиться. Пусть на поверхности не бывает непогоды, зато геология дает о себе знать. Температура хаотически меняется, кора планеты сжимается и растягивается, и стоит какому-нибудь кабелю лишь потереться о камень, чтобы мы получили ложный сигнал.

– В последние недели вообще творится что-то загадочное. Сперва Рюрик Тэйн, потом тот пришелец. А теперь возвращаешься ты, когда мы уже думали, что тебя нет в живых, и привозишь подарок для нашей общины, причем весьма своеобразный. Никто не знает, что обо всем этом думать, Мигель. Будто какое-то дурное предзнаменование. – Она улыбнулась, спеша заверить меня, что пока не готова поверить предрассудкам. – Слишком много неясного. Мы все выживаем, не зная, чего ожидать. Вряд ли это можно назвать нормальной жизнью. – Она кивнула в сторону спальни, где засыпала ее дочь, которой, как я надеялся, снились настолько приятные и беззаботные сны. – Если бы ты узнал, что всем нам станет хуже, ты бы мне рассказал, несмотря на запреты твоего Святилища?

– Рассказал бы.

– Что ж, ладно. Ложись спать, и крепкого сна – я еще никогда не видела тебя таким усталым, как в последние дни. А завтра, если все будет хорошо, твоя пассажирка заговорит.

Поздним утром я вышел из своего кабинета и направился в лазарет, куда меня вызвала Киргиу, дежурный врач. Видимо, такой же вызов получил и Валуа – мы едва не столкнулись в каменном тоннеле, соединявшем две части Святилища.

– Альмы с нами не будет? – спросил я.

– У нее хватает проблем, друг мой, помимо твоей выжившей любимицы.

Я удивленно взглянул на него – нервный тон звучал непривычно в устах невозмутимого Валуа. Похоже, напряжение последних дней отразилось на всех нас, выставив напоказ наши слабости.

– Все те же странные шумы с сейсмофонов?

– Нет, хотя в данных обстоятельствах настроение они не поднимают. – Валуа понизил голос, хотя вряд ли кто-то мог нас подслушать. – Петр и Савл пропали.

Я понял, что он имеет в виду, пусть и надеялся, что ослышался. Петр и Савл – два наших сторожевых спутника-апостола, часть общесистемной сети раннего предупреждения.

– Пропали? В смысле, замолчали?

– От них не поступил сигнал состояния. Он посылается не по четкому расписанию, а в пределах окна, когда мы должны его принять. Окно было, а сигнала не было. Мы дождались, когда Михаил немного оживится, и послали запрос. – Видя мою растущую тревогу, он добавил: – Маломощный, в самом нижнем диапазоне, по обычному протоколу, нацеленный на Петра и Савла.

Я прошел несколько шагов и спросил:

– И что?

– Ответа не последовало. Такая команда обязательна к исполнению; если апостол ее получает, он подтверждает прием вне зависимости от активности Михаила или иных факторов, влияющих на работу. При серьезной поломке апостол имеет возможность перейти в режим самовосстановления. Такое уже случалось – после удара метеорита, достаточно малого, чтобы повредить спутник, но не уничтожить его. Иногда они возобновляют работу самостоятельно, иногда приходится лететь и чинить их. Но чтобы замолчали два одновременно...

– Что ж, у нас осталось еще десять – вполне достаточное покрытие. Конечно, если все они работают как надо. – Я успокаивающе похлопал Валуа по плечу, пожалев, что рядом нет никого, способного оказать мне такую же любезность. – Как-нибудь справимся, Морган. Это только на общем фоне кажется, что все плохо, но тут нет ничего такого, с чем мы не сталкивались раньше.

– И все-таки что-то не так, Мигель. Всерьез и по-настоящему не так.

Мы как раз подошли к лазарету, и Валуа кивнул на застекленный отсек, где держали пассажирку.

– Что-то не так с этой... если не ошибаюсь, Брианной Бетанкур?

Доктор Киргиу и ее коллеги готовились извлечь женщину из капсулы. Та уже была открыта, ее верхняя часть лежала в стороне, будто снятая крышка гроба. Врачи в халатах и масках рылись в капсуле руками в перчатках и какими-то инструментами. Высокая, сутуловатая Киргиу стояла сбоку, держа планшет, а ее коллега водил сканером вдоль капсулы.

Понять, что происходит, было нелегко. Кроме врачей, капсулу окружали тележки с мониторами, системы жизнеобеспечения (пока не работавшие, но пребывавшие наготове) и нагруженные мешками с разноцветными медицинскими растворами стойки.

Я нажал вделанную в перегородку кнопку интеркома:

– Доброе утро, доктор Киргиу. Спасибо, что позвали меня. Могу я узнать, как скоро она очнется?

Высокая женщина подняла взгляд от планшета, и из решетки над окном послышался ее голос:

– Она уже очнулась бы, если бы не наши анестетики, администратор. Как только она начала подавать признаки жизни, мы погрузили ее в сон. Надо проверить еще раз ее кровь и сделать последние анализы.

Пока пассажирка пребывала в анабиозе, врачи просверлили капсулу и взяли крошечный образец ткани. Этого вполне хватило, чтобы проделать ряд основных анализов и подтвердить (насколько это было возможно), что она человек, а не созданный волками конструктор. Врачи также проанализировали образец на известные нам заразные болезни, после чего взяли у Брианны кровь, костный мозг и спинномозговую жидкость. Вероятно, все это подверглось еще десятку тестов, слишком сложных для того, чтобы пытаться объяснить мне их суть. Киргиу повернула планшет экраном ко мне, там ползли туманные контуры знакомых частей тела: таза,

ребер, плеч и черепа. Хотя я и не был хирургом, ничто из этого не выглядело искусственным даже при самом высоком разрешении сканера. Мозг не нарушали никакие имплантаты, на теле отсутствовали следы травм.

Киргиу вновь провела сканером вдоль туловища пассажирки.

– Стоп! – сказал я. – Я что-то заметил. Проведи немного назад, вокруг грудной клетки.

– Что ты заметил? – спросила Киргиу.

– Не знаю. Что-то сплошное, где-то в груди. Какое-то уплотнение, вроде имплантата. Размером примерно с кулак. Похоже на искусственное сердце.

– Там ничего нет, Мигель. – Она поводила сканером в интересовавшей меня области. – Кости, мышцы, легкие, сердце. Обычные ткани, обычные органы. Ничего механического.

– Клянусь, я что-то видел.

– Сканер все записывает. Я воспроизведу. Отмотать на тридцать секунд?

– Думаю, вполне хватит.

Киргиу снова пустила воспроизведение. Я не сводил глаз с экрана, пока мы не добрались до того момента, когда Киргиу по моей просьбе вернула сканер к грудной клетке.

– Там ничего нет, – осторожно повторила она, ожидая моих возражений.

Но сказать мне было нечего – я тоже видел запись, и в ней не обнаружилось ничего необычного.

– Хотя я смотрю через окно, – заметил я. – Может, какое-то отражение или игра света.

Женщина в маске с сомнением кивнула, возможно полагая, что на мне все еще сказываются последствия пережитого.

– Чтобы завершить все анализы, потребуется несколько часов. Но, с учетом соблюдения всех обычных гигиенических мер, не вижу причин не будить ее, если ты готов к встрече.

– Я готов.

– Хорошо. Скажем, через полчаса?

Между врачами возник просвет, и я впервые увидел пассажирку не через разделявшее нас зарешеченное окно в ее капсуле. Она показалась мне маленькой, бледной и хрупкой без металлической брони, непроницаемой для жара, холода или вакуума. Как и все мы, она была человеком – чрезвычайно уязвимым существом.

– Будьте с ней поосторожнее, – сказал я.

Кантор уже подготовил главный стол с увеличенным изображением окрестностей в радиусе двухсот километров. При таком разрешении Солнечный Дол был как жирный отпечаток пальца – скопление из двадцати пещер на глубине от двухсот до шестисот метров. От поселения расходилось около десятка радиальных линий длиной от пяти до двадцати километров – проложенные с немалым трудом тоннели к реакторам, ангарам для шаттлов и наружным шлюзам. Дальше никаких подземных сооружений не было, лишь станции дистанционного наблюдения, рельсотронные установки и паутина кабелей, соединявших отдаленные датчики и оружие со Святилищем.

Кантор отметил зелеными призмами находившиеся в пределах этих двухсот километров сейсмофоны, включая те три, которые уловили повторяющийся сигнал. От этого скопления теперь тянулся след из светящихся точек, огибая кратеры и глубокие трещины, но в целом двигаясь в направлении Святилища. Я оценил его протяженность: от сорока пяти до пятидесяти километров. След уже миновал несколько других сейсмофонов, чье покрытие улучшалось по мере приближения к Солнечному Долу, и теперь находился рядом с двумя синими призмами – глазами и ушами, которых у нас имелось не столь много.

– Значит, это никакой не дефект, – тихо сказал я.

– Если считаешь, что утверждение очевидного помогает твоим аналитическим способностям, можешь не стесняться, – столь же тихо ответила Чунг.

– Там что-нибудь видно? – обратился к Кантору с вопросом Валуа.

– Если там что-то есть, у нас все шансы увидеть в ближайшие несколько минут. Михаил почти в высшей точке, так что контраст низкий, зато освещенность высокая – не идеально, но куда лучше, чем темнота. Те два глаза стоят за каменной грядой, так что пока мы ничего различить не можем. Но если показания наших сейсмофонов верны, причина пертурбаций должна появиться очень скоро.

– У этих глаз есть оружие? – спросил я.

– Нет, только пассивная защита. – Кантор ткнул пальцем в другую пару призм, сразу за двадцатикилометровой отметкой, где находился наш самый дальний наружный шлюз. – Зато эти вполне зубастые, и они сумеют навестись на медленно движущуюся по поверхности цель.

У нас имелось два типа рельсотронов: тяжелые орудия, нацеленные в небо, и пушки поменьше – последняя линия обороны на случай, если что-то сумеет добраться до нас по поверхности. Эта защита играла скорее психологическую роль, но я бы лучше вырвал бы себе ногти, чем обошелся без нее. Чтобы комфортно ощущать себя по ночам, многим достаточно задернуть занавеску или сунуть голову под одеяло, и я считал необходимым обеспечить такой комфорт по максимуму.

– Там что-то... – начал Кантор.

На два висящих в воздухе экрана выводилась картинка с глаз, обозревавших каменную гряду. Оба изображения выглядели почти одинаково, поскольку два глаза располагались всего в километре друг от друга. Неровная, не вполне горизонтальная линия гряды делила картинку напополам. Над грядой простиралась мгла космоса. Хотя на Михайловом Дне сейчас был «день», на нем отсутствовала атмосфера, которая могла бы рассеять в небе свет Михаила, а сам Михаил находился позади глаз. Пылевое облако на орбитальном пути Михайлова Дня было слишком слабым, чтобы его можно было увидеть на фоне ярко сияющей поверхности планеты в нижней половине каждого изображения. Поверхность эта была лишена каких-либо черт, отчего становилось сложнее оценить расстояние, возвышение и относительные размеры. Михаил был звездой не из ярких, но даже света красного карлика хватало, чтобы затмить тени и снизить контраст, отчего земля напоминала ровный мазок охры на стене.

Я уже заметил минимальное несовпадение двух изображений, обусловленное разной позицией глаз, а услышав Кантора, начал различать на одной из картинок нечто поднимающееся над каменной грядой – белую выпуклость, похожую на восходящую над горизонтом бледную планету. Планета превратилась в белое полушарие, затем чуть правее появилось второе. Теперь то же самое видел уже и второй глаз.

Мы молча наблюдали. Полушария продолжали подниматься. Это оказались головы, а точнее, шлемы с черными прорезями спереди. Потом появились плечи, туловища, руки и ноги двух одетых в белое, шагавших бок о бок. Значит, мы слышали поступь не одного, а двоих. Впрочем, незнакомцы шли в ногу, одновременно поднимая и опуская ступню.

Поднявшись на гряду, они начали спускаться. Они выглядели как вырезанные из белой бумаги силуэты, скользящие вниз по вертикальной поверхности, но виной тому была крайняя близорукость глаз вкупе с отсутствием атмосферных помех и каких-либо ориентиров, позволявших оценить перспективу.

Меня поразило, насколько медленным казалось движение. Вряд ли Кантор сильно ошибся насчет двух километров в час – вполне достаточно, чтобы преодолеть за день сорок пять – пятьдесят километров. Ресурсов скафандра при необходимости хватило бы и на более долгое время, к тому же при некоторой доработке скафандр мог идти на автопилоте, если находившийся внутри был ранен или спал. И тем не менее в неторопливой синхронной походке чувствовалось нечто неестественное, вызывавшее мысль о тревожных сновидениях.

У меня зашевелились волосы на затылке.

– Сможем увидеть их получше, когда они подойдут ближе?

– Возможно, – ответил Кантор. – Зависит от того, каким путем они двинутся, спустившись с гряды.

– Мне нужна любая информация. Знаки, имена – все, что может связывать эти скафандры с «Тишиной в раю». Не помню, говорил ты мне или нет, – с ними пытались связаться?

– Полное молчание в эфире с тех пор, как мы услышали шаги. Если эти двое и общаются друг с другом, то на каком-то канале малого радиуса, который нам не перехватить. – Кантор с сомнением посмотрел на меня. – Может, Святилищу стоит послать кого-нибудь им навстречу? Они примерно в двадцати километрах от нашего дальнего шлюза, но если сейчас отправится группа на электрокаре к концу тоннеля, она встретит наших гостей на полпути.

– Не будем спешить, – сказал я. – Подождем, пока не разглядим их получше или пока не убедимся, что они направляются к шлюзу. Потом решим, что делать дальше.

– Не вижу ничего похожего на оружие, – заметил Валуа.

Доктор Киргиу помогла мне облачиться в стерильное одеяние.

– Не снимай маску и очки. Никакого физического контакта, пока мы не получим анализ крови. Можешь с ней поговорить, но не подвергай ее лишнему стрессу. Если она мало что помнит о случившемся, не стоит вываливать на нее все разом.

– Постараюсь вести себя вежливо. Но есть ряд вопросов, которые нам необходимо задать.

– Я буду следить за мониторами по эту сторону стекла, так что сразу замечу, если она разволнуется.

Пройдя через шлюз в выделенную зону, я приблизился к койке пассажирки и опустился на стул слева от нее, напротив контрольной аппаратуры. Киргиу сказала, что наша гостья уже должна была пробудиться от анестезии, но та пока никак не реагировала на мое присутствие. Я наконец увидел вместо бестелесного овала в гробу женское лицо.

Она выглядела моложе меня, но так я мог бы сказать почти о каждом. Кожа была белой, в буквальном смысле как снег, без пигментации, если не считать темных пятен вокруг закрытых глаз. Волосы отсутствовали – череп напоминал гладкий белый купол. Губы имели пепельный оттенок.

Жемчужно-серыми были и ногти на покоившихся на простыне руках.

Я ждал, прислушиваясь к ее дыханию. Заметив, как чуть шевельнулась голова и дрогнули, будто собираясь открыться, веки, я сказал:

– С возвращением, Брианна.

Ее ноздри раздулись, медленно втягивая воздух. Глаза оставались закрытыми, но зашевелились губы.

– Где я?

Сказано это было очень тихо, но вполне понятно. Я впервые слышал ее реальный голос, а не имитацию. Он оказался более низким и горловым, чем я ожидал.

– В убежище, которое называется Солнечный Дол. Возможно, это что-то для тебя значит. Меня зовут Мигель. Я нашел тебя в космосе после катастрофы и пообещал доставить на мою планету.

Она помедлила, прежде чем спросить:

– Что со мной случилось?

– Ты была на корабле, которому... не повезло. Ты дрейфовала в анабиозной капсуле, мы с тобой встретились и поговорили. Потом я забрал тебя на свой корабль и привез сюда.

– Где этот... Солнечный Дол?

– Под поверхностью планеты, которая называется Михайлов День, на орбите звезды AU Микроскопа. Мы зовем ее Михаил.

Женщина слегка приоткрыла глаза.

– Помню красный свет. Облако пыли. Мне было... холодно. И ты меня нашел.

– Рад, что ты помнишь. Хороший знак. Позволяет надеяться, что твоя память сохранила и все остальное.

Она чуть наклонила голову и взглянула на меня. Очерченные темными кругами глаза были цвета стали. Чем-то она походила на старую черно-белую фотографию.

– Остальное?

– О том, что случилось с твоим кораблем, прежде чем он добрался до нас. Мы полагаем, что ты родилась на Приюте и жила недалеко от места под названием Плато Завинула. Судя по данным, которые мы обнаружили, ты, вероятно, покинула Приют около ста восьмидесяти лет назад. Мы также полагаем, что тебя зовут Брианна Бетанкур. Тебе знакомо это имя?

– Повтори.

– Брианна Бетанкур, – сказал я.

Подняв руку с воткнутой в нее иглой, женщина бесстрастно взглянула на прибинтованный к запястью катетер. Мне стало интересно, что она думает о нашей медицине и что та внушает ей – страх или надежду.

– Я здорова?

– Да, – осторожно проговорил я, не желая опережать врачей, а затем уже увереннее продолжил: – Да, ты выздоравливаешь. Можешь самостоятельно дышать, двигать конечностями, говорить и понимать нас, и начинаешь вспоминать фрагменты прошлого. Я многим помогал выходить из анабиоза и знаю, что такое добрые предзнаменования.

– Предзнаменования... – На бледных губах возникла едва заметная улыбка, их оттенок изменился – сделался, как у грозowych туч. – Я доброе предзнаменование?

– Ты наша гостья, – кивнул я. – В данный момент пациентка, пока не выздоровеешь настолько, чтобы покинуть лазарет, а потом – новый член нашего общества, которому все будут рады. – Я слегка наклонился к ней. – Брианна... если тебя в самом деле так зовут. Я должен задать пару непростых вопросов. Предпочел бы подождать, но, боюсь, подобной роскоши мы позволить себе не можем.

Ее губы слегка изогнулись в улыбке. Казалось, она пробует на вкус приятные воспоминания или предвкушает удовольствие.

– Что за вопросы?

– Помнишь, как ты оказалась вне корабля? Был взрыв, а потом я поймал твой сигнал. Я предположил, что тебя выбросило наружу, но нам трудно понять, как такое могло произойти. Возможно ли, что ты еще до этого покинула «Тишину в раю»?

Она нахмурилась, но вместо морщин на лбу появились две идеальной формы ямочки, будто кто-то надавил невидимыми пальцами на податливую кожу.

– Зачем мне покидать корабль?

– Не знаю. Но может быть, ваш корабль послал разведывательную группу задолго за того, как достиг границ нашей планетной системы? А может, и не одну?

Ямочки на лбу исчезли, кожа вновь стала гладкой, как девственный лед.

– Вы нашли кого-то еще?

– Еще? Не знаю. – Я улыбнулся, а точнее, поморщился под маской, чувствуя себя так, будто участвую в игре, правил которой не знаю. – Есть признаки того, что на нашу планету мог сесть другой корабль. Или он опустился достаточно близко, чтобы высадить исследовательскую команду. Двух человек.

– Они здесь?

– Пока нет. Нам бы очень помогло, если бы ты подсказала, кто бы это мог быть. Чего хотят, на что рассчитывают... что они могут о нас знать. Тогда мы будем уверены, что они друзья, и окажем им соответствующий прием.

– Почему бы им не быть друзьями?

– Надеюсь, что так и есть.

Внезапно она заговорила быстрее:

– Была вспышка, очень яркая вспышка. А все, что до этого... размыто, тускло. – Ее глаза расширились, взгляд стал умоляющим. – Ты видел вспышку, Мигель?

– Видел. – Я поднялся со стула, чувствуя себя невероятно уставшим после нашего короткого разговора. – Это было ужасно.

– Там, в этой вспышке, были люди, кроме тех двоих, о которых ты говорил?

– Во вспышке?

– В смысле, люди, которые из-за нее погибли?

Я медленно кивнул:

– Весьма вероятно. Но так или иначе, ты теперь с нами.

– Надеюсь вас не разочаровать, – сказала она.

– Улучши картинку, – скрестив руки на груди, потребовала Альма Чунг, когда Кантор показал очередной видеофрагмент с двумя приближающимися фигурами.

Аналитики уже прозвали их Белыми Ходоками, позаимствовав словосочетание из полузабытого мифа, каким-то образом добравшегося до Солнечного Дола.

– Пока они не дошли до следующей пары глаз, это лучшее, чем мы располагаем, – ответил Кантор. – Я применил все фильтры, которые у нас есть, а потом еще несколько из тех, которых нам иметь не положено.

– Хватит, – одними губами прошептал я.

Гости – как продолжали называть их Чунг, Кантор, Валуа и я – спустились с гряды и двинулись южнее глаз, пройдя мимо ближайшего в двух с половиной километрах. К сожалению, глаза были рассчитаны на обзор больших участков неба и местности, а не на увеличение маленьких фрагментов того и другого.

Но, по крайней мере, теперь мы могли видеть сбоку огибавшие южный глаз скафандры. Выделив около пятнадцати секунд видео, Кантор зациклил его, так что гости снова и снова проходили один и тот же участок местности. С тех пор как скафандры впервые появились над грядой, Михаил опустился ниже и тени на земле удлиннились, давая чуть больше контраста и возможность различить детали скафандров – знаки и снаряжение, которые могли бы намекать на намерения незнакомцев.

Однако даже на отфильтрованной и увеличенной картинке скафандры выглядели гладкими, практически лишенными каких-либо черт. Между частями тела не было никаких сочленений – сплошь белая гибкая оболочка. Ботинки и перчатки являлись бесшовными продолжениями ног и рук. Шлемы выступали прямо из туловищ, я не заметил герметичного воротника. Единственными деталями, видимыми, когда гости поворачивались лицом, были узкие, похожие на прорези визоры, огибавшие шлемы от уха до уха. При взгляде сбоку был виден похожий на горб ранец, но он опять-таки являлся неотъемлемой частью скафандра и не позволял нам судить, что в нем находится, кроме системы жизнеобеспечения.

Видео продолжало воспроизводиться по кругу. Я не сводил с экрана глаз, надеясь разглядеть подробности, которые, возможно, упустит раньше.

– Такие скафандры нам бы оченьгодились, – задумчиво проговорил Валуа. – Когда в следующий раз придется просить какого-нибудь беднягу выйти наверх во время вспышки, было бы неплохо, чтобы по возвращении он мог прожить дольше нескольких часов. Как считаете, дадут они нам скафандры, если их хорошенько попросим?

– Если они дружелюбно настроены и готовы принять правила нашей общины, почему бы им не поделиться технологиями?

– В обмен на что? – спросила Чунг. – Овчину и шпинат?

– Останови, – вдруг сказал я.

Кантор послушался. Я попросил отмотать видео на несколько секунд и снова остановить.

– Киргиу говорила, тебе порой мерещатся призраки, – вспомнил Валуа.

– Не в этот раз. Взгляните внимательнее на линию горизонта позади передней фигуры.

Скафандры двигались бок о бок, но из-за угла обзора глаза тот, что справа, казался впереди того, что слева.

– Она проходит за визором, всего на секунду. Кантор, запусти видео, но со скоростью намного ниже нормальной.

Кантор дал одну двадцатую скорости от обычной. Скафандры поползли вправо, их походка стала почти неощутимой – в ней не было ничего человеческого, как в движении облаков.

– Остается лишь поверить Мигелю, будто он и впрямь увидел что-то на горизонте, кроме этих двоих, которых видим мы все, – сказал Валуа.

– Дело не в линии горизонта, а в том, что с ней происходит. Смотрите внимательно, когда она окажется позади визора. Она все равно видна.

– И что? – спросила Чунг.

– Разве ее не должна загораживать голова?

Глава 4

Два рельсотрона на двадцатикилометровой отметке были заряжены девятью кинетическими снарядами каждый – их обычная рабочая загрузка. В магазине содержалось десять зарядов, но, поскольку они изготавливались партиями, а процесс заряжания требовал частичной разборки и повторной сборки пушки, считалось необходимым произвести один проверочный выстрел, чтобы убедиться, что снаряды сделаны в пределах допуска и что пушка собрана правильно.

К счастью, с тех пор как эти пушки перезарядили, что само по себе было опасной и хлопотной задачей, ложных тревог не случалось, так что в каждом магазине оставалось лишь одно пустое место.

Обычная начальная скорость снаряда составляла сто километров в секунду, что намного превосходило вторую космическую скорость Михайлова Дня. Изначально пушки применялись для защиты кораблей от столкновений на большой скорости: чтобы разнести микрометеорит на безвредные ионы, требовалась быстрая реакция и крайне высокая ударная сила. Они были хороши и для противокорабельной обороны (что вовсе не значит, будто их когда-либо испытывали в этом качестве), но не столь эффективны против находящихся над горизонтом целей вроде этих двух скафандров. Чтобы пушки могли функционировать в таком режиме, начальную скорость приходилось уменьшать вдесятеро, не давая снаряду улететь в межпланетное пространство, выйти на орбиту Михаила или обогнуть полпланеты, прежде чем рухнуть на землю.

С уменьшенной начальной скоростью снаряд можно было нацелить в точку, находившуюся в пределах десятков километров, – вне прямой видимости, но недалеко за линией горизонта. Проблема заключалась в том, что при этом уменьшалась и ударная сила – кинетическая энергия падала пропорционально квадрату скорости, так что десятикратное сокращение последней означало стократное уменьшение останавливающего воздействия.

И все же то, что способно остановить корабль, остановит и скафандр, пусть даже ударит в сто раз слабее. Но мы, располагая всего лишь восемнадцатью снарядами и не имея возможности перезарядить орудия меньше чем за день, были вынуждены тщательно готовить каждый выстрел.

Мне все же хотелось найти некое объяснение, которое позволило бы нам избежать уничтожения скафандров. Я даже надеялся, что Брианна Бетанкур что-то вспомнит к нашей следующей встрече. Но до тех пор, пока она не даст объяснение, либо его не дадут сами скафандры

или те, кто их послал, ничего другого не оставалось, как по-прежнему допускать, что намерения гостей враждебны. Мы договорились, что первые два выстрела (сделанных не одновременно, но с минимальным интервалом) пройдут поверху, так, чтобы снаряды упали примерно в километре от скафандров, не причинив вреда, но четко продемонстрировав наши возможности. Два попадания в одну точку покажут, что мы можем стрелять прицельно. Если это средство устрашения не сработает, два следующих снаряда упадут ближе. Если и это не подействует, следующие два снаряда будут посланы в скафандры.

Те уже вышли из поля зрения первой пары глаз, но Кантор и другие аналитики продолжали получать показания сейсмофонов. Сигналы были слабые, и все же их хватало, чтобы запеленговать цель с погрешностью примерно в двадцать метров – слишком неточно, чтобы гарантировать смертельное попадание, но вполне достаточно для предупредительных выстрелов. Наделив Чунг всеми необходимыми полномочиями, я направился в лазарет, но не успел до него дойти, как замигали лампы: рельсотроны забирали энергию из наших и без того работавших на пределе генераторов.

Пассажирка тоже что-то почувствовала – в ее взгляде появилась настороженность.

– Не думала, что ты так быстро вернешься, Мигель. Все в порядке?

Я притворно улыбнулся под маской:

– А что может быть не в порядке?

– Только что мигнуло электричество. Я подумала, что у вашего поселения какая-то проблема.

Я опустил на стул рядом с ней.

– Тебе еще предстоит привыкнуть ко многому, кроме случайных миганий. Иногда мы вынуждены по нескольку дней обходиться аварийными источниками энергии. Глубоко под землей работают генераторы. Когда-то они были частью маневровой системы «Салмакиды», а теперь выручают нас при перебоях с электропитанием. Впрочем, бесконечно они работать не могут, так что иногда в этих пещерах становится темно и холодно.

– Может, мне лучше вернуться в капсулу?

– Ну, это уж точно ни к чему. Но жизнь тебе, вероятно, предстоит более тяжелая, чем та, которую ты знала на Приюте. У нас достаточно примитивная медицина, мы обходимся ограниченной диетой, хотя она вполне удовлетворяет наши потребности. В не самые лучшие годы мы вынуждены вдвое сокращать норму, будто у нас и без того мало проблем. В Солнечном Доле уже двенадцать лет не рождаются дети.

– Если так, вы долго не продержитесь.

– Да, нам не так уж много лет осталось.

– У тебя есть дети, Мигель? Не помню, спрашивала ли я раньше.

– Своих нет. Но у моей жены есть дочь от прошлого брака. Ее зовут Викторина. Она дорога мне так же, как если бы была родной.

– А жену как звать?

– Николя. – Я слегка напрягся, поскольку рассчитывал на разговор о нашей гостье, а не о моей биографии. – Брианна, помнишь, о чем я тебя спрашивал в прошлый раз? О двух людях – возможно, участниках вашей экспедиции.

Она снова нахмурилась, отчего на лбу образовались симметричные ямочки.

– Я пыталась вспомнить, но мне все еще трудно сосредоточиться. Может, расскажешь чуть больше о том, что знаешь?

Я положил на койку принесенную плоскую, размером с книгу коробочку с потрепанными краями. Достал из нее складную доску с отверстиями и мешочек с разноцветными фишками.

Брианна взглянула на меня с таким восхищением, будто я высыпал на простыню перед ней настоящее сокровище.

– Ты принес игру! Любишь играть? Я люблю.

– Пришлось послать человека за ней ко мне домой. Я предположил, что если ты сосредоточишься на чем-то, легче будет вспомнить.

Я расставил два комплекта цветных фишек на начальные позиции, а затем объяснил крайне элементарные правила.

– Я поняла, Мигель. Не так уж сложно. Думаю, можно сыграть прямо сейчас.

– Партию для разминки?

– Как скажешь.

Я позволил ей сделать первый ход и с легкостью разыграл дебют. Игра была простая, но это вовсе не означало, что в ней нет никаких хитростей; всевозможные ловушки и тонкости подстерегали на каждом шагу. Пока мы по очереди делали ходы, я подводил разговор к тому, что беспокоило меня – собственно, всех нас – с момента спасения Брианны.

– Я спрашивал тебя, что произошло перед взрывом. Ты не вспомнила, но, возможно, тебе поможет, если я объясню, в чем проблема.

– Объясни.

– Наши корабли летели навстречу друг другу со скоростью несколько тысяч километров в секунду, два с лишним процента от скорости света.

– Не так уж и быстро.

– Для межзвездных кораблей вроде «Тишины в раю» – да. Но это очень быстро для любого, кто пролетает через звездную систему. После взрыва твоя капсула должна была продолжать движение примерно с той же относительной скоростью, что и корабль, плюс-минус погрешность. Но почему-то ее скорость оказалась намного ближе к скорости моего корабля. Да, мне потребовалось время, чтобы поравняться с тобой, но в этом не было ничего трудного.

– Значит, мне повезло.

– Воистину повезло.

Игра продолжалась. Моя противница сделала несколько предсказуемо неудачных ходов в дебюте, но теперь наверстывала упущенное, начиная меня теснить. Быстро учится, подумал я. А может, ей просто не требовалось учиться этой игре.

– Есть еще одна странность, Брианна. Каким-то образом ты сумела послать моему кораблю сигнал бедствия. Но больше ни один из наших приемников его не получил.

– Возможно, они работают не столь хорошо, как вам бы хотелось.

– Или тебе удалось обнаружить мой корабль и нацелить на него очень узкий луч связи.

Она оторвалась от раздумий – должно быть, любой вариант очередного хода давал ей преимущество, – и на лице отразилось недоумение.

– Похоже, ты не вполне мне доверяешь.

– Я хочу тебе доверять, – сказал я. – Это нормально, когда рискуешь жизнью ради чьего-то спасения – а я рискнул жизнью всех нас, когда не расстрелял тебя на месте. Но с тобой все не так просто. – Я помедлил. – Говоришь, заметила, как мигнул свет? Это две наши пушки выстрелили за горизонт кинетическими снарядами.

– Зачем?

– Чтобы кое-что сообщить паре скафандров, которые шагают в нашу сторону по поверхности Михайлова Дня. – Я внимательно наблюдал за реакцией Брианны, надеясь, что в ее безупречной броне появится хоть малейшая трещина. – Насколько мы поняли, внутри этих скафандров пусто. Вряд ли может быть совпадением, что вы все одновременно прибыли на Михайлов День. Те скафандры наверняка с «Тишины в раю», как и ты, и они, как и ты, наверняка знают о нас больше, чем нам хотелось бы. Ты знала о моем корабле. А эти скафандры знают местоположение Солнечного Дола.

– И что вы собирались им сообщить?

– «Стоять. Не приближаться, пока не объявите о своих намерениях».

– Думаешь, это их убедит?

Я ответил не сразу:

– Меня больше беспокоит, что окажется внутри этих скафандров в будущем.

Мы сделали еще по несколько ходов. Мои шансы на ничью, не говоря уже о победе, уменьшились до чисто теоретических.

– Собственно, как ты себе это представляешь? Думаешь, кто-то залезет в эти скафандры и куда-то пойдет?

– Не знаю. Сейчас я изо всех сил стараюсь не исключать любой возможности.

– Ответ верен.

– То есть?

– То есть в данный момент тебя настолько занимают мысли о том, имею ли я какое-то отношение к этим скафандрам, что ты весьма разумно оставляешь вопрос открытым.

– Мне ничего не остается, как сделать определенный вывод, – сказал я, глядя на нее с легкой тревогой. – У тебя есть друзья, которые послали тебя к нам и которые должны забрать тебя обратно?

– Думаю, если бы у меня были друзья, я бы их помнила.

Игра подходила к концу. Хотя я мог потянуть еще несколько ходов, это лишь отсрочило бы неизбежное.

Я сделал последний ход.

– Ты дал мне выиграть, – возразила она.

– Нет, я лишь избавил нас обоих от мучений. Из той позиции, в которую ты меня загнала, мне бы ни за что не победить.

– Ты слишком легко сдаешься. Возможно, это всегда было твоей главной слабостью. – Она произнесла эти слова так, будто просто продолжала разговор, а не пыталась резко сменить тему. – У каждого из вас есть свои недостатки, но твой именно таков.

– У каждого из нас?

Она схватила меня за пальцы, прежде чем я успел убрать руку с доски. Хотя на мне были хирургические перчатки, ее ногти вонзились сквозь ткань мне в кожу. Я ощутил резкое давление, и хватка тут же ослабла.

Я отдернул руку, ошеломленный ее поступком не меньше, чем до этого – словами.

– Кто ты, черт побери?

– Мне было интересно, когда ты наконец это спросишь. – Она улыбнулась, глядя, как я потираю руку в том месте, где ее ногти проткнули кожу. – Тебе не о чем беспокоиться, это лишь формальность. Ничего с тобой не случится.

– Кто ты? – снова спросил я. – Кто тебя послал?

Она коротко рассмеялась:

– Я сама себя послала.

Я увидел, как на растопыренных пальцах ее руки, только что продырявивших мою перчатку, один за другим чернеют ногти – не постепенно, сверху вниз, но так, будто каждый из них был экраном, заполнившимся межзвездной тьмой.

Я вышел из палаты, все еще потирая руку. Киргиу стояла рядом с помощницей, листая какие-то заметки. Похоже, о том, что произошло с пассажиркой, она ничего не знала.

– Все в порядке, администратор?

Я запер за собой дверь:

– Вызови охрану и никого сюда не пускай. Если она попытается встать с койки и вообще хоть что-то сделать, пусть всадят ей в шею заряд из бозера.

– Что-то твой тон изменился, как я погляжу.

Сорвав перчатку, я показал Киргиу ладонь:

– Она только что проделала со мной нечто странное. Вонзила ногти мне в кожу, а потом ее ногти почернели. Вряд ли впрыснула мне яд. Разве что медленный, но я наверняка бы уже что-то почувствовал. Да и зачем ей применять медленный яд? – Мой голос дрожал, сердце отчаянно билось, но я списывал это скорее на нервное возбуждение, чем на некое вещество у меня в крови. – Мы что-то упустили. Ногти у нее наверняка искусственные.

– Что с тобой случилось?

– Не знаю. Возможно, меня следует отправить на карантин. Если она занесла в Солнечный Дол какую-то заразу...

– Мы ничего не упустили, администратор.

Киргиу, впрочем, уже нажала кнопку экстренного вызова. Первой явилась Альма Чунг с маленьким пистолетом-бозером, а за ней трое облаченных в броню охранников Святилища с эксимерными ружьями, дубинками-парализаторами и топорами. Следом, тяжело дыша, спешил побагровевший Морган Валуа.

– Что за чертовщина, старик?

Пассажирка продолжала лежать на койке, лениво передвигая фишки по доске и шепча что-то под нос.

– Доложи обстановку, – потребовала Альма Чунг.

– Нас... можно сказать, подставили, – сбивчиво начал я, все еще пытаюсь собрать факты в нечто осмысленное. – Она не та, кем кажется. – Я показал ладонь. – Похоже, у меня взяли образец. Ее ногти – нечто вроде анализатора. Микролаборатория. Нанотехнология.

– Что за чертовщина? – будто заиклившись, повторил Валуа. – Мы же ее просканировали. Ведь так, доктор Киргиу?

– Ничего не обнаружилось. Никаких имплантатов, никаких протезов, ничего механического или биологического.

– Я что-то видел, – настойчиво заявил я. – Внутри ее.

– Опять тебе мерещится, – сказала Киргиу.

Я помахал ладонью:

– Если она способна на такое, то на что еще? Раз она скрыла одно, то могла скрыть и другое. Наверное, я просто успел что-то заметить, прежде чем она полностью пришла в себя.

– Мы заново воспроизводили запись, – напомнила Киргиу.

– Значит, она сумела внести изменения. – При этой мысли я вздрогнул. – На мгновение потеряла бдительность, совершила ошибку и тут же ее исправила.

Охранники Чунг стояли вплотную к стеклу, проверяя готовность оружия.

– Каков будет приказ? – спросила Чунг.

– Войти внутрь. Окружить ее, но не прикасаться. Дать ей понять: одно неверное движение – и ее пристрелят. И осторожнее с ногтями.

Убедившись, что пассажирка находится под вооруженной охраной и вряд ли способна причинить еще какой-либо вред, Чунг пришла следом за мной и Валуа в Красный зал. Мы собрались вокруг светящейся карты с радиальной разметкой тоннелей, линиями рельефа и подсвеченными призмами. Кантор и другие аналитики упорно трудились над обновлением данных, негромко переговариваясь, как ассистенты хирурга в ходе сложной операции.

– Тебе стоило бы обратиться к врачу, – услышал я голос Валуа.

– Потом, – ответил я, разминая руку, на которой все еще ощущались ранки. – Что бы она со мной ни проделала, этого уже не изменишь. Выстрелы подействовали?

– Попали в цель, – осторожно ответил Валуа. – Два предупредительных, два поближе и два, которые должны были их прикончить. Сейсмометрам потребовалось время, чтобы восстановиться, но скафандры продолжают приближаться.

– Точно?

– Оба скафандра, той же походкой. Никаких видимых повреждений. Как будто снаряды прошли сквозь них, как сквозь воздух.

Кивнув, я попытался найти хоть какую-то зацепку:

– Значит, мы просто ошиблись в расчете их местоположения. У нас ведь еще осталось по шесть снарядов в каждой пушке? Как только скафандры появятся из-за горизонта, можно будет прицелиться точнее и выстрелить в полную силу.

– Надеюсь, – сказал Валуа.

– Только надеешься? – прищурилась Чунг.

– У меня такое чувство, что наша пассажирка знает о наших возможностях не хуже нас. – Валуа бросил на меня усталый взгляд. – В следующий раз, старик, когда найдешь болтающуюся среди звезд бабу, может, там ее и оставишь? Не знаю, кого или что ты приволок в наше гнездо, но ей тут точно не рады.

– Если бы я знал...

– Старая песня. – В его голосе, однако, послышалось сочувствие. – Я бы на твоём месте поступил так же, чего бы это ни стоило. Мы прячемся от чудовищ, а не пытаемся ими стать.

– Но она вполне может оказаться чудовищем, – сказала Чунг и, мгновение помедлив, продолжила: – Как по-вашему? Может она быть тем, чего мы всегда боялись: неким волчьим конструктором, биологическим инфильтратом?

– Нет, она нечто иное, – уверенно заявил я.

– Ты это точно знаешь, администратор? Или просто чувствуешь?

– Перед тем как схватить меня за руку, она говорила со мной так, словно речь шла о чём-то личном. Как будто ее больше интересовал я, а не Солнечный Дол. Вряд ли волчий конструктор стал бы так себя вести. Для волков мы вредители, а не индивидуумы.

– Может, они разрабатывают новую стратегию? – предположил Валуа.

– Внутри ее биологического тела что-то есть, некий объект, который я видел в ее грудной клетке. В нем вполне хватило бы места для магнитного резервуара и нескольких зернышек антиматерии. Чтобы уничтожить целиком Солнечный Дол, не нужна мощная бомба – миниатюрного ядерного заряда более чем достаточно. Так почему же она не устроила взрыв, как только тут появилась?

Валуа почесал под носом:

– Собирает разведданные?

– Если только она не использует волчий канал связи, о котором мы ничего не знаем, никакие сигналы не могут покинуть Михайлов День, – ответила Чунг. – Тебе это прекрасно известно, Морган.

Она явно подразумевала: «Не трать впустую мое время на непроверяемые гипотезы».

Я бросил взгляд на Кантора:

– Как скоро скафандры окажутся в пределах прямой видимости?

– Примерно через полчаса, администратор, – в зависимости от их точной траектории. Хочешь послать еще одно предупреждение или открыть огонь, как только их станет видно?

– У нас осталось по шесть снарядов на пушку, всего двенадцать. Этого вполне хватит, но я не хочу ни одного израсходовать зря. Возможно, чтобы остановить эти скафандры, мало снести им головы, так что повремените со стрельбой, пока они по крайней мере наполовину не покажутся над горизонтом. Ясно?

– Ясно, администратор.

– Считаю, пора отправить отряд охраны в дальний конец двадцатикилометрового тоннеля, – сказала Чунг. – На случай, если эти скафандры попытаются силой проникнуть внутрь. Пошлем охранников прямо сейчас – у них будет время занять оборонительную позицию с тяжелыми «брейтенбахами», и они успеют заложить взрывчатку, чтобы обрушить тоннель, если скафандры пройдут через шлюз.

Я отверг предложение Кантора встретить скафандры на полпути, но теперь у меня не оставалось сомнений в их враждебных намерениях. Не считая рельсотронов, самым мощным нашим оружием для поражения живой силы были переносные пушки «брейтенбах», которые не применялись ни разу.

Мне всегда думалось: если возникнет повод их применить, это будет означать, что сражение уже проиграно.

– С условием, что они успеют отойти в безопасное место, – сказал я.

Чунг заранее взяла на себя инициативу по отбору и подготовке отряда, ожидая лишь приказа отправиться в тоннель. Пара электрокаров доставит их к шлюзу всего за двадцать минут, так что они окажутся там незадолго до того момента, когда мы увидим скафандры.

Доверив Чунг координацию дальнейших действий Чунг, мы с Валуа вернулись в лаза-рет. За это время мало что изменилось. Охранники образовали кордон вокруг койки, нацелив пистолеты и ружья на пассажирку, которая сидела, задумчиво разглядывая игровую доску и словно не замечая вооруженных людей.

– Она что-нибудь делала или говорила? – спросил я у Киргиу.

– Нет – такое впечатление, будто ее окружает некий пузырь. – Доктор потянулась к сумке с медикаментами, которую держала открытой в ожидании моего прихода. – Я осмотрю твою руку, хочешь тебе этого или нет.

– Потом.

– Администратор! Тебе не кажется чрезмерной твоя реакция?

– С чего бы? Ты же видела, что произошло с ее ногтями.

Не обращая внимания на протесты, она осмотрела мою ладонь и смазала раны сильно пахнущей мазью.

– Мы просмотрели записи, сделанные в процессе извлечения женщины из капсулы. Ногти были черными.

– Как насчет того, чтобы освежить память? – Я отдернул руку. – Она может вмешиваться в работу наших записывающих устройств. Это указывает на некие кибернетические способности, как у сочленителей. Сейчас ты скажешь, что мы не видели никаких имплантатов у нее в черепе. Думаю, все это означает крайне развитое умение манипулировать нашими сканерами, чтобы показать нам то, что, по ее мнению, мы должны увидеть. Похоже, она способна проделывать все это в реальном времени и почти столь же быстро менять уже существующие записи.

– Не думала, что мы воюем с сочленителями, – сказала Киргиу, снова хватая мою руку и возобновляя осмотр.

– Как-то трудновато воевать с теми, кого тут больше нет, – заметил Валуа, но спорить с доктором не стал. – Собственно, даже если бы они вновь вернулись, для конфликта не было бы причин. Да, у нас бывали столкновения, даже войны, но теперь мы на одной стороне – против волков. Все остальное – лишь идеологические придирики.

– Я и не говорю, что она из них, – раздраженно бросил я. – Всего лишь имею в виду, что у нее похожие способности и мы должны быть начеку. Черт побери, Киргиу! Жжет!

– Оставим пока способности. Чего она, собственно, хочет? – спокойно продолжал Валуа, безразличный к моим страданиям.

– Думаю, нужно это выяснить, – вздохнул я, позволяя Киргиу обрабатывать мою руку. – Пойду туда снова. Дай мне шприц с чем-нибудь быстродействующим.

– Чтобы ее убить?

– Нет, чтобы быстро вырубить. И какова бы ни была расчетная доза, удвой ее.

Я вошел, держа в руке шприц с водянистым голубым препаратом, составом и мощностью которого предпочел не интересоваться. Жестом велел охранникам отойти от койки, прибли-

зился к Брианне. Та отложила доску с таким видом, будто после нашего разговора прошло много часов и она крайне рада моему возвращению.

– Сколько еще ждать? – живо спросила она.

– Чего ждать?

– Когда ваши рельсотроны увидят цель. Думаю, еще минут двенадцать-тринадцать. – Брианна покачала головой. – По-моему, напрасные хлопоты. Лучше поберегите снаряды на потом, когда появится противник, которого и впрямь вы смогли бы замедлить. Обрати внимание, я сказала замедлить, не остановить. Нужно мыслить реалистично.

Я быстро наклонился к ней. Не знаю, видела ли Брианна шприц, – скорее всего, нет. Но я приставил его к шее женщины, прежде чем та успела дернуться. Киргиу дала мне шприц с толстой иглой, так что я мог просто надавить, не проткнув сразу кожу.

– Больше никаких игр.

– Даже в фишки? Мне понравилась эта игра. Как и многие другие.

Свободной рукой я сбросил доску на пол.

– Не испытывай мое терпение, Брианна. Мне называть тебя так, или это вовсе не твое имя, а чья-то чужая личность, которую ты украла, чтобы проникнуть к нам?

– Ох, перестань! – Она закатила темные глаза. – Хватит лить крокодиловы слезы, Мигель де Рюйтер. Ты был готов убить тысячи людей, всех спящих на том корабле. Так что я просто взяла имя одной из пассажирок, чтобы втереться в доверие. Это даже не преступление – ее все равно уже не было в живых.

– Не моя ракета уничтожила корабль. Я не успел этого сделать. И все больше сомневаюсь, что причина во внезапном отказе двигателя.

– Гм... – Она нахмурилась, преувеличенно изображая непонимание. – Но тогда... что его уничтожило?

– В этой системе есть другой корабль. Которого мы не видели.

– Ответ верен! – восторженно объявила она.

– Вероятно, это корабль, который высадил на Михайлов День скафандры. И вероятно, он же доставил тебя в окрестности моего шаттла. – На случай, если она забыла о шприце, я надавил сильнее. – Ты ведь прибыла независимо от «Тишины в раю»? Твой корабль воспользовался для прикрытия шумом, который она создавала. Если вообще «Тишина в раю» – его настоящее название.

– Я бы в любом случае тут появилась, – сказала Брианна. – Другой корабль случайно оказался в системе в то же самое время. Крайне неудачно. Не стану отрицать, что он послужил отвлекающим объектом. Но угроза, которую он нес вам – Солнечному Долу, – была намного выше, чем я могла позволить.

– Значит, ты признаешь, что убила тех людей?

– Между нами нет никаких моральных различий, Мигель. Ты был готов убить тех людей. Просто так уж вышло, что это сделала я. Для истории не важны неисполненные намерения, важно лишь то, что мы сделали. Могли бы мы сказать, что Фарсидский Мясник был хорошим человеком, если бы он не совершил военные преступления?

Я пропустил этот вопрос мимо ушей.

– Когда мы с тобой беседовали, мне казалось, будто ты проявляешь к моей персоне некоторый интерес.

– Да неужели?

– Вызваться добровольцем для той операции мог любой из нас. Даже если я тебе небезразличен, ты не могла знать, кто окажется в шаттле.

– Не могла, но и не собиралась рисковать жизнью любого из вас, – сказала она. – Тем более что знала: вряд ли в этих пещерах вас больше нескольких тысяч. К тому же ты сам заранее решил вопрос за меня: Кидония.

На этот раз уже я нахмурился, причем совершенно искренне недоумевая.

– Что?

– Пароль для твоего самоубийственного протокола. Я считала бортовую телеметрию. Ваши защитные меры вовсе не столь надежны, как тебе кажется.

– Кидония – случайное кодовое слово. Оно ничего не значит.

– Оно значит намного больше, чем ты способен понять, дорогой Мигель де Рюйтер.

– Кто ты и что тебе нужно?

– Я... – Имя будто застыло на ее губах. Не обращая внимания на приставленный к шее шприц, она обвела палату взглядом, поворачивая голову из стороны в сторону. – Так... посмотрим. Оно вертится у меня на языке. Потолок? Нет, не то. Пол? Стена? Не совсем. Стекло? – Ее внимание вдруг привлек стоявший на столе возле прозрачной перегородки, из-за которой за нами наблюдали Киргиу и Валуа, стакан с напитком. – Ну да, конечно. Как я могла забыть? – Губы растянулись в лукавой улыбке. – Напиток. Сидр. Меня зовут Сидра. И я прилетела сюда ради тебя, Мигель. Ты – единственное, что нужно мне от Солнечного Дола.

– В таком случае ты облажалась.

– То есть?

– Ты одна и без оружия. Может, внутри тебя есть нечто такое, что могло бы нам повредить, но если это бомба, ты погибнешь вместе с нами. А твои скафандры скоро будут уничтожены.

– Уверен?

– Абсолютно.

– Я не погибну. Дай помогу тебе со шприцем.

Ее рука легла на мою, прежде чем я успел среагировать. Движение было столь быстрым, что походило на мгновенную смену кадра. Я продолжал давить на ее шею, ожидая, что она попытается сбросить мою руку, но ее намерение было другим. Нажав на поршень, она сделала себе инъекцию.

– Что ж, хорошо. Избавила меня от лишних проблем.

– Ты собирался меня убить?

– Через несколько секунд узнаешь.

Я отошел от койки, ожидая, когда подействует препарат. Не важно, вырубит ее доза мгновенно или через несколько секунд, но я не сомневался в результате. Однако ее лицо оставалось невозмутимым, и от этого зрелища у меня по спине пробежал холодок.

– Я анализирую. Интересная смесь химических веществ. Они легко разлагаются на безвредные продукты метаболизма.

Приняв решение и взяв всю ответственность на себя, я выхватил пистолет-бозер из руки ближайшего охранника, убедился, что он поставлен на максимальную мощность, и нацелил толстый ствол женщине в голову. Моя рука слегка дрожала – это происходило со мной постоянно, – но на столь малом расстоянии я вряд ли рисковал промахнуться.

– Я это сделаю, Сидра. Разнесу тебе башку.

– Справишься? Или будет как в тот раз, когда казнили Рюрика Тэйна? – Она с серьезным видом кивнула. – Да, я с легкостью проникла в ваши секретные архивы. Узнала, что на самом деле твоей вины нет. Когда дошло до приговора, у тебя были связаны руки – как-никак совершено особо тяжкое преступление, попытка организации переворота в Солнечном Доле. Лучшее, что ты мог сделать, – это проявить некоторое милосердие к его сообщникам, вроде политической амнистии для его семьи. Как всегда, ты пытался быть хорошим человеком на трудной должности. Но Рюрик Тэйн настоял, чтобы его казнь стала достоянием общественности, и именно он потребовал, чтобы приговор исполнил ты.

– Замолчи!

– Конечно, ты мог отказаться, – продолжала она, – поручив это кому-нибудь другому. В вашем законодательстве ничего не говорится о том, что ты должен был подчиниться малодушному решению Тэйна, с помощью которого он хотел привлечь к себе внимание. Но ты счел нужным проявить смелость. Когда-то он был твоим другом, ценным союзником в тяжелые первые годы. И ты согласился всадить ему в череп заряд из бозера. Все могло бы получиться как надо, если бы он не отказался надеть капюшон, и у тебя не осталось выбора, кроме как смотреть ему в лицо. – Ее губы изогнулись в фальшивой сочувственной усмешке. – Увы, от этого стало только хуже, не так ли?

Мой палец напрягся на спусковом крючке.

– Заткнись!

– У тебя дрожат руки. Повреждение периферийной нервной системы, память о тех временах, когда ты работал с пневматическим буром в бригаде шахтеров, выдалбливая жилое пространство. Даже возглавляя этих людей, ты оставался одним из них, не стыдился грязи под ногтями. Но верность общине подвела тебя, когда ты больше всего в ней нуждался. Лицо Рюрика, сильнейшее волнение, устремленные на тебя взгляды... Твоя рука дрогнула, и заряд снес половину его лица, но не убил. Завершать расправу был вынужден Валуа, поскольку ты был слишком занят – корчился на полу, не в силах осознать случившееся. В это мгновение для тебя все рухнуло, и потом ты так и не смог прийти в себя. Ты должен был искупить вину, пожертвовав жизнью ради защиты своего народа.

Я нажал на спуск. Бозер щелкнул в моей руке, и на нем мигнул сигнал ошибки.

– Нет ничего такого, до чего я не могу дотянуться и что не могу контролировать, – сказала Сидра. – Я уже воздействую на все, что есть в Солнечном Доле. Знаешь, чем я больше всего разочарована? Тем, что задача оказалась слишком простой. Вся ваша защита похожа на бумажные стены.

Я опустил пистолет, уже не сомневаясь, что он бесполезен – как и любое другое энергетическое оружие.

– Что ж, прекрасно, Сидра, – проговорил я и, схватив топор, поднял его, чтобы нанести удар.

– Советую подумать, – спокойно сказала она. – Если хочешь, чтобы Николя и Викторина жили дальше. Как и все твои друзья.

Свет померк, оставив нас в куда более глубокой тьме, чем бывало при перепадах энергии, которыми сопровождалась активация рельсотронов. Вместе с темнотой наступила оглушительная тишина – внезапно исчез даже фоновый шум системы воздуходо снабжения. По прошествии секунды свет и шум вернулись, но освещение казалось теперь нездоровым, а звуки – зловеще фальшивыми.

– Да, это сделала я, – кивнула Сидра. – И могу точно так же поступить со всем Солнечным Долом. Стоит меня убить, и вам никогда не удастся снова запустить ваши системы. Вы замерзнете и задохнетесь. Положи топор, пока я не совершила какую-нибудь глупость.

– Глупостью было тебя спасать.

– Возможно, – согласилась она. – Но возможно и то, что какая-то польза от этого все же будет. – Она вздохнула, и в ее голосе появилась ободряющая нотка. – Мне нужен только ты, Мигель. У меня нет никакого интереса вредить Солнечному Долу. Даже напротив: я очень надеюсь, что этот маленький осколок человечества сумеет выжить. Других таких не так уж много.

– Ты точно это знаешь?

– Да, знаю. Я много где побывала и многое повидала. И тебе тоже это предстоит. Мы с тобой отправимся в путешествие. Но только мы вдвоем, и никто больше. Только ты и я. Нас ждет Харибда.

– Зачем?

– Затем, что есть волки и их нужно истреблять. – Она улыбнулась, глядя в мое изумленное лицо. – Сказать тебе, что будет дальше? Что бы вы ни делали, вам не остановить скафандры. Они придут сюда, и в них мы с тобой улетим. Но у тебя еще есть немного времени, воспользуйся им разумно. Попрощайся с любимыми.

– Что случится, если я откажусь?

– Чем больше ты создашь мне проблем, тем вероятнее, что будут жертвы. А я этого вовсе не хочу. Но ты мне нужен, и если за это придется заплатить цену... – Она резко сменила тон: – Чего ты ждешь? У тебя мало времени. И больше его не станет.

Глава 5

Пока мы с Чунг ждали в Красном зале, когда начнут стрелять рельсотроны, Валуа пошел ко мне домой, чтобы привести в Святилище Николя и Викторину.

– Головы появились над горизонтом, – доложил Кантор. – Примерно через полминуты мы отчетливо увидим верхние половины скафандров.

– Стреляй, когда сочтешь нужным, – велела Чунг. – Но только одиночными, если я не скажу иначе. – Она повернулась ко мне. – Мои отряды уже на месте, «брейтенбахи» наготове, и на последних ста метрах тоннеля заложена взрывчатка. Будет досадно, если придется рыть его заново, но раз уж нельзя иначе... Мы точно знаем, что отказ электропитания устроила Сидра? Мне все-таки кажется, что стоило наброситься на нее с топорами, – заодно и узнали бы, насколько она блефует.

Я обреченно покачал головой:

– Это никакой не блеф. Она деактивировала мое оружие, вмешалась в подачу энергии и работу системы жизнеобеспечения целой секции Святилища и получила доступ к нашим данным – причем не слезая с койки. Думаю, если бы мы смогли увидеть то, что у нее в черепе на самом деле, а не то, что она нам показывает, мы бы оцепенели от ужаса. И я верю ее угрозам.

– Чего она хочет?

– Не знаю. Несла какую-то чушь насчет истребления волков. Послушай, Альма, я верю ее угрозам, но это вовсе не означает, что я не считаю ее сумасшедшей.

– Подано питание на оба рельсотрона, – сообщил Кантор.

Свет померк, как обычно бывало при возросшем потреблении ресурсов. Стрелки датчиков на стенах Красного зала покачнулись, затем вернулись в обычное положение.

– Пошли снаряды, – сказал Кантор.

При скорости сто километров в секунду удар последовал почти мгновенно. Экраны, получавшие информацию от глаз, показали невероятно яркую вспышку над хребтом. Пламя быстро рассеялось в безвоздушной среде.

– Подтвердите поражение цели, – потребовал я, будто на этом еще не сосредоточился каждый из собравшихся в Красном зале аналитиков.

– Цель не поражена, – ответил Кантор. – Оба скафандра... – Он запнулся, словно не веря собственным словам. – Оба скафандра продолжают идти, целые и невредимые.

– Не может быть, – проговорила Чунг, будто ее упрямая уверенность в обратном могла что-то изменить.

– Пушки промахнулись или что-то нейтрализовало снаряды? – спросил я.

– Промаха не было, траектория полета снарядов подтверждена, – ответил Кантор.

– Выпустить еще два снаряда, – приказала Чунг.

Снова мигнул свет, пушки выстрелили. Последовала еще одна белая вспышка.

Мы ждали.

– Цель не поражена. Скафандры не пострадали.

– Она может как-то... противодействовать, – в отчаянии проговорила Чунг.

– Или управлять пушками, – сказал я. – В это легко поверить после того, что я уже видел.
Чунг наклонилась над столом:

– Передовым отрядам перейти во внешний шлюз и доложить обстановку.

– Приказ отменяется, – выкрикнул я. – Вернуться к герметичному люку на отметке восемнадцать километров. И побыстрее!

– В рельсотронах осталось по четыре снаряда, – сказал Кантор. – Выпустить еще два?

– Попробуй, – кивнул я.

Мы снова подождали. Чунг подтвердила, что ее отряды отходят на два километра назад по тоннелю, туда, где они будут защищены в случае внезапной разгерметизации.

– Цель не поражена. И... – Кантор уставился на бегущие по краю стола цифры, – пушки поворачиваются. Обе...

– Отключить их, – бросил я.

– Дистанционно не получится. Пушки работают автономно.

– Если бы! – Я покачал головой.

– Продолжают поворачиваться, – сказал Кантор. – Миновали отметку сто восемьдесят градусов.

– Защита не позволит им нацелиться на Солнечный Дол, – не слишком уверенно пообещала Чунг.

– Двести семьдесят градусов, – проговорил Кантор. – Похоже, их цель – внешний шлюз. В зале становилось все темнее.

– Где твои отряды, Альма?

– Не знаю. Где-то в пути.

Зал содрогнулся, с потолка посыпалась пыль, призмы на столе опрокинулись. В двадцати километрах от нас пара могучих кулаков только что обрушилась на поверхность Михайлова Дня. Мониторы, обозревавшие тот участок, сразу ослепли.

– Пушки готовятся сделать еще два выстрела, – сказал Кантор.

– Сидра! – заорал я. – Прекрати! Если ты хотела нам на что-то намекнуть, то тебе это удалось.

– Думаешь, отсюда до нее можно докричаться? – спросила Чунг.

– Думаю, она слышит меня откуда угодно. – Я понизил голос, сообразив, что вовсе не требовалось его повышать. – Сидра, ты меня убедила. Теперь я верю, что ты можешь нас взорвать. А если у тебя закончатся снаряды, ты отключишь все воздушные шлюзы в Солнечном Доле. Наша система безопасности тебя не остановит. Вероятно, при желании ты можешь попросту лишить нас воздуха. Но тебе незачем это делать. Все. – я обреченно поднял руки. – Все. Я в полной твоей власти. – Я повернулся к Чунг. – Что слышно от твоих отрядов?

– Пока ничего.

– Сидра! Не убивай их. Я иду к тебе. Делай со мной что хочешь.

– Мы лишились всей телеметрии с того конца тоннеля, – сказал Кантор. – Никакой информации о герметичности, состоянии шлюза... и о том, существует ли вообще тоннель.

– Закрывать все промежуточные шлюзы. Если воздух уходит в пустоту, мы не узнаем об этом еще с минуты.

– Мигель, – сказал Валуа, вернувшийся в Красный зал вместе с Николя и Викториной. (Все трое были так же ошеломлены и напуганы, как и остальные.) – Что она творит, черт побери?

Подойдя к ним, я положил руки на плечи Валуа:

– Мне нужно немного побыть наедине с женой и Викториной, если ты не против.

Николя оттащила меня от Валуа:

– Нет! Что бы ты ни собирался мне сказать – нет!

Похоже, по пути в Святилище она успела кое-что услышать о затруднительном положении, в котором мы оказались.

– У меня нет выбора. У нас у всех нет выбора. Я нужен Сидре. – Я никогда еще не смотрел в чьи-либо глаза так же страстно, как сейчас в глаза Николя. – Я должен отправиться с ней. Если я этого не сделаю и мы не прекратим сопротивление, она будет разрушать Солнечный Дол, пока не получит то, чего хочет. И от этого вы пострадаете куда больше, чем если потеряете меня.

– Мы можем ее убить, – бесстрастно проговорила Николя, на которую мои слова обрушились, как весть о тяжелой утрате. – Наверняка ее как-то можно убить.

– Не исключено, – кивнул я. – Но для нас это связано со страшным риском, и нам все равно не избавиться от той части Сидры, которая уже внедрилась в наши системы. Можно убить ее тело, но душа никуда не денется.

Викторине вполне хватило услышанного, чтобы спросить:

– Она хочет, чтобы ты с ней полетел? Надолго?

У меня имелось только два варианта: утешительная ложь и откровенная правда. Пусть это и казалось мне жестоким, но я считал, что ради блага Викторины следовало ответить честно.

– Навсегда.

– Ты этого не знаешь! – вмешалась Николя.

– У Сидры есть корабль, – ответил я. – Межзвездный, он сейчас где-то в космосе. Она упоминала место под названием Харибда – вероятно, планету. Но о такой планете никто из нас не слышал, а это значит, что она где-то далеко от заселенных систем, а значит, отсутствовать мне предстоит очень и очень долго. Как долго – не имею ни малейшего понятия. Но жизнь наша теперь коротка. – Я привлек Викторину к груди, чувствуя, как к глазам подступают слезы. – Прости. Мне очень-очень жаль. Я хотел увидеть тебя взрослой. Я хотел увидеть, как ты станешь великой личностью – а ты ею обязательно станешь. Николя... – Я повернулся к ее матери. – Ты разделила со мной многие годы; ты позволила мне узнать, что такое дочерняя любовь. Где бы я ни был, всегда буду тебе за это благодарен. Вы обе значите для меня намного больше, чем я того заслуживаю.

Николя уже не пыталась возражать – поняла, что я принял окончательное решение. В ее голосе звучала лишь нескрываемая тоска.

– Ей не следовало так с нами поступать.

– Да, – согласился я, криво улыбаясь сквозь слезы. – Не следовало. И мне совершенно не нравится происходящее. Но здесь и сейчас я значу намного меньше, чем Солнечный Дол. – Я опустил на корточки, так что мое лицо оказалось на уровне лица Викторины, и взял ее за подбородок, и заглянул в полные слез глаза. – Это самое худшее, что могло со мной случиться. Но прошу тебя, оставайся сильной и будь хорошей девочкой. Я сохраню твою любовь, где бы ни оказался, а ты сохранишь мою любовь здесь, в Солнечном Доле. Живи, расти и люби. И пусть мама гордится тобой, а я всегда буду гордиться вами обеими.

– Убей ее ради меня, – сказала Николя.

– И ради меня, – добавила Викторина.

– Когда представится шанс. А он наверняка представится.

Тяжело вздохнув, Николя поцеловала меня и отошла.

– Ты хороший человек, Мигель. Мы будем тебя помнить. Но и ты должен помнить нас. Где бы ты ни был, что бы ни случилось, храни в своей душе мои слова: ты хороший человек, и тебя любят.

Было отдано распоряжение не чинить нам помех. Мы беспрепятственно покинули лазарет, а затем пределы Святилища. Прошли мимо моего дома к электрокару, который должен был доставить нас в конец длинного тоннеля. К тому времени мы уже знали, что отряд Чунг

добрался до относительно надежного укрытия за герметичным люком на восемнадцатом километре, а поскольку этим людям было приказано не оборонять тоннель и не задерживать скафандры, мы разминулись с ними, когда они возвращались в Святилище, потрясенные тем, что едва остались живы, – они находились гораздо ближе к точке попадания снарядов, когда рельсотроны развернулись в нашу сторону.

Последние два километра тоннеля за шлюзом были полностью разрушены – отчасти снарядами, отчасти преждевременным срабатыванием заложенной взрывчатки. Скафандры, оставив в углубляющейся борозде отчетливый след, ждали по другую сторону шлюза.

По требованию Сидры я приказал Святилищу закрыть люк на шестнадцатом километре, заперев нас в двухкилометровой воздушной трубе. Сойдя с электрокара, мы подошли к люку. Сквозь его толстое стекло виднелись скафандры – будто бледные призраки.

Это был просто люк, не шлюз. По одну его сторону находился воздух, а по другую вакуум. Либо нам предстояло выйти, либо скафандры должны были войти к нам. И то и другое означало разгерметизацию – весь воздух, запертый в двухкилометровом отрезке тоннеля, вырвался бы наружу.

– Что будем делать? – спросил я. – Полагаю, у тебя есть план?

– Не пытайся задержать воздух в легких.

Я скептически посмотрел на Сидру:

– Потому что ты не хочешь моей смерти?

– Потому что мне не нужны проблемы с выращиванием новых легких для тебя. Хотя мне все равно придется над тобой поработать, так что, возможно, я и впрямь порадуя тебя кое-чем новеньким.

– Это, конечно, здорово, что ты не предложила прихватить снаряжение для пребывания в вакууме. Надо полагать, штуковина внутри тебя – система жизнеобеспечения?

Сидра наклонила голову, размышляя над ответом:

– Что-то вроде. Но для того, чтобы прожить несколько секунд в вакууме, она не требуется. Скафандры сомкнутся вокруг нас сами; если хочешь, попробуй шагнуть в свой. Или просто подожди, когда он к тебе приблизится.

Пройдя достаточное число тренировок и зная, что делать при разгерметизации, я не пренебрег предупреждением Сидры насчет воздуха в легких. Она положила руку на рычаг открывания люка, и я глубоко вдохнул, чтобы насытить кровь кислородом. Потом выдохнул, и Сидра открыла люк.

Не помню, что было дальше. Кажется, нас вышвырнуло потоком воздуха. В какой-то момент я смутно осознал, что мне тепло, что я дышу и меня ведут – будто раненого солдата поддерживают его товарищи.

Мы двигались по поверхности планеты, изрытой снарядами рельсотронов, – я в одном скафандре, Сидра в другом, слева от меня. Шли в ногу. Я попытался слегка отстать, но скафандр был намного сильнее моих собственных мышц.

– Не сопротивляйся. Со временем я позволю тебе управлять почти всеми функциями скафандра. Но не сегодня, пока ты еще слегка на нервах.

– Ты слышала, что я пообещал Николя и Викторине?

– Что убьешь меня? Да.

– Думаешь, не смогу?

– Думаю, тебе стоит реалистично оценивать свои шансы.

– Я видел, на что ты способна, Сидра. Я видел, как легко ты нас переиграла, как запросто могла всех нас уничтожить. И еще видел, как быстро ты можешь двигаться. Возможно, умственно и физически ты самое опасное из всех существ, которых я когда-либо встречал. Но ты вовсе не неуязвима. Ты испугалась топора, пусть даже на секунду. И не смогла подавить страх. Ты совершаешь ошибки. Я видел ту штуку внутри тебя.

– С чего ты взял, что я сама не хотела, чтобы ты ее увидел?
– С того, что ты еще кое-чего не умеешь – лгать. Думаю, ты так стремишься быть идеальной, что тебе не хватает умения быть человеком.

– Да ты чуть ли не насквозь меня видишь. И как же собираешься меня убить?

Я пожал плечами внутри скафандра:

– Придется найти топор побольше.

Сидра остановилась, и я тоже. Подняв руку, она сделала жест, будто подзывая что-то с неба.

Над нами возник корабль – черная крестовина, затмевающая звезды. Конический корпус с небольшим утолщением сзади, острый нос и два лонжерона с двигателями.

– Это «Коса». Корабль типа «мурена», с некоторыми дополнениями. Быстрый, темный и невероятно резвый. На какое-то время он станет твоим домом, так что привыкай.

– Если за тобой сюда последовали волки, вряд ли это время будет долгим.

– Они меня даже не видели. «Коса» умеет держаться в тени и двигаться против ветра. Стаи ингибиторов безжалостны и сильны, но с трудом приспосабливаются к меняющейся обстановке. Это наша единственная надежда – быстро адаптироваться и искать способы сбить их со следа.

– На этой штуке есть оружие?

– Да, очень мощное. Но его хватит лишь для того, чтобы замедлить волков. Зато маскировка у меня отменная. Они не видят моих двигателей, не видят корабля. Темноприводы, криоарифметика, хамелеофляж, манипуляция световыми потоками, плюс еще шесть или семь принципов, для понимания которых тебе пришлось бы совершенствовать мозги.

Вытянув руку, Сидра сотворила во мгле над головой светящийся прямоугольник, из которого, будто язык, выдвинулся пандус, коснувшись нижним краем земли. Мы шагнули на пандус, и тот двинулся обратно, доставив нас в шлюз.

Я ощутил движение корабля; в животе возникла тяжесть. Мы улетали прочь от Михайлова Дня.

Как шлюзовая камера и скафандр заполнялись воздухом, я даже заметил, но вдруг мой шлем щелкнул и сполз назад. То же произошло и со шлемом Сидры. Затем скафандры раскрылись полностью и мы смогли из них выйти, оставшись в том, что было на нас в Святилище. Пустые скафандры переместились к стене шлюза и наполовину погрузились в нее.

– Сколько тут людей?

– Только я. А теперь еще ты.

Я попробовал прикинуть, как долго Сидра пробыла вне «Косы».

– И этот корабль летает сам? Он же длиной полкилометра.

– Около того. И да, в основном он летает сам. Мы можем с ним общаться по нейросвязи, но только на относительно небольшой дистанции. Во всем остальном... «Коса» достаточно умна для корабля.

– Надеюсь, тут хороший карцер.

– Я вовсе не собираюсь сажать тебя под замок. Что это были бы за манеры? Нет, корабль теперь твой. Можешь ходить по нему куда вздумается. Если я сочту нужным куда-то тебя не пустить, «Коса» тебе откажет, сперва вежливо, а потом категорично. И если потребуется, применит силу.

– Таковы правила?

– Таковы правила.

– Ладно. А вот мои. Несмотря на все твои предупреждения, я найду способ тебя прикончить.

– Что ж, хорошо. Мне нравятся люди, у которых есть цель.

– Буду искать варианты. И какой-нибудь наверняка подвернется, если проявить терпение.

– «Коса» тебя убьет.

– Но ты уже не увидишь этого и не сможешь порадоваться. А если я смогу тебя убить, остаться в живых и развернуть корабль – порадуюсь сам. И запомни: думать об этом я буду каждую минуту.

– Что ж... теперь я спокойна. Если бы тот, кого я выбрала, не дал мне такого обещания, я бы беспокоилась: а будет ли от него какая-то польза? – Она взяла меня за подбородок и развернула к себе, чтобы наши взгляды встретились. Ее пальцы напоминали клещи, ногти с силой вонзились в кожу. – Ты ведь не врешь? Я вижу ненависть в твоих глазах. Столько ненависти...

– А чего ты ожидала?

– Ненависть помогает. Ненависть полезна. – Она щелкнула пальцами, будто отгоняя повисшую между нами тьму. – Впрочем... может, хотя бы сделаем вид, будто обсуждаем нечто более приземленное? Идем, покажу тебе рубку управления.

Мы прошли вперед – или вверх, в зависимости от меняющейся перспективы. Насколько я мог судить, «Коса» сперва висела над Михайловым Днем брюхом вниз, а затем начала удаляться от планеты, сохраняя ту же ориентацию. Но теперь расположенные в задней части корабля двигатели толкали его вдоль продольной оси и местная сила тяжести сместилась на девяносто градусов. Полы и стены без особой суеты меняли свое предназначение, коридоры сжимались и расширялись, люки открывались и закрывались в соответствии с меняющейся геометрией.

Рубка управления представляла собой сферическое помещение, главное место в котором занимали два чудовищных противоперегрузочных кресла, снабженные целым арсеналом систем жизнеобеспечения, так что человек мог просуществовать в этом устройстве не одну неделю. Оба кресла были установлены на громоздких карданах и поршнях, позволявших быстро менять ориентацию, компенсируя любые головокружные маневры, которые потребовалось бы совершать «Косе». Подлокотники и подголовники были усеяны дисплеями, в то время как остальные расположились на сферических стенах, сгруппированные в соответствии со своими функциями в консоли, и к ним можно было направить кресло. Имелись здесь также большие экраны, складные панели управления и расположенные по кругу узкой лентой иллюминаторы.

Иллюминаторы открывали вполне убедительный вид на уменьшающийся диск Михайлова Дня, но он почти наверняка был фальшивым, передававшимся сквозь десятки метров толщины корпуса. Если Сидра действительно приложила все усилия, чтобы сделать корабль невидимым, иллюминаторы – последнее, в чем он нуждался.

– Садись, – сказала она.

Я опустил в левое кресло, оказавшееся куда более удобным, чем противоперегрузочные койки на наших шаттлах. Оболочка кресла бесшумно изменила конфигурацию, подстроившись под мое тело. Я провел пальцами по встроенным органам управления, надеясь, что все опасное заблокировано на системном уровне. Ожили диаграммы и меню на экранах – как закрепленных на кресле, так и расположенных на стенах в поле моего зрения; все с надписями на каназиане.

Я едва успел заметить, как каназиан сменился рунглишем – не каким-то случайным вариантом рунглиша, но хорошо знакомым мне диалектом.

– Как он это проделал?

Сидра обустроивалась в своем кресле. Она пользовалась лишь сенсорными органами управления – делала руками отрывистые, похожие на танцевальные движения, но ни к чему не прикасалась.

– Корабль читает визуальные саккады, произвольные движения глаз. Он следил за тем, как твой взгляд перескакивал через одни символы и задерживался на других, а после, используя прогнозную модель, он определил, что рунглиш – твой предпочтительный язык. Все верно?

Ложь она заметила бы мгновенно.

– Да. Но вряд ли кто-то в Солнечном Доле пользуется рунглишем. Я уже почти забыл, что мне на нем легче говорить, чем на каназиане.

– Может, ты и забыл, но твой мозг – нет. Старую прошивку трудно научить новым трюкам.

Она снова шелкнула пальцами, и я услышал серию быстрых, глухих ударов где-то в направлении кормы. В расположенных по дуге иллюминаторах я заметил несколько десятков небольших объектов, которые удалялись от нас – черные пятнышки на фоне диска Михайлова Дня. Несколько секунд они дрейфовали по естественным траекториям, становясь все меньше, а затем разогнались, устремившись ко всем четвертям горизонта, будто рассеялся при появлении хищника косяк рыбы.

– Что это?

– Первый из моих прощальных подарков. Считай это усовершенствованием ваших защитных систем, которым – если можно так выразиться – кое-чего недостает. Они заменят вашу сеть сейсмофонов и рельсотронов. У вас будут более качественные глаза, уши и зубы. Мои системы скрытно подключатся к проложенным на поверхности кабелям, снабдив их самовосстанавливающейся оболочкой, а потом переработают ваши нынешние датчики и пушки на сырье.

– Ты говорила, ничто на этом корабле не способно остановить волков.

– Да, и все эти усовершенствования тоже их не остановят. Но хорошо послужат Солнечному Долу в других отношениях: они надежнее, чувствительнее и точнее. Если в вашу систему залетит еще какой-нибудь корабль или – не хочется даже думать – незванный гость вроде меня, вы будете намного лучше к этому готовы.

Я не мог представить, с чего бы Сидра стала преувеличивать пользу своих подарков или тратить силы на их изготовление, если они не могли всерьез улучшить наше положение.

– Мне нужно связаться с Солнечным Долом и сообщить, что происходит.

– Нет необходимости. В Святилище всегда будет присутствовать частичка меня, которая позаботится о вашей безопасности.

– Только позаботится? Или возьмет власть в свои руки?

– Где же твоя благодарность? – проворчала Сидра. – Не беспокойся, ко мне быстро привыкнут. А со временем поймут, что я на их стороне. Я хочу, чтобы Солнечный Дол выжил. Вы не одни, есть и другие островки жизни, бесстрашные группки уцелевших, которые прячутся в ночи. Но в любой момент какая-то из этих групп может погибнуть сама или ее отыщут волки. Так что каждую из них следует считать незаменимой.

– Станный у тебя способ проявлять любовь к другим.

– Любовь? Интересное слово ты выбрал. Не подумал ли заодно о вере и надежде? Но это вовсе не то, Мигель. Это гарантия защиты вида как такового. И мои дары на этом не заканчиваются. Пока «Коса» летела сюда, чтобы меня забрать, я велела ей послать беспилотники навстречу вашим апостолам. Это помогло мне слегка вас ослепить, но уверяю тебя, лишь временно. В апостолов внедрены системы самовосстановления – вроде тех, что я отправила на поверхность планеты. Когда апостолы вновь оживут, они станут намного совершеннее. Опять-таки это никак не остановит волков. Но если вы сумеете заранее получить сигнал об их появлении, у вас будет больше времени, чтобы отключить все ваши шумные процессы и затаиться.

– Ты многое знаешь о волках. Или мне так только кажется?

– Это стало делом моей жизни. Кто-то ведь должен. – Она указала на иллюминаторы, за которыми продолжал уменьшаться диск моей планеты. – Попрощайся с Михайловым Днем, Мигель; когда ты увидишь его в следующий раз, он будет похож на крошечный камешек.

Несколько секунд я смотрел на родной дом, но в конце концов стала невыносима мысль, что Никола и Викторина сейчас где-то там, что они ничего не знают о происходящем со мной и что я никогда не узнаю, как сложится их судьба.

Я отвел глаза, охваченный тоской и отчаянием.

Сидра ошибалась. Я знал, что следующего раза не будет.

Глава 6

В другой части корабля был накрыт обеденный стол. Между двумя креслами с пухлыми спинками расположились тарелки, приборы, бокалы, бутылки и кувшины. В создаваемых «Косой» воздушных потоках покачивалось пламя свечей.

– Если хочешь, чтобы я поел, просто дай что-нибудь, что можно унести в каюту.

– Нет, я настаиваю. А когда я говорю «настаиваю»... – Сидра указала на кресло напротив иллюминатора. – Садись. Говорят, считается вежливым предоставлять гостям место с лучшим обзором.

Почувствовав, что спорить с ней бесполезно, я сел в кресло. Сидра расположилась в другом, спиной к иллюминаторам. От Михайлова Дня не осталось и следа – лишь рыжевато-пятно пылевого диска, на фоне которого виднелось несколько ярких звезд. Вероятно, имел место некий фокус с контрастом, поскольку хватало даже света свечей, чтобы звезды расплывались у меня в глазах.

Сидра, не спрашивая, налила мне вина.

– Начнем сначала, Мигель. Оставим все плохое позади. Я оторвала тебя от семьи, и вряд ли ты станешь меня за это благодарить. Но обещаю: со временем ты многое увидишь в ином свете. Пока же нам придется делить на двоих этот корабль. Делить на протяжении всего путешествия и, поскольку наши жизни взаимозависимы, заботиться друг о друге. – Она доверительно понизила голос: – Но в конце пути ждет награда, которая стоит всех наших трудов.

– Харибда?

– Все-таки соображаешь. Ну как, договорились? Мой корабль – твой корабль. – Она подняла бокал и жестом предложила мне поднять свой. – Предлагаю тост. Но не за меня и даже не за нас – для этого еще слишком рано. Ты меня ненавидишь, и я понимаю твои чувства. Так что – за твоих и моих друзей и за нашу общую борьбу с волками. Ночь холодна, лес полон кошмаров, но на горизонте мерцает огонек.

– За моих друзей, – сказал я.

– И за моих.

– Буду молиться, чтобы они никогда не встретились, – проворчал я. – Ибо, кем бы ты ни была и кто бы тебя ни послал, я не желаю в этом участвовать.

– Мои друзья не то же самое, что я.

Сидра пригубила из бокала, и я последовал ее примеру. Как бы ни хотелось обратного, вино оказалось приятным на вкус и пьянящим.

Меня не особо беспокоило, что в вино может быть что-то подмешано или что алкоголь помешает мне трезво мыслить. Я теперь на корабле Сидры, и только в ее власти ввести в мое тело что-нибудь или извлечь. Раз уж мне позволено дышать, я с тем же успехом могу пить вино.

– Что такого я могу предложить, чего ты не в состоянии сделать сама? – спросил я. – Или чего не может сделать твой корабль?

– Твоя ценность станет ясна к тому времени, когда мы доберемся до Харибды.

– И где она, эта Харибда? Вряд ли я раньше слышал о планете с таким названием. Я порылся в архиве Солнечного Дола и не нашел никаких упоминаний.

– Значит, тебе придется просто поверить в ее существование. Но отчасти я помогу. Это название нигде не встречается, потому что его дала планете я и оно абсолютно неофициальное.

– Так где же она?

– В системе, до которой с легкостью может долететь этот корабль.

– Но все равно до нее десятилетия пути.

Сидра беспомощно пожала плечами, будто мы оказались в ситуации, которая несколько от нее не зависела.

– Космос велик. Что поделаешь?

В помещение вплыли белые шары величиной с человеческую голову – своего рода прислуга. От каждого шара отходили членистые рычаги, они держали дымящиеся тарелки с нашим первым блюдом – чем-то вроде клецек, обрызганных блестящим соусом. Шары поставили тарелки и удалились.

Если вино можно назвать превосходным, то для клецек у меня попросту не нашлось слов. Возможно, это объяснялось контрастом с кухней Солнечного Дола, но я не мог вспомнить ничего, столь же удачно подходящего моим не вполне атрофированным вкусовым предпочтениям. Я чувствовал себя будто слепой, вновь узнавший, что такое яркие краски.

– Вкусно?

– Не жди благодарности. – Я помолчал, прожевывая клецку. – Но ты права насчет твоего корабля: готовит он отменно.

Я посмотрел на нож, который держал в руке. Тяжелый, из какого-то холодного сплава – не настолько длинный или острый, как хотелось бы, но если действовать быстро...

Сидра отодвинула свою тарелку.

– Ты думаешь, как бы ткнуть меня ножом, и гадаешь, удастся ли достаточно быстро перепрыгнуть через стол, чтобы до меня добраться. А еще беспокоишься, не расплавится ли нож у тебя в руке и не обратится ли против тебя самого.

Вероятно, она ждала, что я вложу нож, шокированный тем, как безошибочно она поняла мои намерения. Вероятно, она также полагала, что я захочу узнать, как ей удастся столь ловко читать мысли.

Но вместо этого, оттолкнувшись со всей силой, я прыгнул через стол, держа перед собой нож и расшвыривая тарелки и бокалы. Меня занимала лишь одна мысль: куда лучше метить – в глаз, горло или грудь. Я был готов резать и колоть, пока она не сдохнет. Я жаждал проверить ее способности в полной мере.

Сидра, казалось, даже не пошевелилась, но мгновение спустя она очутилась рядом, остановив меня правой рукой и перехватив руку с ножом левой. Я замер, как будто налетел на железную решетку.

Сидра что-то проделала с моим запястьем – ущипнула? – и нож выпал из пальцев. Она продолжала удерживать меня в той же позе над разгромленным столом, так что наши лица разделяло расстояние не шире ладони.

– Я не виню тебя за эту попытку, – спокойно сказала она, будто продолжая нашу беседу. – Да и блеф удался мне чересчур легко. – Она толкнула нож ко мне через лужу вина, а затем, ослабив хватку, мягко усадила меня в кресло. – Попробуй еще раз, чтобы убедиться окончательно. Делай что хочешь. На этот раз я даже не стану реагировать. Вместо меня вмешается «Коса». – Она опустила руки на колени, под стол. – Ну, давай же. Это будет... поучительно.

Подумав секунду, я отодвинул нож. Руку больно жгло в том месте, где Сидра сдавила нервы.

– Вряд ли есть смысл.

– Ты быстро учишься.

Сидра взглянула на дверь. Снова появились шары, быстро ликвидировав устроенный мной беспорядок. Боль в запястье утихла.

– Думай масштабнее, – продолжала Сидра, снова подняв бокал. – Осознай свою цель, сколь бы сложным тебе это ни казалось. Лети со мной и найди нечто, способное помочь в борьбе против волков. Прояви всю любовь к своим близким, какую только можешь.

Шары принесли главное блюдо. У меня не было никакого желания и дальше играть роль раболепного гостя перед властной хозяйкой. Но это относилось к моей гордости, а вот аппетит был готов к любым унижениям.

– Тогда, в Святилище, – заметил я, поднимая нож ради эмпазы, а не с намерением нанести удар, – ты сказала нечто такое, что всерьез меня озадачило.

– И что же?

– Ты тогда говорила об этике намерений. И привела в пример Фарсидского Мясника.

Сидра наклонила голову:

– Вроде было.

– Почему именно его? В твоём распоряжении вся история, любое количество деспотов и безумцев. Почему из всех ты выбрала Фарсидского Мясника?

Она ответила вопросом на вопрос:

– Вам многое о нём рассказывали?

– Достаточно, чтобы помнить, что его звали Невил Клавэйн. – Я съел пару кусочков. – Военный деятель, имевший какое-то отношение к Марсу. Очень давно, пятьсот или шестьсот лет назад.

– Он участвовал в первой войне с сочленителями, – сказала Сидра, наклонившись ко мне с видом школьницы, которой не терпится продемонстрировать свои знания. – Клавэйн пытался их сокрушить, остановить любой ценой. Прозвище он получил за свои крайне жестокие методы.

– Наверное, он объяснял это тем, что просто делал свою работу, как солдат.

– Я тоже склонна так считать, – удивила меня Сидра. – Иные времена, и вряд ли стоит его осуждать. Но тебе не кажется, что нам бы сейчас весьма пригодился такой человек, готовый пойти на крайности в интересах некой военной цели?

Моя каюта по части комфорта и оснащённости оказалась в несколько раз лучше, чем любые жилые помещения в Солнечном Доле. Она состояла из нескольких смежных комнат. Там были спальня, маленькая гостиная, гардеробная, туалет, ванная с невесомым душем и раковиной, где даже присутствовал набор мыла, масел, мазей и иных принадлежностей для ухода за собой; а ещё имелся уголок для тренировок. Вода в ванной была такой горячей, что я едва не ошпарился. К моей радости, там нашлась небольшая библиотечка печатных книг, в основном классика: первые издания на рунглише и последние на русском и английском. Имелась также цифровая библиотека с возможностью поиска в базе данных, доступ к которой осуществлялся с помощью складной клавиатуры, подозрительно похожей на те, которыми мы пользовались в Солнечном Доле. Одна из стен гостиной играла роль фальшивого окна, открывая вид на космос, но с тем же успехом она могла показывать океанские волны, заход солнца в горах или миллион других столь же умиротворяющих сцен. Удобства отвечали всем моим потребностям и даже больше; я почти жалел, что мне недолго придется ими пользоваться.

Сидра заверила меня, что я не пленник; и как только я помылся и оделся (в шкафу нашлась свежая одежда, оказавшаяся мне абсолютно впору), я решил обследовать корабль.

Ничто мне не препятствовало.

Я ходил в любых направлениях, как мог далеко, пока не убедился, что побывал во всех доступных местах минимум дважды. Мне встретилась анабиозная камера, где ждали две крио-капсулы, потом нечто вроде игровой комнаты или стрелкового тира, а рядом с ней помещение,

заполненное всевозможным оружием, хранившимся за стенами из матового стекла, так что я мог различить лишь смутные очертания.

В другой части корабля я наткнулся на коридор, упирившийся в переборку с окошком, за которым виднелось ярко освещенное пространство с множеством сверкающих механизмов. Я решил, что это нечто вроде машинного отделения. Там трудились шарообразные роботы, скользя между лопастями и спиралями, создававшими впечатление гигантской турбины, которая пока неподвижна, но способна вращаться с убийственной быстротой. Впрочем, вряд ли это было машинное отделение или по крайней мере нечто вроде обычного двигателя. Я практически не видел «Косу» снаружи, когда она парила над Михайловым Днем. Но тогда мне хватило одного взгляда, чтобы опознать крестообразные очертания корабля, построенного по принципам сочленителей, с заостренным корпусом и двумя двигателями на консолях. Сидра сказала, что это темнопроводы, но инстинкты подсказывали мне, что это скорее разновидность базовой технологии, чем нечто совершенно новое.

Я не увидел на переборке петель или замков, но это вовсе не означало, что она не может превратиться в дверь. Однако вопреки любопытству я ощущал в себе нежелание идти дальше. Интуиция подсказывала, что там происходит нечто небезопасное и неблагоприятное. Интересно, что бы сказала моя интуиция о здравомыслии хозяйки корабля?

Это единственный из увиденных мной отсеков, где не удалось побывать, но вряд ли могло быть случайностью, что мне позволили приблизиться к окну. Если Сидра не хотела, чтобы я увидел происходящее в помещении с механизмами, она могла лишить меня доступа в эту часть корабля или просто сделать окошко в переборке непрозрачным. Но она так не поступила, и я ни на мгновение не смог поверить, что причиной тому простой недосмотр или рассеянность. Сидру вполне устраивало – если не сказать больше, – что я увижу штуковину, над которой трудятся роботы, и нетрудно было понять, что данный факт имеет значение для моего будущего.

По крайней мере, для того будущего, которое она мне уготовила.

Я дотронулся до стекла и ощутил межзвездную стужу, а затем повернул назад, продолжив изучение корабля. Шел, сколько удавалось пройти, по прямым и извилистым коридорам, через перекрестки и узлы, и везде представлял себя точкой внутри «Косы» – пытался мысленно построить схему. Но расположение отсеков сбивало с толку, и задача казалась безнадежной. Я мог побывать везде, кроме отсека с механизмами. И больше мне не встречалось ничего достаточно чувствительного или опасного, что могло бы стать объектом удачной диверсии. Я вовсе не хотел умереть, но, если бы нашел способ повредить корабль, вынудив Сидру вернуться в Солнечный Дол, даже если бы это дало лишь выигрыш времени до момента, когда она снова нас одолеет, я бы с радостью принял смерть.

Может, виной тому было нечто, подмешанное в вино или еду, а может, просто все накопившееся за последние дни, но я вдруг почувствовал, что валюсь с ног от усталости. Признав, что все вокруг меня находится в полной власти Сидры, я вернулся в свою каюту. Найти ее было легко, – словно угадав мое намерение, корабль открыл кратчайший проход. Но прежде чем забраться под одеяло, я сел за откидную клавиатуру и набрал единственное слово, желая узнать, что скажет в ответ «Коса».

Это было слово «Кидония».

Мгновение спустя передо мной появилось изображение ржаво-красного диска, маленькой безвоздушной планеты. Оно увеличилось, и показалась та часть, где в результате случайного сочетания геологических факторов возникло нечто похожее на человеческое лицо, которое смотрело на меня пустыми глазницами. Чем-то оно походило на лицо Сидры.

На изображение был наложен зеленый текст на рунглише:

Кидония: регион Марса, Первая система.

См. также: Рыцари Кидонии.

См. также: Война между сочленителями и Коалицией.

См. также: Невил Клавэйн.

Спал я плохо.

Меня похитили из родного дома, разлучив с людьми, которых я любил больше всех во Вселенной. Меня отрезали от поселения, которое я помогал строить, от пяти тысяч соотечественников, которые, возможно, только и остались от человечества. Семейную жизнь и служебные обязанности, дававшие, несмотря на повседневные тревоги и заботы, ощущение определенного комфорта, сменила компания мучительницы с лицом призрака и темного корабля, которого я не знал и которому не доверял.

Но меня больше беспокоило вовсе не то, что со мной сотворила Сидра, не разлука с моим народом, не бегство из Солнечного Дола и не пребывание на борту «Косы».

Меня тревожили трещины, которые вдруг открылись в моей душе. Трещины едва заметные, как микродефекты зубной эмали, но обещавшие стать источником страданий.

– Доброе утро, Мигель. – Сидра сидела за столом, допивая свежавыжатый сок. – Надеюсь, ты всем доволен?

– А если и нет, какая разница?

– Ясно. – Она кивнула, будто утвердилась в каких-то подозрениях. – Вижу, ты намерен продолжать в том же духе. А я-то рассчитывала, что хороший сон сделает тебя сговорчивее.

– В смысле покорнее?

– Я бы предпочла нормальное сотрудничество. И все же... как насчет того, чтобы немного развлечься после завтрака? Сядь, прошу тебя.

– Невил Клавэйн был рыцарем Кидонии, – сказал я, садясь.

– Правда?

– Тебе, конечно же, прекрасно известно, что я это знаю. Не могу представить, чтобы ты позволяла мне рыться в архивах «Косы», не регистрируя все мои запросы.

– И чем тебе помог краткий экскурс в древнюю историю?

– Лучше расскажи сама.

– Клавэйн был интересной личностью, – задумчиво проговорила Сидра. – Сперва заклятым врагом сочленителей, одной из высокопоставленных фигур в Коалиции за нейрочистоту. Но случилось нечто, заставившее его изменить взгляды. Мы знаем, что его взяла в плен Галиана, предводительница врагов. Однако в конце концов он вернулся к своим, похоже продолжая верить в прежние цели. И все-таки что-то в нем изменилось – пребывание в плену заронило в душу крошечное зернышко сомнения.

– Я прочитал кое-что еще. Его спровоцировали на измену.

– Вот как? – спросила Сидра, будто сей факт не был ей известен.

– Клавэйн отправился на Марс с мирной миссией, намереваясь склонить сочленителей к заключению какого-то договора. Тогда он еще полностью верил в правоту своего дела. Но мирную инициативу стремились сорвать его собственные сторонники. Сочтя Клавэйна расходным материалом, его обрекли на смерть, обвинив в этом сочленителей. Однако история говорит нам, что он остался жив. И самого факта предательства оказалось достаточно, чтобы он перешел на сторону Галианы.

Сидра широко раскрыла похожие на черные озера глаза:

– Наверняка измена причинило ему немалую боль.

– Надо полагать.

– И тот, кто совершил это преступление, наверняка был очень рад, когда Клавэйна перестали интересовать проблемы человечества.

– Думаешь? – Не дожидаясь ответа, я добавил: – Еще один вопрос, Сидра. Ты не просто так упомянула его в разговоре, ты забросила глубинный зонд, пытаешься что-то разузнать. Но боюсь, желаемого эффекта это не возымело.

– Не сомневаюсь. Хотя вряд ли иначе ты бы обратился с запросом к «Косе»...

– Я все еще пытаюсь понять, что ты такое. И когда ты бросаешь мне кость, я кидаюсь за ней. Даже если в итоге оказываюсь в историческом тупике.

– Что ж... думаю, речь шла попросту о той пользе, которую может принести военный ум. Я выбрала... неудачный пример, только и всего. Извини, если затронула какое-то болезненное место.

– Вовсе нет. – Я покачал головой, злясь на собственную реакцию и понимая, насколько легко Сидре удастся со мной играть. – Впрочем, ты в любом случае не права.

– Поясни.

– От такого человека никакой пользы – ни сейчас, ни тогда. Мы сражаемся с чудовищами. Но нам незачем самим становиться ими.

– Будем надеяться, что мы ими еще не стали. – Она подала мне стакан сока, а затем сдернула ткань с чего-то, стоявшего посреди стола.

Это оказалась игровая доска, такая же, как та, на которой мы играли в лазарете, и с расставленными в начальной позиции фишками. Конечно, не та же самая, если только Сидре не удалось каким-то образом прихватить ту с собой, но неотличимая копия.

– И чтобы доказать, что я не чудовище, которым ты меня считаешь, я готова вернуть тебя домой, к семье.

Я покачал головой, не веря ни единому слову:

– Если хочешь запудрить мне мозги, Сидра, попробуй как-нибудь иначе. Я уже смирился. Вряд ли ты затратила бы столько сил и времени лишь для того, чтобы в итоге зашвырнуть меня обратно.

– Если я обещаю, то делаю. И я обещаю совершенно искренне. Я говорила тебе, что люблю играть. Мы сыграем три партии. Если выиграешь две, я разверну корабль и доставлю тебя в Солнечный Дол. Ты будешь жить там долго и счастливо. – она криво улыбнулась. – Конечно, при условии, что не явятся волки. Но если две партии выиграю я, мы продолжим путь до пункта назначения.

– Имеется в виду Харибда? – не удержался я.

– Нет, сначала надо уладить кое-что в другой системе. Тебе даже не потребуется просыпаться. Но, конечно же, этого путешествия не будет, если победишь ты.

Я покачал головой, отказываясь клевать на приманку:

– Ни на секунду не поверю, что в случае моей победы ты исполнишь обещание.

– У тебя есть выбор, – вздохнула Сидра. – Либо мы играем, либо нет. Если нет – идем в анабиозную камеру. Если да – есть шанс, что ты снова увидишь Николя и Викторину. И чтобы состязание было честнее, я могу дать тебе фору, заблокировав часть нейроресурсов.

– Насколько большую? – осторожно поинтересовался я.

Сидра удовлетворенно улыбнулась:

– Начну с того, что фора выражена в процентах. Сперва она будет щедрей, но я стану уменьшать ее на один процент по прошествии каждой секунды. Чем раньше сделаешь ход, тем больше твое преимущество – но ты должен действовать быстро. Стоит тебе замешкаться, и фора практически сойдет на нет.

– Знаю, это бессмысленно, – сказал я, тоже вздохнув. – Но если существует хоть малейшая возможность, что тебя можно победить и что ты сдержишь обещание, мне ничего не остается, как попытаться.

Сидра кивнула:

– Ответ верен.

– Начинай свой чертов аукцион наоборот.

– Начинаю. Пятнадцать процентов...

– Принято, – ответил я, делая ход, прежде чем она успела произнести еще хоть слово.

Сидра удостоила меня одобрительной улыбкой:

– Гораздо быстрее, чем я ожидала. Как, не слишком мала моя начальная ставка?

– Естественно, она мала.

Чем поможет фора в пятнадцать процентов? Но это всяко лучше, чем без форы вообще.

– Ты не первый, с кем я играла в такой аукцион, – сообщила Сидра. – Ты бы удивился, узнав, сколь многие колеблются, а не действуют так же четко, как ты.

– Возможно, они слишком мало тебе доверяли, чтобы отнестись к игре всерьез.

– Но ты доверяешь?

– Нет, но маленький шанс лучше, чем вообще никакого. Может, продолжим?

Сидра позволила мне выиграть первую партию. Или, допуская, я выиграл законными средствами – я ведь тоже знал толк в этой забаве. Разница между игрой на борту «Косы» и игрой в лазарете заключалась в том, что я с самого начала не давал Сидре пощады. В лазарете я ставил целью развлечь ее, не относясь к игре всерьез, пока Сидра не стала одерживать верх, а тогда пытаться изменить ситуацию было уже поздно. Сейчас же я напряг мозги до предела, стараясь продумать наперед как можно больше ходов и вызывая в памяти тысячи выигранных и проигранных партий против Николя и Викторины.

Пошла вторая партия. Я держался сколько мог, и в какой-то момент возникла иллюзия, что противница загнана в угол, но надежда оказалась ложной. Сидра отвечала точно рассчитанными ходами и вскоре полностью меня связала. Мне удалось оттянуть неизбежное еще на нескольких ходов, однако судьба партии была предрешена. И вряд ли я мог отрицать, что Сидра победила честно. Мне доводилось играть против машин, и я не забыл ощущения проигрыша алгоритму. Но теперь я чувствовал, что играю с безжалостным человеком, способным исключительно быстро учиться и приспосабливаться.

Признав поражение, я откинулся в кресле.

– Ты знала, что даже с наполовину отключенным мозгом победишь меня.

– Но пока не победила. Счет равный. Третья партия все решит.

– У меня больше нет сил играть.

– Но тебе и терять нечего. Мы учимся друг у друга. Каждый может совершить ошибку. Каждый может напороться на неожиданный ход.

Вздыхнув, я покачал головой, но все же расставил фишки на своей стороне доски, пока Сидра делала то же на своей. Она позволила мне пойти первым. Я согласился и разыграл нелогичный дебют, открывавший слабое место с моего фланга. Внешне это выглядело как намек на быстрое завершение игры, но мне доводилось заманивать Николя в подобную ловушку, и это не заканчивалось для нее ничем хорошим. Я не особо надеялся, что в эту западню угодит Сидра, но хотелось верить, что у меня чуть больше шансов, чем если бы я играл в прежнем стиле.

Какое-то время мой план работал. Сидра проигрывала. Она могла делать ходы, о которых успела узнать от меня, но оказывалось, что ни один из них не применим к новой конфигурации. Вынужденная импровизировать, она выдавала свои слабые места, и я не упускал возможности этим воспользоваться. Я мстил ей, платя беспощадностью за беспощадность, и методично разрушал ее защиту.

Но у нас обоих истощился запас фигур, и игра перешла в более знакомое русло. Сидра вновь получила возможность черпать информацию из своей растущей библиотеки ходов. Наступил момент, когда инстинкт подсказал мне, что победы не будет. Но ни один мускул не дрогнул в моем лице. Я перемещал фишки так же сосредоточенно, как и в самом начале.

Сидра выиграла. Я обескровил ее, но недостаточно, и турнир завершился ее победой.

- Что ж, это было поучительно, – сказала она, складывая доску.
- В смысле – насколько я был доверчив, решив, будто ты позволишь мне выиграть?
- Напротив – насколько решительно ты держался до конца. Хочу кое в чем признаться.
- Ты жульничала?

– Нет, я сдержала обещание. Но я велела «Косе» просканировать работу твоего мозга в течение всех трех партий. Мне хотелось знать, насколько серьезно ты относишься к задаче. Ответ меня радует: ты отдавал все силы. Вряд ли кто-то еще мог играть столь упорно и целеустремленно.

- И что это доказывает?

– Это доказывает, что я не ошиблась в тебе. Ты готов сражаться насмерть. До последнего вздоха. Неважно, каковы шансы.

- Я был готов сдаться.

– Но ты не сдался, и это важно. Скажу честно: после первой партии вероятность твоего выигрыша была крайне малой. Но и не нулевой.

- Ты бы исполнила обещание?

- Самой хочется в это верить.

Мне показалось, что это ее первые по-настоящему искренние слова за все время нашего знакомства.

- Но ты не уверена?

– В данных обстоятельствах я бы исполнила обещание... а потом стала искать другие методы убеждения. Мне бы не хотелось тебя потерять, особенно теперь, когда я знаю, как стойко ты сражаешься. – Сидра вышла из-за стола, оставив доску. – Идем. Теперь ничто не мешает нам отправиться в анабиозную камеру. Для тебя все станет намного проще, как только пробудишься от криосна.

Сидра приглашающе протянула руку. Встав, я двинулся вдоль стола и оказался рядом с ней у его края. Я наклонил голову, изображая смирение с судьбой. Впрочем, я сомневался, что мне удалось убедить Сидру, тем более что «Коса» все еще смотрела мне в череп, считывая активность мозга. Мой замысел был бы очевиден для самой тупой машины. Но решение уже было принято.

Я метнулся к Сидре, схватил ее левой рукой за горло, а правой ударил под ребра. Пришнул ее к стене. Сильнее сдавил глотку, вонзил пальцы в живот. Сидра ударила меня кулаком в лицо, затем ее локоть врезался мне в горло. Что-то хрустнуло в трахее или гортани, я попытался вздохнуть, но не смог. Оторвав мои пальцы от своего горла, она двинула меня коленом в пах. Я опрокинулся на стол и услышал треск собственного позвоночника. Очередная попытка вздохнуть ни к чему не привела.

Сидра рассмеялась. Ее глуховатый горловой смех напоминал грохот сыплющихся в ведро камней. Подняв ногу, она придавила меня к столу, заставила выгнуть спину. Я почувствовал: еще немного – и не выдержит хребет...

– Знаешь... – Она помедлила, потирая шею. – Знаешь, меня бы даже слегка разочаровало, если бы ты не попытался.

- Буду пытаться и дальше, – прохрипел я, с трудом втягивая в легкие воздух.

- Но не здесь и не сейчас. Сейчас ты отправишься спать.

Сидра рывком поставила меня на ноги, и в помещение вплыли шесть или семь белых шаров, которые засуетились вокруг меня, хватая членистыми манипуляторами. Я сопротивлялся, но сил уже не осталось.

Сидра ничего не приказывала вслух, но шары явно знали, что делать. Подхватив меня, точно куклу, и не позволяя прикасаться к поверхностям, понесли в анабиозную камеру. Путь оказался недолгим, как будто за ночь замысловатые коридоры лабиринта распрямились и укоротились. В камере ждали две капсулы, стоявшие бок о бок под углом сорок пять градусов к

полу – покрытые ребрами радиаторов хромированные зеленые коконы, возле каждого – пульт управления. В отличие от похожей на гроб капсулы, доставившей Сидру в Солнечный Дол, эти устройства открывались вдоль; лепестки ждали момента, когда им снова позволят сомкнуться в непроницаемый замок.

Сопротивляться я был уже не способен – как сонный малыш, которого укладывают в кроватку. Хотя мысли о борьбе никуда не делись, тело окончательно сдалось. Шары с удивительной нежностью возились со мной, а Сидра наблюдала за ними, уперев руки в бока.

– Ты говорила, что у тебя есть дела в какой-то другой системе, – сумел прохрипеть я. – Где?

– Тебе вовсе незачем забивать этим голову.

– И все-таки скажи. Если я для тебя хоть что-то значу.

Сидра взглянула на меня с отстраненной жалостью:

– Ладно, скажу. Мы сделаем короткую остановку в системе Йеллоустона, на орбите Эпсилона Эридана. Я должна забрать там кое-что важное.

– Что именно?

– Гидеоновы камни.

– Боюсь, мне это ни о чем не говорит.

– Если бы говорило, я бы всерьез заволновалась.

– Что такое гидеоновы камни, Сидра?

Она слегка наклонилась, будто собираясь спеть колыбельную.

– Они помогут нам убивать волков. И если все сложится хорошо, мы убьем очень много волков.

– Я видел кое-что в окошко. Лопасты и спирали.

– Ага... Видел, значит?

– Ты сама прекрасно это знаешь, – прохрипел я. – Тебе известно все, что со мной происходило с того момента, как я оказался на этом корабле. Что это за штука?

– Хочешь испортить сюрприз?

– Пожалуй, да.

Она вздохнула с таким видом, будто я расстроил некую игру.

– Это еще одно, что может нам помочь. Не оружие, но то, что способно создать оружие. И для того чтобы оно работало как надо, нужны гидеоновы камни. – Сидра коснулась пальцем ямочки над моей верхней губой. – Но я об этом позабочусь, малыш. А теперь отдыхай. Тебе не о чем беспокоиться. Ты нужен мне свежим – для знакомства с ними потребуются все твои силы, как душевные, так и телесные.

– С кем – с ними?

– С жонглерами образами, – произнесла Сидра таким тоном, будто именно этого ответа я должен был ждать.

Часть вторая Иоанн Богослов

Глава 7

На Марс падали шестеро спящих.

Капсула, в которой они находились, отделилась от корабля у самой границы запретной зоны. Вместе с ней корабль покинули девятнадцать обманок с теми же размерами и массой, чтобы сбить с толку и перегрузить наши орбитальные системы защиты. Под этим прикрытием капсула с изменниками должна была проскользнуть через барьер и опуститься на поверхность.

Знакомая тактика. Мы были к ней готовы.

За девять месяцев, прошедших с начала войны, мы имели дело с бесчисленным множеством подобных попыток. Изменники прилетали из всех областей системы. Проще было бы сбивать сами корабли, не дожидаясь, когда они окажутся у границы запретной зоны, но мы по глупости заключили ряд военных соглашений, сделавших такую меру проблематичной. На кораблях часто бывали живые щиты – гражданские заложники, не полностью обращенные в идеологию сочленителей. Убийство большого числа гражданских выглядело бы не лучшим образом, и нам приходилось следить за кораблями, но не открывать огня, пока они не попытаются кого-то высадить. Любые спускаемые капсулы считались законной добычей, но лишь после того, как войдут в запретную зону, включавшую орбиту Деймоса, внешнего из двух крошечных марсианских спутников.

Чтобы ликвидировать эти капсулы, требовалась безупречная работа орбитальных систем слежения и оружейных платформ, и за последнее время они накопили изрядный опыт. Эффективность перехвата теперь составляла девяносто шесть процентов, то есть успешной бывала от силы одна попытка достичь поверхности из двадцати. Враг знал об этом не хуже нас, именно потому он все чаще пользовался обманками. В ответ мы установили больше пушек и усовершенствовали алгоритмы различения целей.

При таких мерах у этой новой капсулы практически не оставалось шансов.

Когда она оказалась в радиусе действия систем слежения, те выпустили лазерные лучи в сторону каждой из двадцати возможных целей. Фотоны отразились от их корпусов и вернулись назад. Измерив фазовые смещения между переданным и отраженным светом, можно было обнаружить едва заметные колебания внутри капсул. Лишь из одной исходил сигнал особой формы. Анализ Фурье показал, что он соответствует сердцебиению шести человек. Соответствующим образом изменив приоритеты, пушки сосредоточили внимание именно на этой капсуле, игнорируя остальные девятнадцать. Вряд ли стоило сомневаться, что рано или поздно сочленители найдут способ обманывать детекторы сердцебиения.

Пушки выплюнули высокоскоростные рельсотронные снаряды. Попасть в цель удалось не сразу – капсулы меняли направление, что осложняло прогнозирование траектории. У нас имелось лучевое оружие – более мощная версия лазерного детектора, – но его было трудно разворачивать, оно медленно заряжалось и не так быстро поражало жертву, как один хорошо нацеленный снаряд. Все-таки численный перевес был на нашей стороне. При наличии многих орудий, расположенных вокруг Марса на разных орбитах, в системы слежения можно было одновременно загрузить несколько разных прогнозных траекторий.

Рано или поздно – пусть даже в девятнадцатый раз из двадцати – одна из пушек сделает верный выстрел.

Одна за другой превращались в ничто обманки. Как правило, для поражения хватало единственного снаряда. Три вероятные обманки прорвались в верхние слои атмосферы, но

системы слежения показали, что ни одна даже не пыталась замедлиться, прежде чем врезалась в поверхность на скорости несколько километров в секунду.

Осталась двадцатая – та, в которой бились сердца.

Какое-то время ей везло. Миновали три четких интервала, каждый из которых длился секунды, когда одна или несколько пушек спокойно могли сбить капсулу. Пушки развернулись, их магнетронные стволы вновь изготовились к стрельбе.

Но пушки так и не выстрелили. Сработали системы соблюдения соглашений, временно переводя орудия в безопасное состояние. Часть территории Марса, даже почти полностью заброшенной, оставалась под юрисдикцией демархистов, и артиллерии запрещалось стрелять, если траектория огня пересекала любую из этих зон.

И все же оставалась одна пушка, которая могла сбить капсулу.

Это орудие находилось на самой низкой орбите, и его позиция предполагала, что выстрел уйдет вверх и в сторону от Марса, а не вниз. Даже если бы снаряд прошел мимо цели или пробил ее насквозь, он попросту превратился бы в очередной кусок космического мусора, летящий прочь из Солнечной системы.

Поскольку никакие договора не нарушались, пушке была предоставлена свобода действий. Она пришла в боевую готовность, снаряд уже был заряжен и настроен на максимальную мощность удара. В том, что задача будет выполнена, пушка не сомневалась. На то, чтобы выстрелить, у нее имелось целых пятнадцать миллисекунд.

Внутри капсулы сердца спящих издали по удару.

Пушка обнаружила некий сбой.

В ее модули принятия решений неожиданно поступил сигнал неисправности, диагностическое сообщение. Озадаченная, пушка временно перешла в безопасный режим, чтобы провести тщательную проверку всех систем.

Безопасный режим был рассчитан на три миллисекунды – нежелательно долго, но вполне достаточно (по мнению пушки), чтобы решить проблему и возобновить работу программы.

Пушке требовалось в точности знать, куда она нацелена. Обычно это не составляло проблемы, поскольку пушка хранила историю своих действий и находилась в постоянном диалоге с другими орудийными платформами и системами слежения, ведя непрерывный процесс коррекции ошибок. До сего дня у нее ни разу не возникало причин сомневаться в своих способностях.

Но теперь один из ее трех невероятно точных гелиево-супержидкостных гироскопов давал расходящиеся показания. С точки зрения пушки, доверять следовало двум другим гироскопам, особенно если учесть, что их показания соответствовали ее предполагаемой ориентации, так же как и контрольные сигналы, которые она получила в составе последнего корректировочного импульса.

И все же имелась малая, но конечная вероятность, что верно третье показание, и на кону стояло слишком многое, чтобы пушка могла этим обстоятельством пренебречь. Что, если она нарушит условия договора?

Чтобы во всем этом разобраться, требовалось время. Пушка продлила безопасный режим еще на три миллисекунды и занялась более тщательной функциональной проверкой гироскопов. Окно для выстрела пока что составляло больше шести миллисекунд.

Время еще оставалось.

Функциональная проверка ничего не дала. Имелся некий намек на потенциальный отказ подозреваемого гироскопа, случившийся двадцать две секунды назад, но статистики было слишком мало, чтобы на нее полагаться. Пушка колебалась, продолжая расходовать временное окно. Ничто в ее истории не подсказывало выход из ситуации. Осталось меньше трех миллисекунд. Через две миллисекунды от остальной сети должны поступить очередные корректировочные данные. Может ли она столько ждать?

Пушка рассчитала, сколько времени ей потребуется на анализ этих данных и на принятие решения насчет сбоящего гироскопа.

Оказалось, что времени недостаточно. Пушка может прийти к какому-то решению, но для выстрела ей не хватит оставшегося окна. Пушка заново проанализировала свой прогноз, пытаясь упростить процесс. Если обнулить ряд массивов, сделать логичные предположения о вероятном содержимом других и приготовиться действовать на основе неполного, но достаточно надежного анализа корректировочных данных...

Нет. Нельзя, ни при каких обстоятельствах. Все варианты, включающие расчет выстрела в пределах окна, ничем не отличаются от выстрела наугад, не дожидаясь корректировки.

Пушка не могла ничего поделать. Она осталась в безопасном режиме, и окно закрылось.

Шестеро спящих все так же молчали – ни одно сердце не успело совершить очередной удар. А когда это наконец произошло, капсула уже вошла в мертвую зону, ощутив первый холодный поцелуй разреженной марсианской атмосферы. Под ней простирались безрадостный, изъеденный временем рельеф плато Фарсида.

Я пришел в себя, когда раскрылись лепестки криокапсулы. Меня уложили туда Сидра и ее роботы, но, похоже, теперь предполагалось, что выбирать я должен сам. Было весьма соблазнительно ничего не предпринимать, барахтаясь в волнах медленно возвращающегося сознания. Попытка вылезти из капсулы казалась мне чуть ли не предательством.

Но и умирать не хотелось. На корабле царил тишина. Я поднял руку, без каких-либо усилий поднес ее к лицу. «Коса» пребывала в невесомости, что могло означать лишь отсутствие какого-либо ускорения.

Выплыв из капсулы, я растер руки и ноги, осмотрел их – нет ли повреждений. Если ко мне и были подсоединены какие-нибудь шунты, разъемы и мониторы, то они безболезненно отделились, оставив лишь несколько едва заметных следов. Дрожи в руках не чувствовалось, а пошевелив пальцами, я обнаружил, что исчезло и бывшее онемение. Пока я пребывал во сне, капсула, похоже, привела в порядок мою периферийную нервную систему.

Я двинулся в сторону, к соседней капсуле. Она тоже была открыта.

– Сидра! – выкрикнул я, скорее для того, чтобы проверить свои голосовые связки, чем с намерением позвать хозяйку. Голос звучал хрипло и сухо, но достаточно громко, чтобы его было слышно за пределами анабиозной камеры. – Сидра, ты где?

Ответа не последовало.

Я проплыл по всей камере – это было легко, поскольку рядом всегда оказывалось что-нибудь, позволявшее ухватиться рукой или оттолкнуться ногой. Воздух был прохладным, и я с радостью нашел шкаф с простынями, в одну из которых тотчас завернулся. В другом шкафу оказались емкости с лекарствами и питательными таблетками, которыми я тоже без колебаний воспользовался. Если Сидра собиралась меня отравить, то выбрала для этого чересчур замысловатый и абсурдный способ.

Решив, что ждать в анабиозной камере бессмысленно, я отправился на разведку. При условии, что корабль допустит меня туда, где я уже побывал, я рассчитывал найти Сидру полностью проснувшейся и деятельной, по-прежнему демонстративно безразличной к моим чувствам.

Но ни в одном из знакомых мест ее не оказалось.

Корабль не пытался чинить препятствия или сбивать меня с толку. Коридоры вели, куда я рассчитывал попасть, двери оставались на своих местах, но я находил лишь пустые помещения.

Наконец появился шар, который куда-то плыл, втянув конечности внутрь тела. Я следовал за ним до шлюза в брюхе корабля – того самого, через который попал на борт. Никаких следов Сидры не обнаружилось и там, зато я увидел лишь один скафандр, частично погруженный в стену.

На месте другого зияла впадина в форме скафандра.

– «Коса», – заговорил я, – если ты слышишь меня и понимаешь – можешь ли подтвердить, что Сидра покинула корабль?

Ответа не последовало.

Я подошел к шлюзу, надеясь обнаружить намеки на то, когда им пользовались в последний раз. Но, как и большая часть корабельных систем, датчики и органы управления работали по нейтральным или жестовым каналам, к которым имела доступ только Сидра.

Я уже обшарил рубку управления, но все равно вернулся туда. До этого я искал Сидру, а теперь меня заинтересовало, что находится снаружи.

В прошлый раз ничто не привлекло моего внимания – и неспроста. Иллюминаторы превратились в черную ленту. «Коса» не находилась возле планеты, или звезды, или вообще на какой-либо орбите. Но если мы в межзвездном пространстве, то где звезды? Коль скоро мы куда-то летим, все равно должны быть видны одна или две яркие звезды, вне зависимости от релятивистских эффектов.

Сидра позволила мне ознакомиться с системой управления. Но действует ли ее решение и сейчас? Чтобы это проверить, я уселся в то же противоперегрузочное кресло, что и раньше. Почувствовав мое присутствие, приборы в окрестностях кресла переключились на рунглиш. На этот раз я сосредоточился. Дисплеи и шкалы выглядели незнакомо, но не настолько, чтобы я не мог в них худо-бедно разобраться. Некоторые относились к непосредственному управлению кораблем: его двигателями, системами точного маневрирования и навигационным функциям. Имелись даже признаки наличия у меня ограниченного доступа к средствам защиты и атаки.

Прошло десять минут, за которые я так и не сумел ничего узнать о состоянии или координатах корабля, зато нашел способ уменьшить свечение приборов, а еще усилить проходящий через фальшивые иллюминаторы свет.

Это почти ничего не дало.

Если датчиков «Косы» достигало столь малое число фотонов, то рассчитывать на лучшее вряд ли стоило. В одних и тех же местах возникали едва заметные вспышки, намекая на некую неподвижную структуру вокруг корабля, но ее не могли осмыслить ни мои глаза, ни мозг. Если бы «Коса» приземлилась внутри одной из пещер Солнечного Дола, где отсутствовало искусственное освещение, картина вряд ли сильно отличалась бы от той, которую я видел в данный момент. Но мы в любом случае не могли находиться внутри некой планеты, будь то Харибда или другой остановочный пункт Сидры, или спутника, или астероида – даже самое слабое гравитационное поле уже успело бы себя проявить.

Я вернулся к шлюзу. Там все так же присутствовал один скафандр и отсутствовал другой. Я подплыл к скафандру, взгляделся в темную полосу его визора. Снаружи не было никаких кнопок или швов, и я понятия не имел, как проникнуть внутрь.

– Откройся, – приказал я.

Скафандр не послушался. Я вспомнил, как мы с Сидрой забирались в скафандры и выбирались из них – повернувшись не лицом, а спиной. Судя по всему, скафандр был запрограммирован на приближение и определенную позу. Мне потребовалось лишь отвернуться и медленно подплыть спиной. Скафандр издал хлюпающий звук, раскрываясь вдоль потайных соединений, а затем мягко обхватил меня. Я подавил панику, – если скафандру хватило ума понять мое намерение облачиться в него, вряд ли он решил бы меня удушить.

Скафандр ожил. В поле зрения визора появились символы, которые я уже видел во время нашего исхода из Солнечного Дола. Единственная разница заключалась в том, что все надписи переключились на рунглиш.

Я все еще пребывал в неведении насчет многих функций скафандра, но, увидев, как цифры и стрелки засветились зеленым, понял, что скафандр полностью снабжен всем необ-

ходимым, и похоже, он прошел надлежащее обслуживание после Солнечного Дола. Возникло чувство, что внутри его я мог бы прожить очень долго.

Я попытался пошевелить руками. Скафандр подчинился, в немалой степени облегчив мои усилия. Но было и некоторое сопротивление, напоминая, что я нахожусь внутри скафандра и полностью завишу от его защиты. Затем я попробовал оттолкнуться от стены. Скафандр сделал это с легкостью и поплыл. Выставив руки и ноги, я причалил к противоположной стене и развернулся кругом; в поле зрения оказался шлюз. Да, скафандр работал, и мне уже была предоставлена определенная автономия, пока мы с Сидрой шли к кораблю, но вряд ли я могу воспользоваться шлюзом без ее согласия. А вдруг мне захочется совершить какую-нибудь глупость, например покончить с собой?

Цепляясь за стены и отталкиваясь, я добрался до шлюза, но он и не подумал открыться передо мной. Я приложил ладонь к панели возле люка, надеясь, что сработает какой-нибудь скрытый датчик, но ничего не произошло.

Мне требовалась помощь.

– Ты меня понимаешь?

– Да, – ответил скафандр.

Голос звучал так, будто кто-то пустил ускоренное воспроизведение.

– Мне нужно покинуть «Косу». Открой шлюз.

– Модуль Бета не может обработать запрос.

– Передо мной люк. Мне нужно, чтобы ты его открыл.

– Модуль Бета не может обработать запрос.

– погоди, – сказал я, мысленно возвращаясь к предыдущим событиям. – Где модуль Альфа?

– Модуль Альфа находится вне корабля.

– Модуль Альфа намерен вернуться?

– Модуль Бета не может обработать запрос.

Я почувствовал, как участилось дыхание. Оставалось надеяться, что скафандр окажется более сговорчив, когда я попрошу его выпустить меня из своих объятий.

– Скажи... как далеко находится модуль Альфа?

Скафандр, казалось, задумался. Мне стало интересно: то ли он просто слишком глуп, то ли поврежден, то ли работает по столь ограниченному набору командных протоколов, что не в состоянии ответить почти ни на один запрос.

– Модуль Альфа находится в одной целой двадцати трех сотых километра от модуля Бета.

– Модуль Альфа движется?

– Модуль Бета не может...

– Не важно, – прервал я его. – Модуль Бета может открыть канал связи с модулем Альфа?

– Протокольный канал остается открытым.

– Мне нужно поговорить с Сидрой. С той, кто находится внутри модуля Альфа. Можешь меня с ней связать?

– Модуль Бета не может...

– Не важно. Модуль Бета может последовать за модулем Альфа?

Наступила пауза.

– Прошу подтвердить инструкцию.

– Да! – воскликнул я, не позволив туповатому скафандру порвать тонкую нить только что установленного взаимопонимания. – Подтверждаю!

– Инструкция принята. Модуль Бета переключается на автономное управление до выполнения инструкции. Автономное управление может быть перехвачено в любой момент. Прошу приготовиться к переходу из корабля в абсолютный вакуум.

То, что оказалось невозможным для меня, не составило никакого труда для обретшего наконец цель скафандра. Люк автоматически открылся, и скафандр вместе со мной всплыл в шлюзовую камеру. Отработала система откачки воздуха, всего через полминуты открылся внешний люк, и скафандр вылетел за пределы «Косы», в окружающий корабль неведомый космос.

Я огляделся. Визор позволял смотреть по сторонам, а если я смещал взгляд до предела вбок, поле видимости расширялось еще на десять – пятнадцать градусов, до пределов моего периферийного зрения. Если я продолжал попытки, скафандр создавал над главной визуальной полосой еще одну, показывая вид сзади и позволяя моим глазам отдохнуть. «Коса» была невидима на фоне окружавшей ее мглы, если не считать светящегося шлюза, который уже закрывался за мной.

Я ощутил едва заметный разгон – скафандр набирал скорость с помощью своих микро-реактивных двигателей. Сидра ни разу ими не пользовалась, и я предположил, что им хватает мощности лишь для работы в невесомости, в космическом вакууме.

Возникло неприятное чувство, будто я вбегаю с закрытыми глазами головой вперед в темную комнату, не зная, как далеко до стены. Шлюз полностью закрылся, лишив меня точки отсчета. Несколько секунд спустя я утратил всякое представление о том, с какой скоростью и в каком направлении мы движемся.

– Помедленнее.

– Желаешь изменить текущую инструкцию?

– Нет, просто не желаю ни во что врезаться.

Скафандр поразмыслил над моим ответом.

– Действуют средства предотвращения столкновений. Желаешь просмотреть перечень средств предотвращения столкновений?

– Нет... да! Да, покажи мне эти средства.

В верхней левой части визора поплыли строчки. Едва их увидев, я понял, сколь многое происходит без моего непосредственного участия; скафандр предпочитал не беспокоить меня по мелочам. Он сканировал пространство вокруг нас с помощью радаров и надежных систем лазерной локации. Он использовал оптическое усиление для обнаружения видимых препятствий. Он производил замеры гравитационного градиента, способные обнаружить любой большой и плотный объект поблизости. Он вынюхивал нейтрино, мюоны и десяток других частиц. Он даже брал пробы не вполне абсолютного вакуума, проводя масс-спектрометрию следов атомов и ионов... и следовал тем данным, которые получал от скафандра Сидры, совершавшего точно такое же путешествие.

Поняв намерения скафандра и удовлетворившись тем, что столкновение с чем бы то ни было исключено, я уговорил скафандр дать мне визуальное представление работы его датчиков в активном и пассивном режиме. В поле зрения появился лиловый узор, испещренный быстро меняющимися значениями относительного расстояния и скорости. Пространство, имевшее, как я теперь понял, сотни метров в поперечнике, окружали неровные стены. Все-таки это оказалась пещера, с глубиной больше чем ширина, с отвесными круглыми противоположными стенами, напоминавшая цилиндр. Большая часть трехмерной контурной карты была составлена по показаниям радаров и лазеров, но на ней также имелись несколько бледных светящихся полос, вероятно соответствовавших тем слабым вспышкам, которые я видел изнутри «Косы».

Только теперь мне стало ясно, что эти полосы – на самом деле свет, проникающий в пещеру снаружи.

Скафандр нес меня к стене пещеры, направляясь ко впадине или разрыву в поверхности стены. Мне снова показалось, будто мы летим слишком быстро, но скафандр держал ситуацию под контролем. Где-то в области груди заработали маневровые двигатели, быстро уменьшив

нашу скорость. Когда стена приблизилась и изображение стало четче, я вдруг понял: то, что я принял за естественное образование, таковым не является.

Я увидел соединенные друг с другом панели, торчащие модули, переплетение труб и проводов, рычаги управления и похожие на клешни захваты – но, несмотря на гигантский масштаб, все это казалось собранным из случайных частей, будто у каждого из последующих хозяев имелись свои идеи по поводу ремонта и усовершенствования. Помещение также несло на себе отпечаток плавающей чумы – именно потому я столь легко принял ее за имеющую естественное происхождение. Почти по каждой поверхности расплзлись волокнистые ветвящиеся нити, размягчавшие и разъедавшие все, к чему прикасались. Чем-то это походило на опутанные бледными червеобразными лианами галереи заброшенной церкви, постепенно превращающейся в руины.

Присутствие чумы пробудило былые страхи, не успевшие притупиться за тридцать лет в Солнечном Доле. Однако здесь процесс распада, похоже, прекратился; чума успела пустить ростки, но будто споткнулась, оставив узнаваемым изначальный вид помещения и не проникнув в его глубину. Возможно, где-то еще сохранились активные споры, но, если я хочу найти Сидру, вряд ли стоит придавать этому значение. Ведь она уже прошла этим путем; наверняка она прекрасно знает, на что способен ее скафандр.

Ширины пролома в стене как раз хватало, чтобы я мог через него пробраться. Скафандр развернулся, меняя ориентацию. Пролом находился на месте уничтоженной двери, которая вела, как мне сперва показалось, в коридор, направленный вдоль длинной оси цилиндра. Однако для коридора помещение выглядело чересчур широким; и хотя здесь поработала чума, можно было различить рельсы, расположенные на стенах с интервалом в девяносто градусов. Они были разорваны и изогнуты, но я понял их предназначение: это направляющие для какого-то транспортного средства. Может, поезда, а может, лифта.

– Превышен минимальный порог опасности. Прошу подтвердить дальнейшее исполнение текущей инструкции.

– Подтверждаю, – с легкой тревогой ответил я.

Все еще невесомый, скафандр поплыл по шахте с рельсами. В ограниченном пространстве он двигался чуть быстрее пешехода, то и дело огибая какой-нибудь выступ или завал. Ничто опасное по этим разрушенным рельсам перемещаться не могло, но это понимала лишь здравомыслящая часть моего разума. Чтобы не вставали волосы на затылке, мне приходилось время от времени поглядывать на дисплей заднего вида.

К тому времени я свел идеи насчет нашего местонахождения к трем вариантам. Первый: цилиндрическое пространство внутри небольшого каменного тела – скажем, астероида диаметром в несколько километров. Именно так были устроены некоторые поселения – оболочка из горной породы защищала от радиации и метеоритов. Второй вариант был версией первого: искусственная планета с тонкими стенками в форме цилиндра, по какой-то причине переставшая вращаться и создавать искусственную силу тяжести.

Третий вариант, который, как я инстинктивно подозревал, был верным, заключался в том, что я нахожусь внутри звездного корабля, субсветовика величиной с «Тишину в раю» или нашу «Салмакиду». Подобные корабли вполне могли вмещать десять или двадцать причальных или грузовых отсеков размером с этот цилиндр.

Это вполне соответствовало тому немногому, что я знал. Сидра говорила о каких-то своих делах, которые ей нужно уладить по пути. Предполагалось, что в это время я буду спать, – но что, если в планах Сидры что-то пошло не так?

– Как далеко находится модуль Альфа?

– Ноль целых двести сорок три тысячных километра от модуля Бета.

Меньше четверти километра. Будь тут воздух, я мог бы ее позвать.

Шахта разветвлялась – рельсы расходились в разные стороны. Скафандр выбрал менее поврежденное ответвление, снова набирая скорость. Шахта свернула вбок и закрыла мне обзор.

– Медленнее, – прошептал я, и скафандр послушно вернулся к скорости пешехода.

За поворотом шахты появился слабый свет. На мгновение показалось, будто он просачивается снаружи, но, когда его интенсивность увеличилась, я понял, что этот зеленовато-желтый оттенок не имеет никакого отношения к звезде Эпсилон Эридана или одной из ее планет. Никакая звезда или планета не отличалась столь болезненной бледностью.

Что-то затрещало, и в моем шлеме зазвучал голос:

– Представься, незнакомец.

Голос не принадлежал Сидре – он был низким, протяжным и мужским. А исходил, казалось, сразу отовсюду. Если бы в моем черепе вдруг прозвучал глас Господень, вряд ли бы он сильно отличался.

– Кто ты?

– Кажется, я первым спросил.

Это был не просто голос – ему будто вторило нечто вроде хора. Я пытался разобрать слова этого хора, но их смысл остался для меня недостижимым. Это был какой-то старый язык, предшествовавший современным формам норта, каназиана или рунглиша. Меня по-прежнему окружал вакуум, поэтому внятный голос и фоновый его хор каким-то образом проникали в скафандр по своим собственным каналам связи. Я счел необходимым сказать правду:

– Мигель де Рюйтер.

Мой ответ, похоже, позабавил обладателя голоса.

– Де Рюйтер? Интересная этимология. Рюйтер... может, рыцарь? Что ж, ты прибыл в замок с привидениями. Какое дело привело тебя ко мне, Мигель де Рюйтер?

– Мне самому хотелось бы это знать, – ответил я, но, предположив, что для безымянного собеседнику этого может оказаться недостаточно, добавил: – Я прибыл сюда не по своей воле. Даже не знаю, где нахожусь.

– И все же рассчитываешь, что тебя пропустят дальше. Ты капитан, де Рюйтер? Я повидал всех капитанов. Кажется, сам когда-то был капитаном...

Расставив руки и ноги, я слегка коснулся стен. Скафандр свободно дрейфовал, и мне почти не потребовалось усилий, чтобы остановиться.

– Я не капитан. Но я высадился сюда с корабля, а женщина, которая им управляет, отсутствует на борту. Ее зовут Сидра, и мой скафандр говорит, что она где-то здесь.

– Сидра твоя подруга?

– Нет, – осторожно ответил я. – Пожалуй, вернее будет сказать, что она кто угодно, только не подруга.

Наступила пауза. Тишину нарушал лишь хор. Только теперь мой мозг начал распознавать значение слов. Английский, до эпохи Транспросвещения. Слова я понимал с трудом.

Чье это откровение? Иоанна Богослова.

Чье это откровение? Иоанна Богослова.

Семи печатей книга Иоанна Богослова.

– Ты хорошо ответил, де Рюйтер. Иди дальше. Собственно, я даже настаиваю на этом. А пока идешь, расскажи, чего хочет от тебя Сидра.

Я легко оттолкнулся руками и ногами и двинулся вперед не быстрее пешехода.

– Я знаю только то, что она мне говорила. Будто бы я должен помочь ей что-то найти.

– Что именно?

– Она не слишком-то откровенна. Но, как мне кажется, это нечто такое, что можно использовать против волков.

– Оружие?

– Возможно.

– Я видел немало оружия, которым предполагалось остановить волков. Кое-какое даже носил в себе – экзорциальные устройства, гипометрические пушки. Но они оказались совершенно бесполезны.

– Ни о чем подобном я не слышал. Даже не знаю, стоит ли верить всему, что сказала мне Сидра. Но если есть хоть малейший шанс, что она права, я буду сражаться до последней капли крови.

– Мне нравится твоя сила духа.

– Надеюсь, это нечто большее, чем просто сила духа.

– Когда-то внутри меня был человек. Старый солдат. Он тоже не прекращал поиски. И тоже был готов сражаться до последней капли крови. Но в конечном счете это ничем ему не помогло.

– Что с ним случилось?

– Он отдал свою жизнь, чтобы мог жить другой. Ты способен пойти на такую жертву?

– Нисколько не сомневаюсь.

– Немногие могут так ответить. И мало кому из них я бы поверил. Но в твоих словах нет ни гордыни, ни хвастовства. Факт остается фактом – ты прошел испытание и был готов пожертвовать собой. Но похоже, Вселенная сыграла с тобой небольшую шутку.

– Я остался жив. Но не благодаря Вселенной.

– А благодаря кому? Сидре? Что ж, я не удивлен. У нее есть привычка менять чужие судьбы. Скажу прямо: у нас с Сидрой есть кое-какая общая история. Не слишком долгая, но ее хватило, чтобы понять друг друга.

– Ты убил ее?

– А ты бы этого хотел?

– В конечном счете – может быть. Но от мертвой мне мало толку. Я пришел к выводу, что она нужна мне: чтобы управлять кораблем или по крайней мере дать власть над ним. А потом я разверну корабль и отправлюсь домой, к семье, от которой она меня оторвала. Если семья все еще жива. – Я помедлил. – С тобой Сидра поступила похожим образом?

– Да. Самым худшим. Она заставила меня снова жить.

– Не совсем понимаю.

– Сейчас поймешь. Подойди ближе, сэр рыцарь.

Чье это откровение? Иоанна Богослова.

Чье это откровение? Иоанна Богослова.

Семи печатей книга Иоанна Богослова.

Зеленовато-желтый свет исходил из бреши в стене шахты. Я проскользнул через дыру с рваными сморщенными краями в помещение, заполненное живыми мертвецами.

Сферическая камера имела объем примерно в одну сотую от причального отсека. Вдоль ее стен виднелись беспорядочно сваленные в кучу криокапсулы, и среди них не было даже двух приблизительно похожих по конструкции. Их было по крайней мере пятьдесят, может, даже сто, все очень старые. Капсулы были вдавлены под разными углами в стены до половины, будто камни в мягкий цемент, и каждая окутана той же ветвящейся волокнистой массой, которую я видел в причальном отсеке. Некоторые капсулы были закрыты, и оставалось лишь гадать, кто или что в них находится. Другие, с задранными, будто крокодильи пасти, крышками, пустовали. В третьих, тоже открытых, я видел тела на разных стадиях разложения. Именно от них, от капсул, в которых лежали трупы, и от опутавших их волокон исходило зеленовато-желтое свечение.

Все эти люди, открытые космической стуже, были мертвы. Но некоторые из них шевелились. Их головы поворачивались при моем приближении, рты открывались и закрывались в такт словам...

Чье это откровение? Иоанна Богослова.

Чье это откровение? Иоанна Богослова.

Семи печатей книга Иоанна Богослова.

При виде этого хора мертвецов я едва не спятил от ужаса. Единственное, что позволило мне сохранить здравый рассудок, – это присутствие Сидры. Я пришел за Сидрой. Сидра еще жива. Все остальное выглядит полнейшим безумием, но если я сумею продержаться...

Чье это откровение? Иоанна Богослова.

Ее скафандр был притиснут к постаменту из двух поставленных друг на друга капсул. Вокруг постамента собралось с десятков трупов, и каждый удерживал Сидру по крайней мере одной рукой. Все они пели, раскрывая рты в вакууме. Остальными конечностями мертвецы сцепились друг с другом, чтобы вместе напирать на Сидру.

Сидра корчилась под их натиском, пыталась отбиваться руками и ногами, но даже сил ее скафандра не хватало, чтобы преодолеть давление мертвых ладоней.

– Ты меня слышишь? – спросил я.

– Де Рюйтер, – еле слышно проговорила она, – уходи отсюда. Возвращайся на «Косу». И прикажи ей начать...

– Ну-ну, Сидра, – произнес все тот же голос. – Так-то ты намерена меня отблагодарить за все, что я сделал? Велев своему умному кораблику выпотрошить меня изнутри?

– Кто ты? – спросил я, изо всех сил подавляя инстинктивное желание повернуться и убежать из этого кошмара. – Что связывает тебя с Сидрой?

– Объясни ему, – велел голос. – Расскажи ему все.

– Что бы я ни сказала, ты все равно меня убьешь.

– Просто ответь, – сказал я.

Сидра продолжала сражаться с мертвыми руками, но все медленнее. Как долго она тут пробыла, насколько ослабла? Похоже, она смирилась. Я услышал едва заметный вздох.

– Мне был нужен корабль.

– У тебя он имелся.

– Мне нужен был второй.

– У тебя же есть корабль, – сказал я.

– Сейчас... объясню.

Я окинул взглядом дьявольскую сцену. Я давно бы уже закоченел от страха и отвращения, если бы не подозрение, что хозяин этого места счел меня союзником или по крайней мере врагом Сидры.

– Говори, – сказал я.

– Я давно тебя искала. Сперва отправилась на Арарат, но тебя там не оказалось. Зато ты оставил след, намек, где тебя можно найти – на Михайловом Дне. Хотя у этой планеты не было имени, пока ты там не высадился. Но прямо на Михайлов День я полететь не могла. Слишком большая мне предстояла работа. Требовались союзники, те, кто сможет взяться за одну часть проблемы, пока я буду трудиться над другой.

– Я ничего не понимаю.

– Пусть говорит, – с легкой усмешкой произнес голос. – Это ведь правда, Сидра? Пусть и весьма странная.

Семи печатей книга Иоанна Богослова.

Мертвые руки позволили ей кивнуть головой в шлеме.

– Мы договорились лететь порознь: я – к AU Микроскопа, мои союзники – к Эпсилону Эридана. Для этого им был нужен корабль. К счастью, он у них имелся, хоть и слегка поврежденный.

– Этот тот корабль, на котором они прилетели? – спросил я. – Мы в системе Эпсилона Эридана?

Голос рассмеялся:

– Корабль – это я. Но она лжет. Я не был поврежден. Я был мертв.

– Кто ты?

– У меня было много имен. Прежде чем умереть, я выбрал для себя последнее. Теперь покойники восхваляют меня своим пением.

– Значит, твое имя... Иоанн? – Я колебался, думая, как бы не нанести ему смертельное оскорбление. – Ты... некий конструктор? Личность уровня «гамма» или выше? В твою задачу входило управление кораблем?

– Не конструктор. Человек, такой же, как и ты.

– Когда-то у корабля был капитан, – сказала Сидра. – Старик, у которого хватало странностей еще до того, как его коснулась чума. Постепенно он слился с кораблем, став с ним неразделимым целым. Когда я велела «Косе» внедрить в останки этого корабля устойчивые к чуме репликаторы, сопротивляться стала вовсе не чума, а сам Иоанн Богослов – он мешал любым попыткам вернуть его к жизни.

– Тебя предупреждали, что со мной хлопот не оберешься.

– Думаешь, я отказалась бы от моих планов из-за слов какой-то полумразумной свиньи?

– Эта свинья куда лучше всех, кого ты когда-либо знала.

Сидра насмешливо фыркнула, что в данных обстоятельствах показалось мне не самым разумным.

– Я прибегла к более жестким средствам, вынудив корабль принять мои условия, – и победила. Я подчинила корабль моей воле, привела его в порядок, так что он мог совершить еще один или два межзвездных прыжка, и отправила моих товарищей на Йеллоустон.

– Ты причинила мне множество мучений, возвращая к жизни.

– Я дала тебе еще один шанс искупить вину.

– Послушайте! – Я поднял руку. – Каковы бы ни были ваши взаимные обиды... меня они не касаются. Но мне нужна Сидра. Пожалуйста,пусти ее.

– Я мог бы разорвать ее на кусочки прямо у тебя на глазах. Возможно, тебе кажется, будто она сильная. Хочешь посмотреть, насколько я сильнее? Хочешь узнать, что я могу с ней сделать?

– Мне она нужна живой. Она устроила кризис в нашей колонии, парализовала защиту, угрожала лишить нас воздуха. Из-за Сидры у меня крайне мало шансов снова увидеть жену и дочь.

– Как их зовут, Мигель де Рюйтер?

Я судорожно сглотнул.

– Николя и Викторина.

– Хорошие имена. Ты их любишь?

– Всем сердцем.

– Я тебе верю. Мы оба старики; мы понимаем, что такое любовь. Но оттого меня еще больше удивляет, почему ты не желаешь Сидре смерти.

– Я ей желаю отправиться к чертям в ад! Но только она умеет управлять своим кораблем.

– Я могу убить ее, а потом проникнуть в ее корабль. Вряд ли будет сложно раскрыть его тайны. О кораблях я знаю почти все. Иногда полезно... самому быть одним из них.

– Даже если бы ты смог...

– Он не смог бы, – прервала меня Сидра. – «Коса» уничтожила бы его изнутри, как только он попытался бы взломать ее защиту. Он не сильнее меня, он просто застиг меня в неудачный момент, когда моя защита была не готова.

– Можешь написать это на своем надгробии, Сидра.

– Есть еще кое-что, – сказал я. – Раз уж меня затащили сюда помимо моей воли, по крайней мере хотелось бы знать, что в этом есть какой-то смысл. Я не прочь встретиться с

ее товарищами, которые летели у тебя на борту. Что за дела у них были на Йеллоустоне? В последних полученных нами сообщениях говорилось, что волки оставили там лишь руины, как на орбите, так и на поверхности. Мне также хотелось бы побольше узнать о Харибде. Какое она имеет отношение к истреблению волков? Если для этого потребуется, чтобы Сидра прожила чуть подольше, – пусть.

– Она не знает, что стало с двумя ее товарищами.

– А ты знаешь?

– Они улетели. На корабле поменьше, который я доставил внутри себя в эту систему.

– Когда?

– Не помню. Я перестал вести счет времени. Ты бы на моем месте тоже перестал. Может, десять лет назад, а может, десять недель.

Следующий вопрос я адресовал Сидре:

– Что с запланированной встречей? Как долго мы здесь пробыли, прежде чем я проснулся?

– Я знаю только то, что их здесь нет. – Сидра помедлила. – «Коса» причалила три недели назад. Мои союзники должны были добраться до Йеллоустона на корабле поменьше, завершить свои дела в Городе Бездны и вернуться сюда раньше нас. Они могли все закончить несколько лет назад – в их распоряжении имелись десятилетия. Планировалось, что они погрузятся в криосон до моего прибытия. Не обнаружив их, я пошла искать инерциальные часы.

– Что искать?

– Устройство, которое я оставила на корабле на случай, если придется воспроизвести передвижения товарищей. Мой скафандр был настроен на эти часы, и он привел меня сюда.

– Она говорит правду, Иоанн?

Корабль сухо рассмеялся:

– Пока да.

– Эти союзники... Ты ненавидишь их так же, как и Сидру?

– Нет, – ответил он после короткого раздумья. – Я не могу их ненавидеть.

– Но у меня впечатление, будто они непосредственно участвовали в том, что сделала с тобой Сидра.

– Они не понимали, на что она была готова пойти, чтобы вынудить меня сдаться. Если делали вид, будто ничего не замечают, если позволили себя убедить... что ж, бывали преступления и похуже. Уж я-то знаю, я сам совершал подобное.

– Тебе известно, где они?

– Улетели и не вернулись. Последние сведения о них я получил из окрестностей Йеллоустона, но даже не могу сказать, вошли ли они в атмосферу, не говоря уже о том, добрались ли до Города Бездны.

– Что они собирались там делать?

– Спроси Сидру.

– Пожалуйста, позволь ей вернуться со мной. Тебе вовсе незачем прощать ее за содеянное. Просто дай мне возможность в конце ее наказать.

– Извини, сэр рыцарь, но вряд ли ты в том положении, чтобы кого-то наказывать. Судя по твоим словам, ты ее пленник.

– Она в любом случае поплатится. Не здесь и не сейчас, но рано или поздно. – Я подумал, что, возможно, совершаю чудовищную ошибку, вызывая к лучшим качествам старика. – Те, которые не вернулись, были твоими друзьями?

– Как минимум близкими знакомыми. Мы немало пережили вместе.

– В таком случае обещаю тебе: мы выясним, что случилось с твоими друзьями.

– Ты серьезно?

– Более чем.

– У нас с тобой есть кое-что общее, сэр рыцарь. Нас обоих затащили сюда против нашей воли. И нам обоим хочется верить, что в нашем пребывании здесь есть какой-то смысл. Пусть Сидра проводит тебя на свой корабль. Я не настолько нелюбезный хозяин, чтобы помешать тебе уйти.

– Спасибо.

– Счастливого пути, де Рюйтер. Если мы никогда больше не встретимся, а скорее всего так и будет, я не пожалею о том, что наши пути сегодня пересеклись. И еще, Сидра...

– Да? – настороженно спросила она.

– Хочу сказать кое-что на прощанье. Первое: цель крайне редко оправдывает средства. Ты взялась послужить хорошей цели, но заодно совершила немало зла. Подумай об этом.

– А второе? – В ее голосе звучало стальное безразличие.

– Я не хотел бы отпустить тебя без твоей игрушки.

Один из пассажиров-зомби резко выпрямился в своей капсуле, судорожно выставив вперед негнущуюся руку. Пальцы раскрылись, и из них выпал темный предмет величиной с гранату.

Сидра подхватила его и крепко прижала к груди.

Глава 8

Мы вернулись на «Косу» тем же путем – сперва сквозь труп звездолета, затем сквозь пустой причальный отсек к ожидавшему нас кораблю Сидры.

– Что это за штукавина?

Сидра все еще держала в руках прощальный подарок Иоанна Богослова.

– Мои инерциальные часы.

– Надеюсь, оно того стоило. Старик в самом деле продержал тебя три недели?

– Не важно, – бросила в ответ Сидра. – В случае необходимости я могла бы прожить в скафандре многие годы. И никто не сумел бы мне навредить. Собственно, ничто во Вселенной не может мне навредить, если я сама этого не позволю. Убить – да, но не причинить вред. И я бы все равно оттуда выбралась, как только мой скафандр выявил бы слабые места старика и разработал меры противодействия зомби.

– Кто они?

– Немногочисленные пассажиры, которых он не сумел спасти в окрестностях Хелы, маленькой ледяной планеты на орбите Сто седьмой Рыб, где я впервые с ним встретила. И несколько оставшихся с прежних времен трупов. Он запустил в них свои щупальца и заставил их плясать, как марионеток.

– Наверняка твой скафандр рано или поздно что-нибудь придумал бы. Иначе было бы весьма глупо угодить в такую ловушку, тем более что ты отправилась туда в одиночку.

– Это никак тебя не касалось.

– Но ведь теперь коснулось?

– Твое вмешательство, возможно, ускорило неизбежное, – помедлив, сказала Сидра. – Так что в этом смысле оно... было не столь уж и нежелательным.

– По крайней мере, тебе хватило ума настроить мою капсулу, чтобы она меня разбудила. Если бы я продолжал спать, все могло бы закончиться крайне печально для нас обоих. Я застрял бы на «Косе», а ты в том склепе.

– Скафандр меня бы оттуда вытащил.

– Ну да, конечно, – усмехнулся я. – Всего лишь вопрос времени. Но скажи честно: твои приятели в самом деле опоздали на вечеринку?

– На какую еще вечеринку?

Мы несколько секунд проплыли в пустоте, прежде чем Сидра ответила:

– Они должны были вернуться. У них был небольшой внутрисистемный корабль с усовершенствованной защитой от волков, который проделал весь путь от Хелы в брюхе Иоанна Богослова. У этого корабля не было таких возможностей, как у «Косы», но для их целей он вполне годился. Он должен был доставить моих союзников на Йеллоустон, а затем под прикрытие атмосферы.

– Значит, что-то пошло не так и они погибли.

– Или задержались. Будет понятнее, когда я прочитаю показания инерциальных часов. Если только старик их не зашифровал.

По некой команде Сидры «Коса» открыла шлюз. При виде его у меня возникли странные чувства. Хотелось поскорее оказаться в безопасности, которую обеспечивал корабль, однако, ненавидя Сидру за все, что она со мной сделала, я считал его молчаливым соучастником преступления. Но конечно же, вернуться на борт «Косы» было все же предпочтительнее, чем оставаться в зачумленных потрохах Иоанна Богослова.

Мы прошли через шлюз и освободились от скафандров. Даже я, проведя в скафандре несколько часов, ощущал себя не слишком чистым. Сидра же, если верить ее словам, пробыла в своем не меньше трех недель. Она по-кошачьи потянулась, глубоко вдыхая корабельный воздух. В ноздри мне ударил резкий запах закившего пота, вполне естественный после столь долго пребывания в замкнутом пространстве. На секунду мне стало ее жаль. За ее белой броней все же скрывалось нечто человеческое.

– Мы полетим на Йеллоустон, – сказал я.

– Ответ верен.

– И мне предстоит помогать тебе в поиске союзников. Исключительно на срок данной операции я обещаю не пытаться причинить какой-либо вред тебе или кораблю.

– Надо полагать, это лишь временное перемирие?

– Пока мы не выясним, что случилось. Но у меня есть ряд условий.

– Условий? – Выражение ее лица стало заинтригованным, будто перед ней был ребенок, пролепетавший нечто неожиданное. – И каких же?

– Начнем с того, что я хочу, чтобы ты была со мной откровенна. Мне кажется, перед тем, как я погрузился в криосон, ты что-то со мной проделала.

– И что же я проделала?

– Мне снились очень странные сны.

Она изобразила сочувственную улыбку:

– В них нет ничего сверхъестественного. Когда все эти несчастные синапсы сперва отключаются, а потом снова оживают при пробуждении...

– Слишком уж они были... связными, эти сны. Что-то про войну на Марсе.

Сидра с глубокомысленным видом кивнула.

– Что ж, значит, прогресс в самом деле есть. Хочешь откровенности, де Рюйтер? Будет тебе откровенность. Но вряд ли ты меня за это поблаговаришь.

Иоанн Богослов отпустил нас. В конце причальной камеры открылся огромный круглый люк, повернувшись на единственной массивной петле, и «Коса» выскользнула в открытый космос. Сидя в кресле в рубке управления слева от Сидры, я впервые увидел как систему, в которой мы находились, так и корабль, где не состоялась запланированная Сидрой встреча. Последний был больше любого субсветовика, но я видел лишь его разрозненные компоненты; приходилось мысленно собирать их воедино, как делает путник, вглядываясь в мрачные очертания окутанного туманом замка на скалистой вершине. Корабль был так же темен, как и окружающий его космос. Не отбрасывала на него свет и удаляющаяся «Коса» – Сидра проявила в этом отношении осторожность. Хоть как-то различить фрагменты корабля позволял лишь свет Эпсилона Эридана, а поскольку мы находились от звезды в двадцати астрономических едини-

цах или четырехстах световых минутах, слабое сияние придавало этим фрагментам тусклый красно-коричневый оттенок, а на прочее набрасывало темную погребальную пелену.

Все субсветовики имели форму клинка, что помогало им преодолевать сопротивление межзвездного пространства, но этот клинок так сильно был изуродован чумой, что практически ни на что не годился. Во многих местах зияли обширные дыры, давая нечто вроде урока анатомии звездных кораблей. Передняя часть, острое клинка, почти не пострадала, но посередине корабль был смят, будто вокруг него сомкнулась исполинская рука в железной перчатке. Элементы, образывавшие рукоять, – выносные консоли для сочленительских двигателей – казались изъеденными червями, кое-где просматриваясь насквозь. Через скелет корабля, через его сухожилия и нервы просвечивали звезды. Однако я заметил, что консоли справлялись со своей задачей – удерживали двигатели, несмотря на немалые и, возможно, критичные повреждения.

– Волки могут знать, что этот корабль здесь? – спросил я.

– Сейчас почти наверняка знают. Но он добрался сюда от Хелы без лишнего шума, и с любого расстояния выглядит как дрейфующий мертвый остров. Вряд ли волкам есть до него дело. Никакой угрозы он не представляет, и на нем не осталось ничего из наших технологий, что могло бы их заинтересовать.

– Иоанн Богослов – человек, который сидит внутри этого корабля, или сам корабль?

– Думаешь, это имеет значение?

– Кем бы он ни был, важно одно: ты вернула его к жизни вопреки его воле.

– Мне нужен был корабль, – ответила Сидра и почти шепотом продолжила: – Иоанн Богослов вполне подходил для моих целей. Он не заслуживает ни жалости, ни даже снисходительности, Мигель. Если бы я стала перечислять все преступления, которые он совершил на своем веку, мы с тобой торчали бы здесь, пока волки не обратились бы в прах. Но это вовсе не значит, что я изначально собиралась поступить с ним жестоко. Если бы имелся другой способ...

На пульте сработало сигнальное устройство – завершилось извлечение данных из инерциальных часов. По дисплеям побежали цифры и кривые.

Сидра смотрела на них в мертвой тишине.

– Ну? – поторопил я.

– Что-то не так. Они слишком долго добирались.

– Мы это уже знаем.

– Добирались до этой системы, – раздраженно бросила она. – Судя по показаниям часов, намного дольше, чем я ожидала.

– Ожидания не всегда оправдываются.

– Что-то их задержало, – пробормотала она.

– Насколько все плохо?

Сидра тяжело вздохнула:

– Я обнулила инерциальные часы, когда оставила союзников на Хеле в семьсот пятидесятом году, по пути к тебе. К тому времени я уже запустила процесс восстановления, и наблюдать за ним мне не требовалось вплоть до его завершения. Я знала, в каком состоянии субсветовик и что нужно сделать, чтобы он снова мог летать. Иоанн Богослов сопротивлялся, но я была уверена, что он поймет справедливость моей миссии и согласится участвовать. Вместе с его пассажирами союзники должны были провести в пути год – может быть, два... но часы показывают двадцать лет задержки!

– И что это означает?

Раздраженная моим вопросом, но и желающая продемонстрировать способности своего устройства, Сидра показала на линию, которая начиналась с небольшого значения и двигалась вправо, оставаясь горизонтальной на протяжении двадцати отметок.

– Часы фиксируют местное ускорение – это все, что они могут измерять, находясь внутри субсветовика. После того как я покинула союзников, оно держится на постоянной четверти g , то есть союзники находятся в местном гравитационном поле Хелы, никуда не перемещаясь. Здесь мы видим выброс через двадцать лет – видимо, момент старта, когда субсветовик снова устремился в космос. Потом ускорение падает до нуля – несколько недель затрачено на проверку двигателей и последние корректировки в невесомости. А затем поднимается до одного g на время прыжка между Сто седьмой Рыб и Эпсилоном Эридана.

– Значит, им потребовалось на ремонт корабля двадцать лет, а не год или два. Мне это не кажется таким уж чрезмерным. Планы редко соответствуют реальности.

– У тебя столь обширный опыт ремонта кораблей?

– Ни одного не ремонтировал, – признался я. – Зато доводилось один разбирать. Нам потребовалось пять лет, чтобы снять все полезное с «Салмакиды» после высадки на Михайловом Дне. Мы рассчитывали, что это займет год, самое большее полтора. Но планы есть планы.

Сидра задумалась, явно не в силах возразить.

– И все равно двадцать лет – это слишком долго. Смотри. – Она ткнула пальцем в наклонно поднимающуюся до одного g линию. – Часы находятся в той же инерциальной системе отсчета, что и корабль, поэтому они должны фиксировать силу тяжести в одно g вплоть до средней точки. Но через пару месяцев что-то происходит.

– Ускорение падает до примерно половины g и больше не восстанавливается. Вероятно, какие-то проблемы с двигателями. Либо они не могли и дальше работать с желаемой мощностью, либо истощилась защита, либо корабль не мог выдержать напряжение, и было решено сбросить мощность, уменьшив ускорение до приемлемой величины. – Я пожал плечами. – Половины g вполне достаточно, чтобы достичь релятивистской скорости, просто на это требуется больше времени. Но вряд ли это проблема при расстояниях в десятки световых лет – придется лишь добавить год-другой к полету, который и так займет десятилетия.

– Но они так и не превысили семидесяти процентов от скорости света. – Палец Сидры двигался вдоль горизонтальной части графика, пока линия не нырнула в область отрицательного ускорения. – Большую часть пути они летят по инерции, на холостом ходу двигателей, вплоть до замедления. Путешествие, которое должно было занять двадцать лет, займет тридцать!

– Значит, учитывая задержку перед отлетом... получается, что они отстают от графика примерно на тридцать лет.

Сидра задумалась.

– У них все равно должно было оставаться время, учитывая наши разные траектории. Даже с учетом задержки субсветовик провел в этой системе двадцать восемь лет, так что они вполне успели бы много раз слетать на внутрисистемном корабле на Йеллоустон и обратно. Явно случилось что-то еще.

– Можешь определить, как давно они улетели?

– Нет. Фиксируются только перемещения основного корабля. Их отлет не создал бы достаточно крупного события, чтобы его зарегистрировали часы.

– Значит, они могли улететь как двадцать восемь лет, так и двадцать восемь дней назад. О том, когда именно это случилось, ты не имеешь ни малейшего понятия, и на помощь Иоанна Богослова рассчитывать тоже не приходится. Да уж, все идет по плану, ничего не скажешь.

– План остается в силе, – возмущенно заявила Сидра. – Если даже они не сумели вернуться к месту встречи, это вовсе не значит, что у них – или у кого-то еще – нет того, что мне нужно. Сможешь вытерпеть три g или снова поместить тебя в криосон?

– Что можешь вытерпеть ты, вытерплю и я.

Сидра улыбнулась моей наивности. Хоть ее планы и шли прахом, я был рад, что она все еще способна получать некоторое удовольствие от моих недостатков.

– Вот же трагедия: ты даже не представляешь, как сильно ошибаешься.

При трех *g* Сидра могла перемещаться без посторонней помощи, но для меня это было слишком утомительно. Послушав мои стоны и посмотрев, как я ковыляю – будто экспериментируя с целью узнать, сколь долго я способен продержаться до первого перелома, – она велела кораблю создать гибкий и легкий каркас-экзоскелет, который я мог носить поверх одежды или под ней. Он оказался достаточно умным, чтобы поддерживать меня, не создавая излишнего давления, которое привело бы к появлению синяков и ссадин. В нем даже имелась мягкая опора для моего черепа, которая охватывала подбородок и затылок, облегчая нагрузку на позвоночник и шейные мышцы. Мне потребовалось несколько минут, чтобы привыкнуть к каркасу, после чего я перестал его замечать. Каркас обучился моей походке и жестам, он предвидел все мои движения, как партнер по танцам.

Но ускорение «Косы» я все равно переносил тяжело. Моя кровь весила втрое больше обычного, так что сердцу приходилось трудиться напряженнее. Но поскольку каркас облегчал нагрузку на кости, мышцы и связки, я ничем не рисковал: каркас не позволил бы мне упасть или еще как-нибудь удариться – я по крайней мере мог передвигаться и без особого труда заботиться о личной гигиене.

Сидра настояла, чтобы мы продолжали принимать пищу в столовой, где готовили и подавали еду бортовые роботы. Как только я приспособился к тяжести приборов в моих руках и к тому, как прыгало вино из бутылки в бокал, походивший по весу на массивную пивную кружку, все стало выглядеть на удивление обычно.

На удивление обычно – и почти празднично.

– Должна кое в чем признаться, – сказала Сидра, кладя кусок хлеба на мою тарелку. – Поддерживающий модуль действует лишь временно. Постепенно его эффективность будет снижаться.

– Если хочешь насладиться моими страданиями, для этого есть способы и попроще.

– Страдать тебе не придется. Ты просто все меньше будешь в нем нуждаться, становясь все сильнее. Пока ты пребывал в криосне, я велела твоей капсуле провести кое-какие нанотерапевтические корректировки. Они еще не завершились – клетки не так-то просто перемещать в замороженном виде, – но со временем ты ощутишь результат. От твоих старых костей мне нет никакой пользы. Я перестраиваю их, сбавляя твои годы. Ничего магического, всего лишь комплекс методов омоложения, на которые мы и внимания бы не обратили три столетия назад. Будет немного больно, пока к тебе не вернуться силы, но это приятная боль.

– У меня внутри какие-то машины?

– Ну вот, опять беспокоишься попусту. Не надо. Вероятность, что тебя коснется хоть одна спора чумы, пренебрежимо мала, и я даже не стала бы рисковать, не будь мои средства абсолютно надежны. – Она подняла тяжелый бокал без малейшей дрожи в руках.

– Во что ты пытаешься меня превратить?

– Не превратить, а снова сделать тем, кем ты был.

– Я никем никогда не был.

– И тем не менее некто, заявляющий, будто никем никогда не был, каким-то образом оказался во главе пяти тысяч человек, которыми ему удастся управлять, несмотря ни на что, уже на протяжении тридцати лет.

– Кто-то должен был это сделать.

– Когда-то, – сказала Сидра, глядя на меня сквозь красную толщу вина, – ты был солдатом.

– Думаю, я бы об этом помнил.

– После того как ты зашифровал и заблокировал собственные воспоминания – уже нет. – Сидра сплела пальцы, с серьезным видом глядя на меня, отчего мне все больше становилось

не по себе. – Вас было двое братьев, и обоим была предначертана военная судьба. Твой брат родился много лет назад и стал важной персоной. Его звали Невил Клавэйн, и он был крупным военачальником во время первой войны с сочленителями. Он воевал на стороне Коалиции за нейрочистоту, организации, выступавшей против экспериментов сочленителей на Марсе. Но случилось так, что Невил Клавэйн попал в плен к сочленителям, а потом его отпустили, не причинив никакого вреда. Пережитое подорвало его верность Коалиции, и позже он перешел на другую сторону. С тех пор он действовал в интересах сочленителей, но так и не проникся их духом, всегда чувствовал себя чужим для них.

– Нет! – резко возразил я. – Не имею ничего общего с этим человеком... с этим чудовищем.

А потом подумал: ведь я видел странный сон о Марсе, о войне, бушевавшей века назад.

– Позволь мне продолжить, – спокойно произнесла Сидра.

– Да, пожалуйста, – с чувством обреченности ответил я. – Готов слушать до победного конца.

– Клавэйн прожил несколько веков. На склоне своих лет он участвовал в первых попытках сопротивления волкам. Среди сочленителей шла фракционная борьба из-за различных мнений насчет стратегии, велись споры по поводу запрещенного оружия и опасных экспериментов. В конце концов Клавэйн погиб – к великому моему сожалению, поскольку я считаю, что нам бы помогли его стратегические и тактические способности, включая одну крайне важную информацию.

– И ты полагаешь, что у меня она есть?

– Собственно, я несколько не сомневаюсь, что у тебя ее нет.

Подняв бокал, я выпил за тщетность ее миссии.

– В таком случае мне очень жаль, что ты впустую потратила столько лет.

– Вовсе не впустую. – Сидра замолчала, увидев появившихся с предсказуемо аппетитной едой роботов.

Она смотрела, как те расставляют блюда, и от ее легкой улыбки мне стало неуютно.

– Судя по обстоятельствам гибели Клавэйна, есть вероятность, что крайне важную для моей миссии информацию все еще можно найти на Харибде. Я пыталась раздобыть ее сама, но не сумела. Возможно, у кровного родственника Невила будет больше шансов.

– Даже если хоть что-то из этого правда... я для тебя бесполезен. Потому что я не тот, кто тебе нужен.

– Нет, Уоррен, ты именно тот.

– Кто такой Уоррен?

– Ты, – ответила Сидра. – Таково твоё настоящее имя. Уоррен Клавэйн. Ты был одним из элитных стратегов Коалиции за нейрочистоту, мыслителем и воином в одном лице. Для вашей небольшой группы суперсолдат у вас имелось свое, достаточно возвышенное название.

– Какое? – спросил я, не в силах унять нервную дрожь.

– Рыцари Кидонии. – Сидра указала на еду и предложила, пока жалкие остатки моей уверенности в себе проваливались в чудовищную бездну: – Угощайся, сэр рыцарь. Нам предстоит большая работа.

Вернувшись в свою каюту на «Косе», я обнаружил там нечто новое. Оно стояло на прикроватной тумбочке, удерживаемое зажимом на случай внезапных изменений местной силы тяжести. Это было какое-то украшение, оказавшееся весьма тяжелым, когда я его взял, – толстое деревянное основание с торчавшим из него вертикально металлическим стержнем, который, в свою очередь, поддерживал кусок шершавого полупрозрачного материала.

Я пощупал материал – грубо обработанный параллелепипед, шириной сантиметров двадцать и чуть больше в длину, плавно изогнутый в двух направлениях, так что казалось, будто

стержень поддерживает фрагмент, вырезанный из какого-то большого предмета приблизительно сферической формы. В толщину параллелепипед был примерно с половину моего мизинца, с неровными краями. Поверхность его была покрыта ямками и царапинами, создававшими впечатление неких форм и цветов, но никакого конкретного изображения я различить не смог. В глаза бросилось маленькое отверстие посередине, от которого расходилась сеть тонких трещин.

Я повертел украшение в руках, не сомневаясь: оно должно что-то для меня значить и я при неких обстоятельствах уже видел его раньше. А еще я был уверен в том, что его присутствие здесь не случайно. Сидра точно знала, что вещь меня встревожит.

– Вера, – против воли прошептал я, глядя на украшение. – И Надежда.

А затем:

– И Любовь.

В приступе злости я швырнул украшение на стол. Но ни одна его часть не сломалась.

Часть третья Свинарник

Глава 9

Я падал на Марс верхом на каменной глыбе.

Рядом со мной падали еще двое солдат. Каждый был втиснут в одноместный десантный кораблик размером немногим скафандра. Кораблики, имевшие форму куколки насекомого, крепились к камню лишь передней частью, в то время как их сужающиеся хвосты торчали в космос. Черные на черном, кораблики прятались на задней поверхности камня. Кроме наших трех, имелся еще четвертый, пока пустой.

Я огляделся, корчась в тесных противоперегрузочных снастях. В глаза било солнце, затемненное до терпимого уровня фильтрами моего визора. Однако даже в его ярком свете наши кораблики выглядели лишенными каких-либо черт или формы – просто черные пятна на поверхности камня.

На кромках визора появились отображавшие состояние графики – системы пробудились или перезагрузились после долгого сна. Пробежавшись по графикам взглядом, я понял, что с моим телом, скафандром и кораблем все в порядке. Судя по поступившим от руководства нашей миссии данным, вторая фаза операции завершилась удачно. Капсула вошла в атмосферу, и, вместо того чтобы сбить, ее пропустили, устроив так, чтобы орбитальные пушки не сумели ее перехватить.

Анализ сердцебиения показывал, что в капсуле находятся шестеро. Они уже почти неделю пребывали на поверхности Марса. Судя по данным температурного сканирования, капсула выдержала вход в атмосферу и посадку и ее обитатели остались живы. Но никакого движения с их стороны не наблюдалось, и никакие другие силы сочленителей не пытались добраться до них из Материнского Гнезда.

Однако в том, что они появятся, я несколько не сомневался. Для Галианы эта капсула – слишком соблазнительная добыча, чтобы ее проигнорировать.

Мой скафандр установил связь ближнего радиуса с другими десантными кораблями. По поступившим с них биометрическим данным я понял, что двое солдат тоже выходят из анабиоза.

Я пососал трубочку, смочив губы и горло, и попытался заговорить:

– Надежда? Любовь?

Мгновение спустя последовали слабые, но отчетливые ответы.

– Я здесь, Вера, – сказал Надежда.

– Я тоже, – сказала Любовь.

– Хорошо. С возвращением. – Я не добавил: «К миссии, в которой, скорее всего, мы все погибнем».

Напоминания не требовалось – никто из нас не знал, каковы его шансы выжить, но иллюзий не питал. Предприятие было крайне рискованным, без возможности найти укрытие или получить подкрепление, если что-то пойдет не так.

– Вы получили ту же информацию, что и я, хотя, возможно, еще ее не усвоили. Вкратце: капсула вошла в атмосферу и совершила посадку в восьмистах километрах к северу от предполагаемого места нашей высадки. Она там уже шесть дней. Пауки даже не пошевелились.

– Думаешь, почуяли ловушку? – спросил Надежда.

– Нет. С чего бы? Это вполне законная капсула с изменниками, которая сумела преодолеть нашу защиту, и, пока мы ее не коснемся, ловушкой она не станет. До этого момента она

является именно тем, чем кажется, и они рано или поздно что-нибудь предпримут. Единственное, из-за чего они еще этого не сделали, – инстинктивная осторожность и понимание того, что спешить им некуда. Но мы создадим им стимул.

– Есть указания на место нашей встречи? – спросила Любовь.

– Наиболее предпочтительная точка – лагерь маскиан в двухстах километрах к югу от капсулы. Кто-то из нас, вероятно, прибудет на несколько часов раньше остальных. Его задача – обеспечить укрытие и начать проверку систем, сперва прочесав окрестности на предмет пау-чых ловушек.

– Можно подумать, мы об этом забыли, – сказал Надежда.

– Вы будете все в синяках от удара при посадке, к тому же уставшие после тяжелого трехсуточного похода без сна. В реальности все бывает намного хуже, чем на тренажерах.

– Что ж, это радует, – усмехнулся Надежда.

– Побольше оптимизма, – ответил я. – Пока у вас одна задача: остаться в живых, спуска-ясь на планету верхом на взрывающемся астероиде.

– Я готова, – сказала Любовь.

Она говорила вполне серьезно, и я ею восхищался. Идеальное приобретение для Коа-лиции – отважная, целеустремленная, самоотверженная, преданная делу борьбы с сочлените-лями. Никто не знал о происходившем в головах пауков лучше, чем эта одаренная молодая женщина из психирургической службы. И немалую честь ей делало то, что в этой операции она согласилась участвовать добровольно.

Или, если говорить прямо, не стала отказываться, когда ее сочли пригодной.

Я почти жалел, что не знаю, как ее зовут на самом деле.

Отключив темнопривод, Сидра скользнула под прикрытие вереницы трупов, оставав-шихся на орбите Йеллоустана.

Десять тысяч поселений, тысячи больших кораблей и десятки тысяч кораблей поменьше превратились в гирлянду из руин. Около трех тысяч поселений еще можно было опознать, но даже они беспорядочно кувыркались, взорванные и потерявшие воздух. От прочих остались лишь обломки миниатюрных планет, куски субсветовиков и внутрисистемных кораблей, фраг-менты человеческих тел.

Сидра не отрывалась от дисплеев, на которых светились пики, волны и беспорядочные последовательности двоичного кода.

Я поерзал в противоперегрузочном кресле, пытаясь найти наименее болезненную для суставов позу.

– Что мы ищем?

– Что-нибудь с признаками жизни, – ответила она, понизив голос, будто нас могли под-слушать. – В идеале – нечто с признаками жизни, способное с нами общаться.

– Я думал, мы уже перестали говорить друг с другом загадками.

Сидра слегка пожала плечами:

– Здесь не все полностью мертвое. Есть фрагменты кораблей, сохранившие остаточную функциональность. Есть поселения, где еще работают на минимальной мощности обслужива-ющие устройства, хотя обслуживать им больше некого. Космические маяки, автоматически передающие коды.

– И чем это может нам помочь?

– Некоторые из них продолжают посылать информацию, как будто ничего не изменилось. Сигналы дальномеров, опознавательные запросы, авторизация приближения и так далее. Это как последние электрические импульсы в умирающем мозгу. Своего рода машинное старче-ское слабоумие.

– Думаешь, какой-то из этих сигналов исходит из корабля, который должен был встретить нас внутри Иоанна Богослова?

– Не обязательно. Но если мои союзники тут были, их могла обнаружить какая-нибудь система слежения и зафиксировать их перемещения. Если удастся найти следящее устройство и исследовать его память, я узнаю, когда они прибыли. – Она помолчала, закусив губу. – Но пока что эти системы не отвечают.

– Ты с ними общаешься? Не слишком ли рискованно после всех наших усилий остаться незамеченными?

– Да что ты все время беспокоишься? – (Я увидел в ее глазах нечто среднее между удивлением и разочарованием.) – Как ты вообще мог воевать?

– Я не солдат.

– О том, что ты солдат, говорит даже твое имя – оно происходит от слова «война». Когда вы с братом в детстве играли на песчаных дюнах около дома, брат называл тебя Воином. Об этом упоминается в одном из файлов с военными биографиями, в том месте, где рассказывается, как вас обоих повысили до небесных маршалов. Разве не здорово? Он предвидел, кем ты станешь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.